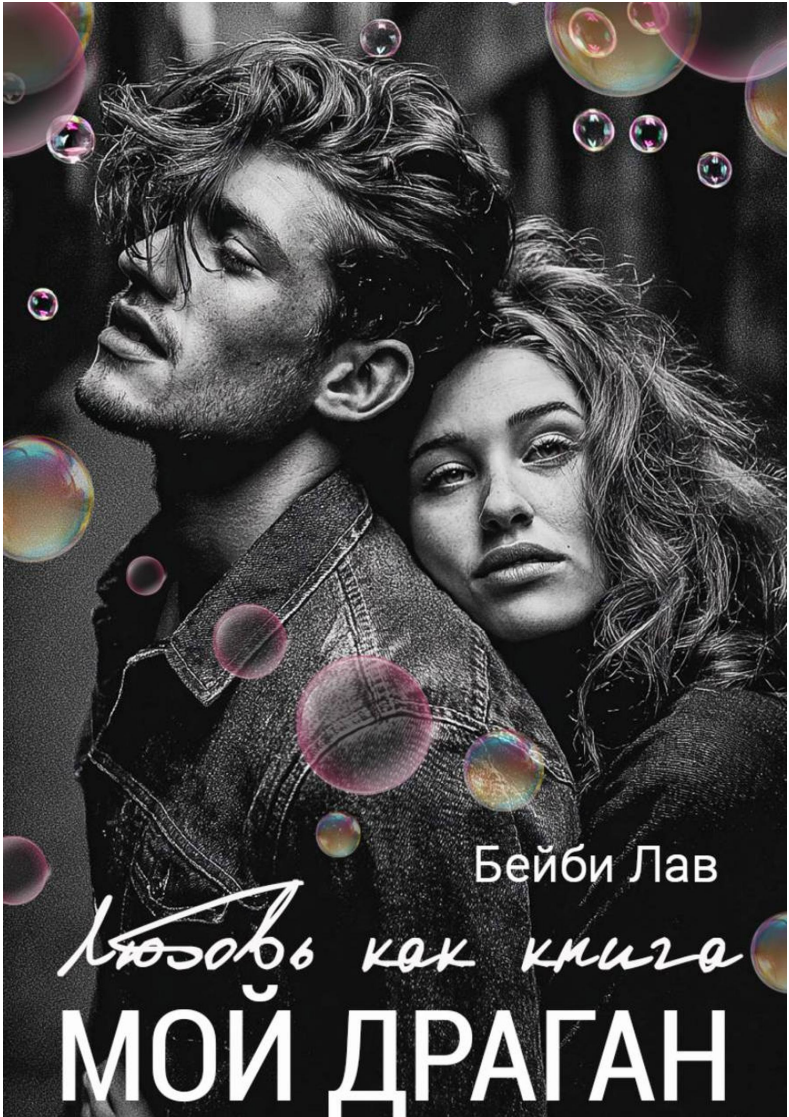
Бейби Лав
Любовь как книга
МОЙ ДРАГАН

Бейби Лав

Мой драган. Любовь как книга

https://litres.ru/70070113
SelfPub; 2026

Аннотация

Инга – главный редактор любовных романов в известном издательстве. Она прагматична, умна и не верит в любовь. А ещё терпеть не может женское сопливое чтиво. Инга мечтает быть редактором у Стивена Кинга, но вместо этого шеф поручает ей очередную звезду Amazon.

Неожиданно для себя Инга встречает мужчину своих тайных грёз. И, кажется, влюбляется. Прекрасного принца, словно сошедшего со страниц романов, которые она так презирает. Ей нужно во что бы то ни стало завоевать его сердце, потому что Инга чувствует, что он – тот самый.

Драган – литературный агент загадочной писательницы книжек про мафию. Он обожает Питер, русскую литературу и вкусную еду. А ещё он – потомок Дракулы и разговаривает с давно умершими поэтами.

Вместе они должны до Нового года объездить несколько городов с презентацией любовного романа, чтобы Инга успела на бал к своему принцу. Только она пока не знает, что за время путешествия всё изменится.

Честный и ироничный взгляд на изнанку писательской работы.

Содержание

1	4
2	40
3	75
4	125
5	196
Конец ознакомительного фрагмента.	266

Бейби Лав
Мой драган.
Любовь как книга

1

— Я не буду с вами спать! — выдаю как гром среди ясного неба.

Артур Альбертович морщится, словно я сказала какую-то беспросветную чушь, потом его взгляд падает в моё декольте.

— Я собираюсь трахать тебя, Элеонора, а не спать с тобой, как с плюшевым мишкой. Так что, пока — наши цели вполне совпадают.

— Моя цель поскорее избавиться от вашего общества, Артур Альбертович, — выплёвываю я, гордо вскидывая голову и поднявшись со своего места, резко разворачиваюсь на своих шпильках, едва удержав равновесие, и шагаю в сторону выхода.

— Тогда спешу сообщить тебе о твоих прямых обязанностях, пока ты не ушла и не лишила себя шанса на достойное существование под моим руководством, — летит мне в спину.

Я оборачиваюсь, не веря своим ушам, метая глазами молнии, которые, судя по расслабленной позе, никак этого самовлюблённого гада не задевают!

Так, и что это, мать её, она снова понаписала?! Она вообще, хоть одну книжку в своей жизни прочла?! Кроме своих сраных нетленок, конечно же! Я чувствую, как у меня начинает сводить скулы, как от лимонного сока.

С возмущением перечитываю присланный мне на редактуру текст и снова начинаю закипать как чайник.

«Закипать как чайник»— какое банальное сравнение, мысленно отмечаю я про себя. Вычёркиваем. Я просто *«начинаю закипать от возмущения»*. Да, так лучше. Филолог внутри меня откусил печеньку и довольно усмехнулся.

Мои пальцы бегают по клавиатуре, бесстрашно истребляя ошибки и расставляя запятые, пока мои глаза режет от боли и несметного количества лексического дерьма, льющегося с экрана.

Ага, вот, пожалуйста, следующий перл:

— Обойдёшься, — шиплю, нарушая субординацию и так же переходя на ты, — для этого есть секретарь. А если недостаточно, закажи с доставкой!

— Ты не поняла, Нора, я в любом случае доберусь до твоей наверняка роскошной норки, — медленно выговаривает он и усмехается, довольный собственным каламбуром, — а пе-

ред этим как следует тебя измотаю, пока ты сама не попросишь меня взять тебя

Я хлопаю дверью, не дав ему ничего больше сказать, и бегу по коридору под удивлённые взгляды Нины Аркадьевны.

Щёки пылают, сердце несётся галопом, а между ног горячо и сладко ноет

Ага, значит у героини что-то там сладко ноет, понятно А моё сердце тем временем начинает ныть и подвывать от тоски, пока я перечитываю и правлю очередной бессмертный шедевр моего топового автора Алекс Стар.

Делаю небольшой перерыв, чтобы проветрить свои немного опухшие от такого аляпистого и безграмотного текста мозги и завариваю свой любимый чай *Кубок огня*с айвой и перцем.

Да уж, маркетолог чайной компании, родивший это названьице, тоже, видимо, тайный графоман и по ночам по*п*исывает какие-нибудь посредственные фанфики под псевдом, к примеру, Олег Пандус. А что, Олег — прямо вот такое надёжное мужское имя, как камень. Как скала. Ну или как твёрдый жаркий член, как написали бы мои авторы в своих романах. А Пандус — вполне себе загадочная фамилия. Из мира волшебства и поломанных детских травм. Просто прелесть: *«все мои мечты и устремления разбились о жестокий пандус жизни»*

*Кубок огня*поднимается из моей любимой чашки тонким ноябрьским ароматом, пока я смотрю в окно на осенний

двор. Вот мой сосед вылезает из своего безумно дорогого внедорожника, и я пытаюсь представить себе этого пухлого коротышку в итальянском пальто в роли грозного соблазнительного босса, от мысли о котором у меня бы сразу заныло горячо между ног

Но нет, сосед идёт, переваливаясь неуклюжей уточкой через наш заваленный листьями дворик, и мне даже не удаётся представить, как он вообще, в принципе, смог бы ловко и страстно заниматься сексом, предварительно отыскав свой огурчик под складками внушительного начальственного животика.

Хотя, о чём это я? Отхлебываю свой чай, и чувствую на губах оранжевый вкус хурмы. Вон, во всех книжках авторов нашей самой продаваемой серии *Во власти страсти*у альфа-боссов очень огромные члены. Всегда. И они всегда стоят. Это я знаю наверняка. Они их не разыскивают подолгу в штанах, а сразу же смело поражают ими намеченные цели. Прямо как копьями.

Потому что вот уже два года я работаю главным редактором издательства *Indigo Publishing*и по стечению обстоятельств руковожу самыми крупными проектами в жанре современного любовного романа. Естественно, женского. Можно подумать, мужчины и любовь — это что-то несовместимое в литературе.

В любом случае, я скрупулёзно вычитываю обдающие меня похотью и жаром тексты про пылающие костром киски,

вагины и промежности, в которые беспрестанно врываются неутомимые гигантские члены, фаллосы и *кувалды*. Но только с середины уже написанного романа. Так должно быть. С дешёвками мы не связываемся.

Мы, знаете ли, серьёзный издательский холдинг и не печатаем проходную порнуху, где герои начинают сношаться с первых же страниц! Это не к нам, увольте! А скорее всего — на какие-нибудь площадки самиздата, где у читательниц нет времени пролистывать полроманa по дороге домой с работы. А мои авторы строго выдерживают положенные сто страниц текста, прежде чем позволить главному герою выпустить из штанишек своего статного алого красавца.

Или нет. *Пунцового*, — так лучше. Я мысленно вношу правки в свой внутренний монолог с самой собой, пока мой чай грустно остывает в чашке с портретом Шарлотты Бронте. Которую я, к слову, обожаю.

Могла ли я подумать десять лет назад, когда получала красный диплом по греческой филологии, что буду зарабатывать на жизнь не наследием великих классиков, а какими-то жалкими писульками, от которых у меня самой регулярно сводит скулы, как от протухшего лимона?!

Я окидываю взглядом свою уютную кухню в прованском стиле, купленную на мои скромные заработки, и вздыхаю. Плиний и Шарлотта Бронте определённо не приносят столько денег, чтобы содержать одинокую девушку, проживающую на Фонтанке в Питере. Так, осталось вычитать совсем

немного, и тогда я наконец-то отложу в сторону дешёвые романчики моей клиентки, которые по иронии судьбы стоят так дорого, и упаду в объятия Джейн Остин. Или всё-таки Сомерсета Моэма?

Об этом я ещё подумаю.

Бросаю на прощание взгляд в окно, где уже над городом начинает глумиться осень, и вижу моего соседа-властного-босса, снова направляющегося к своему П*о*рше, но уже в сопровождении юной длинноногой девы, которая мелко семенит рядом с ним, перебирая своими несусветными каблучками, и даже через плотный немецкий стеклопакет я могу расслышать её позвякивающий смех. Да уж, сосед жжёт: он, оказывается, способен рассмешить девушку. Может быть, красотка любит его за чувство юмора, а не за туго набитый кошелёчек?

Да и член у него, возможно, прямо как в новом романе моей Алекс. Гигантский и божественный.

Да сдался мне член моего соседа! Профессиональная деформация. Я начинаю злиться и закипать.

Блин, и что вообще за идиотское имя — Алекс Стар?

Иногда мне кажется, что все эти авторки сбежали прямиком из курятника. Ну это надо же быть такой убогой дурой, чтобы взять себе такой банальный, избитый и дешёвый псевдоним! Звезда, блин! Хотя, спорить не буду, на рынке эротических романов на русском она — самая настоящая звезда. И я должна холить и лелеять свою любимую курочку, кото-

рая регулярно несёт мне золотые яички.

Хотя да, понимаю, в уме начитанной публики яички точно ассоциируются не с курами! И даже могу представить, в какие бы секс-пассажи их умудрилась вставить моя удивительная Алекс. Но не буду. Я выше этого.

Яичек. Фаллосов. Женских романов и властных альфа-самцов. И пока меня окончательно не вырвало, я снова сажусь за монитор.

Я машинально начинаю её одёргивать на себе, и мой взгляд совершенно случайно скользит от красивого наглого лица вниз, и утыкается как раз в то самое место! И я не могу отвести глаза, потому что я очень давно не видела таких внушительных размеров. О боже! Его причиндалы выступают даже сквозь плотную ткань штанов, и я даже не представляю, как он выглядит в обнажённом виде.

Кстати, а вот и очередное сообщение от моего прекрасного босса, Егора: *«Инга, когда ждать окончательные правки?! В печать уже завтра!»*

Ну хорошо, хорошо, этот бред, допустим, я вычитаю и внесу правки очень быстро. Но самое сложное — это как раз совсем другое. Как уговорить нашу королеву эротического саспенса принять эти правки? Чёрт с ними запятыми, их она просто всегда расставляет в произвольном порядке или попросту игнорирует, но как быть с её этими вечными *«крепкое кофе»*, *«метаю молнии»*и *«садят зрение»*? Она ведь на-

верняка мне скажет в очередной раз, что это её стиль и уникальный авторский текст.

Чехов с Пушкиным переворачиваются.

Ладно, делать нечего, бреду в спальню к своему шкафу, чтобы отыскать что-то поприличнее. Что-то, что смогло бы соответствовать стилю нашей королевишны гламурного шика.

Бросаю недовольный взгляд в зеркало: растрёпанные волосы, очки на лбу, вытянутые домашние штаны и огромная толстовка завершают мой стереотипный образ редактора, который заметно подпортила удалёнка. С тех пор как разрешили работать на дому, я стала значительно экономить на офисных нарядах, и в моём гардеробе навсегда поселились все эти уютные безразмерные тряпки, в которых так удобно протирать пятую точку за компом.

Так, ладно, достаю свой дежурный костюм, купленный сто лет назад по случаю, но надёванный буквально несколько раз. Дорогой бренд, строгий стильный крой. Одним словом то что надо. Пытаюсь натянуть на себя юбку: чёрт, да кто вообще шьёт такие узкие юбки?! Мне же в ней работать, а не властных боссов клеить!

Не без труда дотягиваю её себе до талии, где безуспешно пытаюсь застегнуть её на поясе. Наверняка дорогая шерстяная ткань дала усадку, я уверена. Сколько я её не надевала? Месяца три? Полгода? Ну ничего, под строгим приталенным пиджаком будет совсем незаметно, что пояс у меня не застёг-

нут. Натягиваю его сверху и не без огорчения понимаю, что он тоже, подлец, дал усадку.

Но кто сильнее? Я — суперредактор с академическим высшим образованием или какой-то жалкий пиджачишка? Я стискиваю зубы, но всё-таки свожу вместе лацканы, застёгивая пуговку за пуговкой, пуговку за пуговкой. Смотрюсь в зеркало: вполне хорошо сидит, никто и не заметит, что костюм мне немного, скажем так, маловат. Ладно, ходит же эта бездарная Алекс в шмотках в обтяжку, и ей это только на пользу, тиражи и продажи растут, как на дрожжах. Так что и я сегодня буквально побываю в её шкуре.

Решительно крашу ресницы и брови, распускаю волосы по плечам, но потом, немного подумав, всё-таки убираю их в строгий конский хвостик на затылке. Придирчиво снова осматриваю своё отражение, беру сумочку и телефон и направляюсь к выходу, набирая по дороге в сервисе такси адрес фитнес-клуба *Монро*. Что бы ни значило это элитное идиотское название.

Читаю сообщение: *«На вашу поездку назначен водитель Ширзод»*. Пять звёздочек. Мне повезло.

А что я хотела?! Чтобы ко мне хоть раз приехал Джордж Клуни? В кожаном пиджачке на голое тело? Или Ричард Гир подобрал бы меня, как проститутку в «Красотке» на своём Ламборгини или какой-нибудь другой крутой тачке?

Потому что в жизни такого не бывает. А бывает только в дешёвых бездарных книжонках Алекс Стар, как, например,

в её недавнем шедевре «Случайный таксист».

—Монро, —недовольно бухаю подъехавшему водителю, плюхаясь на заднее сидение, и он, глянув быстро на меня в зеркало заднего вида, погромче врубает какой-то радиоканал с классической музыкой.

Артур Альбертович морщится, словно я сказала какую-то беспросветную чушь, потом его взгляд падает в моё декольте.

— Я собираюсь трахать тебя, Элеонора, а не спать с тобой, как с плюшевым мишкой. Так что, пока — наши цели вполне совпадают.

— Моя цель поскорее избавиться от вашего общества, Артур Альбертович, — выплёвываю я, гордо вскидывая голову и поднявшись со своего места, резко разворачиваюсь на своих шпильках, едва удержав равновесие, и шагаю в сторону выхода.

— Тогда спешу сообщить тебе о твоих прямых обязанностях, пока ты не ушла и не лишила себя шанса на достойное существование под моим руководством, — летит мне в спину.

Я оборачиваюсь, не веря своим ушам, метая глазами молнии, которые, судя по расслабленной позе, никак этого самовлюблённого гада не задевают!

Так, и что это, мать её, она снова понаписала?! Она вообще, хоть одну книжку в своей жизни прочла?! Кроме своих

сраных нетленок, конечно же! Я чувствую, как у меня начинает сводить скулы, как от лимонного сока.

С возмущением перечитываю присланный мне на редактуру текст и снова начинаю закипать как чайник.

«Закипать как чайник»— какое банальное сравнение, мысленно отмечаю я про себя. Вычёркиваем. Я просто *«начинаю закипать от возмущения»*. Да, так лучше. Филолог внутри меня откусил печеньку и довольно усмехнулся.

Мои пальцы бегают по клавиатуре, бесстрашно истребляя ошибки и расставляя запятые, пока мои глаза режет от боли и несметного количества лексического дерьма, льющегося с экрана.

Ага, вот, пожалуйста, следующий перл:

— Обойдёшься, — шиплю, нарушая субординацию и так же переходя на ты, — для этого есть секретарь. А если недостаточно, закажи с доставкой!

— Ты не поняла, Нора, я в любом случае доберусь до твоей наверняка роскошной норки, — медленно выговаривает он и усмехается, довольный собственным каламбуром, — а перед этим как следует тебя измотаю, пока ты сама не попросишь меня взять тебя

Я хлопаю дверью, не дав ему ничего больше сказать, и бегу по коридору под удивлённые взгляды Нины Аркадьевны.

Щёки пылают, сердце несётся галопом, а между ног горячо и сладко ноет

Ага, значит у героини что-то там сладко ноет, понятно А моё сердце тем временем начинает ныть и подвывать от тоски, пока я перечитываю и правлю очередной бессмертный шедевр моего топового автора Алекс Стар.

Делаю небольшой перерыв, чтобы проветрить свои немного опухшие от такого аляпистого и безграмотного текста мозги и завариваю свой любимый чай *Кубок огня* с айвой и перцем.

Да уж, маркетолог чайной компании, родивший это названьице, тоже, видимо, тайный графоман и по ночам пописывает какие-нибудь посредственные фанфики под псевдом, к примеру, Олег Пандус. А что, Олег — прямо вот такое надёжное мужское имя, как камень. Как скала. Ну или как твёрдый жаркий член, как написали бы мои авторы в своих романах. А Пандус — вполне себе загадочная фамилия. Из мира волшебства и поломанных детских травм. Просто прелесть: *«все мои мечты и устремления разбились о жестокий пандус жизни»*

Кубок огня поднимается из моей любимой чашки тонким ноябрьским ароматом, пока я смотрю в окно на осенний двор. Вот мой сосед вылезает из своего безумно дорогого внедорожника, и я пытаюсь представить себе этого пухлого коротышку в итальянском пальто в роли грозного соблазнительного босса, от мысли о котором у меня бы сразу заныло горячо между ног

Но нет, сосед идёт, переваливаясь неуклюжей уточкой че-

рез наш заваленный листьями дворик, и мне даже не удаётся представить, как он вообще, в принципе, смог бы ловко и страстно заниматься сексом, предварительно отыскав свой огурчик под складками внушительного начальственного животика.

Хотя, о чём это я? Отхлебываю свой чай, и чувствую на губах оранжевый вкус хурмы. Вон, во всех книжках авторов нашей самой продаваемой серии *Во власти страсти*у альфа-боссов очень огромные члены. Всегда. И они всегда стоят. Это я знаю наверняка. Они их не разыскивают подолгу в штанах, а сразу же смело поражают ими намеченные цели. Прямо как копьями.

Потому что вот уже два года я работаю главным редактором издательства *Indigo Publishing*и по стечению обстоятельств руковожу самыми крупными проектами в жанре современного любовного романа. Естественно, женского. Можно подумать, мужчины и любовь — это что-то несовместимое в литературе.

В любом случае, я скрупулёзно вычитываю обдающие меня похотью и жаром тексты про пылающие костром киски, вагины и промежности, в которые беспрестанно врываются неутомимые гигантские члены, фаллосы и *кувалды*. Но только с середины уже написанного романа. Так должно быть. С дешёвками мы не связываемся.

Мы, знаете ли, серьёзный издательский холдинг и не печатаем проходную порнуху, где герои начинают сношаться с

первых же страниц! Это не к нам, увольте! А скорее всего — на какие-нибудь площадки самиздата, где у читательниц нет времени пролистывать полромана по дороге домой с работы. А мои авторы строго выдерживают положенные сто страниц текста, прежде чем позволить главному герою выпустить из штанишек своего статного алого красавца.

Или нет. *Пунцового*, — так лучше. Я мысленно вношу правки в свой внутренний монолог с самой собой, пока мой чай грустно остывает в чашке с портретом Шарлотты Бронте. Которую я, к слову, обожаю.

Могла ли я подумать десять лет назад, когда получала красный диплом по греческой филологии, что буду зарабатывать на жизнь не наследием великих классиков, а какими-то жалкими писульками, от которых у меня самой регулярно сводит скулы, как от протухшего лимона?!

Я окидываю взглядом свою уютную кухню в прованском стиле, купленную на мои скромные заработки, и вздыхаю. Плиний и Шарлотта Бронте определённо не приносят столько денег, чтобы содержать одинокую девушку, проживающую на Фонтанке в Питере. Так, осталось вычитать совсем немного, и тогда я наконец-то отложу в сторону дешёвые романчики моей клиентки, которые по иронии судьбы стоят так дорого, и упаду в объятия Джейн Остин. Или всё-таки Сомерсета Моэма?

Об этом я ещё подумаю.

Бросаю на прощание взгляд в окно, где уже над горо-

дом начинает глумиться осень, и вижу моего соседа-властного-босса, снова направляющегося к своему П*о*рше, но уже в сопровождении юной длинноногой девы, которая мелко семенит рядом с ним, перебирая своими несусветными каблучками, и даже через плотный немецкий стеклопакет я могу расслышать её позвякивающий смех. Да уж, сосед жжёт: он, оказывается, способен рассмешить девушку. Может быть, красотка любит его за чувство юмора, а не за туго набитый кошелёчек?

Да и член у него, возможно, прямо как в новом романе моей Алекс. Гигантский и божественный.

Да сдался мне член моего соседа! Профессиональная деформация. Я начинаю злиться и закипать.

Блин, и что вообще за идиотское имя — Алекс Стар?

Иногда мне кажется, что все эти авторки сбежали прямиком из курятника. Ну это надо же быть такой убогой дурой, чтобы взять себе такой банальный, избитый и дешёвый псевдоним! Звезда, блин! Хотя, спорить не буду, на рынке эротических романов на русском она — самая настоящая звезда. И я должна холить и лелеять свою любимую курочку, которая регулярно несёт мне золотые яички.

Хотя да, понимаю, в уме начитанной публики яички точно ассоциируются не с курами! И даже могу представить, в какие бы секс-пассажи их умудрилась вставить моя удивительная Алекс. Но не буду. Я выше этого.

Яичек. Фаллосов. Женских романов и властных аль-

фа-самцов. И пока меня окончательно не вырвало, я снова сажусь за монитор.

Я машинально начинаю её одёргивать на себе, и мой взгляд совершенно случайно скользит от красивого наглого лица вниз, и утыкается как раз в то самое место! И я не могу отвести глаза, потому что я очень давно не видела таких внушительных размеров. О боже! Его причиндалы выступают даже сквозь плотную ткань штанов, и я даже не представляю, как он выглядит в обнажённом виде.

Кстати, а вот и очередное сообщение от моего прекрасного босса, Егора: *«Инга, когда ждать окончательные правки?! В печать уже завтра!»*

Ну хорошо, хорошо, этот бред, допустим, я вычитаю и внесу правки очень быстро. Но самое сложное — это как раз совсем другое. Как уговорить нашу королеву эротического саспенса принять эти правки? Чёрт с ними запятыми, их она просто всегда расставляет в произвольном порядке или попросту игнорирует, но как быть с её этими вечными *«крепкое кофе»*, *«метаю молнии»*и *«садят зрение»*? Она ведь наверняка мне скажет в очередной раз, что это её стиль и уникальный авторский текст.

Чехов с Пушкиным переворачиваются.

Ладно, делать нечего, бреду в спальню к своему шкафу, чтобы отыскать что-то поприличнее. Что-то, что смогло бы соответствовать стилю нашей королевишны гламурного ши-

ка.

Бросаю недовольный взгляд в зеркало: растрёпанные волосы, очки на лбу, вытянутые домашние штаны и огромная толстовка завершают мой стереотипный образ редактора, который заметно подпортила удалёнка. С тех пор как разрешили работать на дому, я стала значительно экономить на офисных нарядах, и в моём гардеробе навсегда поселились все эти уютные безразмерные тряпки, в которых так удобно протирать пятую точку за компом.

Так, ладно, достаю свой дежурный костюм, купленный сто лет назад по случаю, но надёванный буквально несколько раз. Дорогой бренд, строгий стильный крой. Одним словом то что надо. Пытаюсь натянуть на себя юбку: чёрт, да кто вообще шьёт такие узкие юбки?! Мне же в ней работать, а не властных боссов клеить!

Не без труда дотягиваю её себе до талии, где безуспешно пытаюсь застегнуть её на поясе. Наверняка дорогая шерстяная ткань дала усадку, я уверена. Сколько я её не надевала? Месяца три? Полгода? Ну ничего, под строгим приталенным пиджаком будет совсем незаметно, что пояс у меня не застёгнут. Натягиваю его сверху и не без огорчения понимаю, что он тоже, подлец, дал усадку.

Но кто сильнее? Я — суперредактор с академическим высшим образованием или какой-то жалкий пиджачишка? Я стискиваю зубы, но всё-таки свожу вместе лацканы, застёгивая пуговку за пуговкой, пуговку за пуговкой. Смотрюсь

в зеркало: вполне хорошо сидит, никто и не заметит, что костюм мне немного, скажем так, маловат. Ладно, ходит же эта бездарная Алекс в шмотках в обтяжку, и ей это только на пользу, тиражи и продажи растут, как на дрожжах. Так что и я сегодня буквально побываю в её шкуре.

Решительно крашу ресницы и брови, распускаю волосы по плечам, но потом, немного подумав, всё-таки убираю их в строгий конский хвостик на затылке. Придирчиво снова осматриваю своё отражение, беру сумочку и телефон и направляюсь к выходу, набирая по дороге в сервисе такси адрес фитнес-клуба *Монро*. Что бы ни значило это элитное идиотское название.

Читаю сообщение: *«На вашу поездку назначен водитель Ширзод»*. Пять звёздочек. Мне повезло.

А что я хотела?! Чтобы ко мне хоть раз приехал Джордж Клуни? В кожаном пиджачке на голое тело? Или Ричард Гир подобрал бы меня, как проститутку в «Красотке» на своём Ламборгини или какой-нибудь другой крутой тачке?

Потому что в жизни такого не бывает. А бывает только в дешёвых бездарных книжонках Алекс Стар, как, например, в её недавнем шедевре «Случайный таксист».

—Монро, —недовольно бухаю подъехавшему водителю, плюхаясь на заднее сидение, и он, глянув быстро на меня в зеркало заднего вида, погромче врубает какой-то радиоканал с классической музыкой.

Артур Альбертович морщится, словно я сказала ка-

кую-то беспросветную чушь, потом его взгляд падает в моё декольте.

— Я собираюсь трахать тебя, Элеонора, а не спать с тобой, как с плюшевым мишкой. Так что, пока — наши цели вполне совпадают.

— Моя цель поскорее избавиться от вашего общества, Артур Альбертович, — выплёвываю я, гордо вскидывая голову и поднявшись со своего места, резко разворачиваюсь на своих шпильках, едва удержав равновесие, и шагаю в сторону выхода.

— Тогда спешу сообщить тебе о твоих прямых обязанностях, пока ты не ушла и не лишила себя шанса на достойное существование под моим руководством, — летит мне в спину.

Я оборачиваюсь, не веря своим ушам, метая глазами молнии, которые, судя по расслабленной позе, никак этого самовлюблённого гада не задевают!

Так, и что это, мать её, она снова понаписала?! Она вообще, хоть одну книжку в своей жизни прочла?! Кроме своих сраных нетленок, конечно же! Я чувствую, как у меня начинает сводить скулы, как от лимонного сока.

С возмущением перечитываю присланный мне на редактуру текст и снова начинаю закипать как чайник.

«Закипать как чайник»— какое банальное сравнение, мысленно отмечаю я про себя. Вычёркиваем. Я просто *«на-*

чинаю закипать от возмущения». Да, так лучше. Филолог внутри меня откусил печеньку и довольно усмехнулся.

Мои пальцы бегают по клавиатуре, бесстрашно истребляя ошибки и расставляя запятые, пока мои глаза режет от боли и несметного количества лексического дерьма, льющегося с экрана.

Ага, вот, пожалуйста, следующий перл:

— Обойдёшься, — шиплю, нарушая субординацию и так же переходя на ты, — для этого есть секретарь. А если недостаточно, закажи с доставкой!

— Ты не поняла, Нора, я в любом случае доберусь до твоей наверняка роскошной норки, — медленно выговаривает он и усмехается, довольный собственным каламбуром, — а перед этим как следует тебя измотаю, пока ты сама не попросишь меня взять тебя

Я хлопаю дверью, не дав ему ничего больше сказать, и бегу по коридору под удивлённые взгляды Нины Аркадьевны.

Щёки пылают, сердце несётся галопом, а между ног горячо и сладко ноет

Ага, значит у героини что-то там сладко ноет, понятно А моё сердце тем временем начинает ныть и подвывать от тоски, пока я перечитываю и правлю очередной бессмертный шедевр моего топового автора Алекс Стар.

Делаю небольшой перерыв, чтобы проветрить свои немного опухшие от такого аляпистого и безграмотного тек-

ста мозги и завариваю свой любимый чай *Кубок огня*с айвой и перцем.

Да уж, маркетолог чайной компании, родивший это названьице, тоже, видимо, тайный графоман и по ночам по*и*сывает какие-нибудь посредственные фанфики под псевдом, к примеру, Олег Пандус. А что, Олег — прямо вот такое надёжное мужское имя, как камень. Как скала. Ну или как твёрдый жаркий член, как написали бы мои авторы в своих романах. А Пандус — вполне себе загадочная фамилия. Из мира волшебства и поломанных детских травм. Просто прелесть: *«все мои мечты и устремления разбились о жестокий пандус жизни»*

*Кубок огня*поднимается из моей любимой чашки тонким ноябрьским ароматом, пока я смотрю в окно на осенний двор. Вот мой сосед вылезает из своего безумно дорогого внедорожника, и я пытаюсь представить себе этого пухлого коротышку в итальянском пальто в роли грозного соблазнительного босса, от мысли о котором у меня бы сразу заныло горячо между ног

Но нет, сосед идёт, переваливаясь неуклюжей уточкой через наш заваленный листьями дворик, и мне даже не удаётся представить, как он вообще, в принципе, смог бы ловко и страстно заниматься сексом, предварительно отыскав свой огурчик под складками внушительного начальственного животика.

Хотя, о чём это я? Отхлебываю свой чай, и чувствую на

губах оранжевый вкус хурмы. Вон, во всех книжках авторов нашей самой продаваемой серии *Во власти страсти*у альфа-боссов очень огромные члены. Всегда. И они всегда стоят. Это я знаю наверняка. Они их не разыскивают подолгу в штанах, а сразу же смело поражают ими намеченные цели. Прямо как копьями.

Потому что вот уже два года я работаю главным редактором издательства *Indigo Publishing*и по стечению обстоятельств руковожу самыми крупными проектами в жанре современного любовного романа. Естественно, женского. Можно подумать, мужчины и любовь — это что-то несовместимое в литературе.

В любом случае, я скрупулёзно вычитываю обдающие меня похотью и жаром тексты про пылающие костром киски, вагины и промежности, в которые беспрестанно врываются неутомимые гигантские члены, фаллосы и *кувалды*. Но только с середины уже написанного романа. Так должно быть. С дешёвками мы не связываемся.

Мы, знаете ли, серьёзный издательский холдинг и не печатаем проходную порнуху, где герои начинают сношаться с первых же страниц! Это не к нам, увольте! А скорее всего — на какие-нибудь площадки самиздата, где у читательниц нет времени пролистывать полромана по дороге домой с работы. А мои авторы строго выдерживают положенные сто страниц текста, прежде чем позволить главному герою выпустить из штанишек своего статного алого красавца.

Или нет. *Пунцового*, — так лучше. Я мысленно вношу правки в свой внутренний монолог с самой собой, пока мой чай грустно остывает в чашке с портретом Шарлотты Бронте. Которую я, к слову, обожаю.

Могла ли я подумать десять лет назад, когда получала красный диплом по греческой филологии, что буду зарабатывать на жизнь не наследием великих классиков, а какими-то жалкими писульками, от которых у меня самой регулярно сводит скулы, как от протухшего лимона?!

Я окидываю взглядом свою уютную кухню в прованском стиле, купленную на мои скромные заработки, и вздыхаю. Плиний и Шарлотта Бронте определённо не приносят столько денег, чтобы содержать одинокую девушку, проживающую на Фонтанке в Питере. Так, осталось вычитать совсем немного, и тогда я наконец-то отложу в сторону дешёвые романчики моей клиентки, которые по иронии судьбы стоят так дорого, и упаду в объятия Джейн Остин. Или всё-таки Сомерсета Моэма?

Об этом я ещё подумаю.

Бросаю на прощание взгляд в окно, где уже над городом начинает глумиться осень, и вижу моего соседа-властного-босса, снова направляющегося к своему П*о*рше, но уже в сопровождении юной длинноногой девы, которая мелко семенит рядом с ним, перебирая своими несусветными каблучками, и даже через плотный немецкий стеклопакет я могу расслышать её позвякивающий смех. Да уж, сосед

жжёт: он, оказывается, способен рассмешить девушку. Может быть, красотка любит его за чувство юмора, а не за туго набитый кошелёчек?

Да и член у него, возможно, прямо как в новом романе моей Алекс. Гигантский и божественный.

Да сдался мне член моего соседа! Профессиональная деформация. Я начинаю злиться и закипать.

Блин, и что вообще за идиотское имя — Алекс Стар?

Иногда мне кажется, что все эти авторки сбежали прямиком из курятника. Ну это надо же быть такой убогой дурой, чтобы взять себе такой банальный, избитый и дешёвый псевдоним! Звезда, блин! Хотя, спорить не буду, на рынке эротических романов на русском она — самая настоящая звезда. И я должна холить и лелеять свою любимую курочку, которая регулярно несёт мне золотые яички.

Хотя да, понимаю, в уме начитанной публики яички точно ассоциируются не с курами! И даже могу представить, в какие бы секс-пассажи их умудрилась вставить моя удивительная Алекс. Но не буду. Я выше этого.

Яичек. Фаллосов. Женских романов и властных альфа-самцов. И пока меня окончательно не вырвало, я снова сажусь за монитор.

Я машинально начинаю её одёргивать на себе, и мой взгляд совершенно случайно скользит от красивого наглого лица вниз, и утыкается как раз в то самое место! И я не

могу отвести глаза, потому что я очень давно не видела таких внушительных размеров. О боже! Его причиндалы выступают даже сквозь плотную ткань штанов, и я даже не представляю, как он выглядит в обнажённом виде.

Кстати, а вот и очередное сообщение от моего прекрасного босса, Егора: *«Инга, когда ждать окончательные правки?! В печать уже завтра!»*

Ну хорошо, хорошо, этот бред, допустим, я вычитаю и внесу правки очень быстро. Но самое сложное — это как раз совсем другое. Как уговорить нашу королеву эротического саспенса принять эти правки? Чёрт с ними запятыми, их она просто всегда расставляет в произвольном порядке или попросту игнорирует, но как быть с её этими вечными *«крепкое кофе»*, *«метаю молнии»*и *«садят зрение»*? Она ведь наверняка мне скажет в очередной раз, что это её стиль и уникальный авторский текст.

Чехов с Пушкиным переворачиваются.

Ладно, делать нечего, бреду в спальню к своему шкафу, чтобы отыскать что-то поприличнее. Что-то, что смогло бы соответствовать стилю нашей королевишны гламурного шика.

Бросаю недовольный взгляд в зеркало: растрёпанные волосы, очки на лбу, вытянутые домашние штаны и огромная толстовка завершают мой стереотипный образ редактора, который заметно подпортила удалёнка. С тех пор как разрешили работать на дому, я стала значительно экономить на

офисных нарядах, и в моём гардеробе навсегда поселились все эти уютные безразмерные тряпки, в которых так удобно протирать пятую точку за компом.

Так, ладно, достаю свой дежурный костюм, купленный сто лет назад по случаю, но надёванный буквально несколько раз. Дорогой бренд, строгий стильный крой. Одним словом то что надо. Пытаюсь натянуть на себя юбку: чёрт, да кто вообще шьёт такие узкие юбки?! Мне же в ней работать, а не властных боссов клеить!

Не без труда дотягиваю её себе до талии, где безуспешно пытаюсь застегнуть её на поясе. Наверняка дорогая шерстяная ткань дала усадку, я уверена. Сколько я её не надевала? Месяца три? Полгода? Ну ничего, под строгим приталенным пиджаком будет совсем незаметно, что пояс у меня не застёгнут. Натягиваю его сверху и не без огорчения понимаю, что он тоже, подлец, дал усадку.

Но кто сильнее? Я — суперредактор с академическим высшим образованием или какой-то жалкий пиджачишка? Я стискиваю зубы, но всё-таки свожу вместе лацканы, застёгивая пуговку за пуговкой, пуговку за пуговкой. Смотрюсь в зеркало: вполне хорошо сидит, никто и не заметит, что костюм мне немного, скажем так, маловат. Ладно, ходит же эта бездарная Алекс в шмотках в обтяжку, и ей это только на пользу, тиражи и продажи растут, как на дрожжах. Так что и я сегодня буквально побываю в её шкуре.

Решительно крашу ресницы и брови, распускаю волосы

по плечам, но потом, немного подумав, всё-таки убираю их в строгий конский хвостик на затылке. Придирчиво снова осматриваю своё отражение, беру сумочку и телефон и направляюсь к выходу, набирая по дороге в сервисе такси адрес фитнес-клуба *Монро*. Что бы ни значило это элитное идиотское название.

Читаю сообщение: *«На вашу поездку назначен водитель Ширзод»*. Пять звёздочек. Мне повезло.

А что я хотела?! Чтобы ко мне хоть раз приехал Джордж Клуни? В кожаном пиджачке на голое тело? Или Ричард Гир подобрал бы меня, как проститутку в «Красотке» на своём Ламборгини или какой-нибудь другой крутой тачке?

Потому что в жизни такого не бывает. А бывает только в дешёвых бездарных книжонках Алекс Стар, как, например, в её недавнем шедевре «Случайный таксист».

—*Монро,* —недовольно бухаю подъехавшему водителю, плюхаясь на заднее сидение, и он, глянув быстро на меня в зеркало заднего вида, погромче врубает какой-то радиоканал с классической музыкой.

Артур Альбертович морщится, словно я сказала какую-то беспросветную чушь, потом его взгляд падает в моё декольте.

— Я собираюсь трахать тебя, Элеонора, а не спать с тобой, как с плюшевым мишкой. Так что, пока — наши цели вполне совпадают.

— Моя цель поскорее избавиться от вашего общества,

Артур Альбертович, — выплёвываю я, гордо вскидывая голову и поднявшись со своего места, резко разворачиваюсь на своих шпильках, едва удержав равновесие, и шагаю в сторону выхода.

— Тогда спешу сообщить тебе о твоих прямых обязанностях, пока ты не ушла и не лишила себя шанса на достойное существование под моим руководством, — летит мне в спину.

Я оборачиваюсь, не веря своим ушам, метая глазами молнии, которые, судя по расслабленной позе, никак этого самовлюблённого гада не задевают!

Так, и что это, мать её, она снова понаписала?! Она вообще, хоть одну книжку в своей жизни прочла?! Кроме своих сраных нетленок, конечно же! Я чувствую, как у меня начинает сводить скулы, как от лимонного сока.

Я с возмущением перечитываю присланный мне на редактуру текст и снова начинаю закипать как чайник.

«Закипать как чайник» — какое банальное сравнение, мысленно отмечаю я про себя. Вычёркиваем. Я просто «начинаю закипать от возмущения». Да, так лучше. Филолог внутри меня откусил печеньку и довольно усмехнулся.

Мои пальцы бегают по клавиатуре, бесстрашно истребляя ошибки и расставляя запятые, пока мои глаза режет от боли и несметного количества лексического дерьма, льющегося с экрана.

Ага, вот, пожалуйста, следующий перл:

— Обойдёшься, — шиплю, нарушая субординацию и так же переходя на ты, — для этого есть секретарь. А если недостаточно, закажи с доставкой!

— Ты не поняла, Нора, я в любом случае доберусь до твоей наверняка роскошной норки, — медленно выговаривает он и усмехается, довольный собственным каламбуром, — а перед этим как следует тебя измотаю, пока ты сама не попросишь меня взять тебя…

Я хлопаю дверью, не дав ему ничего больше сказать, и бегу по коридору под удивлённые взгляды Нины Аркадьевны.

Щёки пылают, сердце несётся галопом, а между ног горячо и сладко ноет…

Ага, значит у героини что-то там сладко ноет, понятно… А моё сердце тем временем начинает ныть и подвывать от тоски, пока я перечитываю и правлю очередной бессмертный шедевр моего топового автора Алекс Стар.

Делаю небольшой перерыв, чтобы проветрить свои немного опухшие от такого аляпистого и безграмотного текста мозги, и завариваю свой любимый чай Кубок огня с айвой и перцем.

Да уж, маркетолог чайной компании, родивший это названьице, тоже, видимо, тайный графоман, и по ночам пописывает какие-нибудь посредственные фанфики под псевдом, к примеру, Олег Пандус. А что, Олег — прямо вот такое надёжное мужское имя, как камень. Как скала. Ну или как твёрдый жаркий член, как написали бы мои авторы в своих

романах. А Пандус — вполне себе загадочная фамилия. Из мира волшебства и поломанных детских травм. Просто прелесть: «все мои мечты и устремления разбились о жестокий пандус жизни…»

Кубок огня поднимается из моей любимой чашки тонким ноябрьским ароматом, пока я невидящим взором смотрю в окно на осенний двор. Вот мой сосед вылезает из своего безумно дорогого внедорожника, и я пытаюсь представить себе этого пухлого коротышку в итальянском пальто в роли грозного соблазнительного босса, от мысли о котором у меня бы сразу заныло горячо между ног…

Но нет, сосед идёт, переваливаясь неуклюжей уточкой через наш заваленный листьями дворик, и мне даже не удаётся представить, как он вообще, в принципе, смог бы ловко и страстно заниматься сексом, предварительно отыскав свой огурчик под складками внушительного начальственного животика.

Хотя, о чём это я? Отхлебываю свой чай, и чувствую на губах оранжевый вкус хурмы. Вон, во всех книжках авторов нашей самой продаваемой серии Во власти страсти у альфа-боссов очень огромные члены. Всегда. И они всегда стоят. Это я знаю наверняка. Они их не разыскивают подолгу в штанах, а сразу же смело поражают ими намеченные цели. Прямо как копьями.

Потому что вот уже два года я работаю главным редактором издательства Indigo Publishing, и по стечению об-

стоятельств руковожу самыми крупными проектами в жанре современного любовного романа. Естественно, женского. Можно подумать, мужчины и любовь — это что-то несовместимое в литературе.

В любом случае, я скрупулёзно вычитываю обдающие меня похотью и жаром тексты про пылающие костром киски, вагины и промежности, в которые беспрестанно врываются неутомимые гигантские члены, фаллосы и «кувалды». Но только с середины уже написанного романа. Так должно быть. С дешёвками мы не связываемся.

Мы, знаете ли, серьёзный издательский холдинг, и не печатаем проходную порнуху, где герои начинают сношаться с первых же страниц! Это не к нам, увольте! А скорее всего — на какие-нибудь площадки самиздата, где у читательниц нет времени пролистывать полромана по дороге домой с работы! А мои авторы строго выдерживают положенные сто страниц текста, прежде чем позволить главному герою выпустить из штанишек своего статного алого красавца.

Или нет. Пунцового, — так лучше. Я мысленно вношу правки в свой внутренний монолог с самой собой, пока мой чай грустно остывает в чашке с портретом Шарлотты Бронте. Которую я, к слову, обожаю.

Могла ли я подумать десять лет назад, когда получала красный диплом по греческой филологии, что буду зарабатывать на жизнь не наследием великих классиков, а какими-то жалкими писульками, от которых у меня самой регу-

лярно сводит скулы, как от протухшего лимона?!

Я окидываю взглядом свою уютную кухню в прованском стиле, купленную на мои скромные заработки, и вздыхаю. Плиний и Шарлотта Бронте определённо не приносят столько денег, чтобы содержать одинокую девушку, проживающую на Фонтанке в Питере. Так, осталось вычитать совсем немного, и тогда я наконец-то отложу в сторону дешёвые романчики моей клиентки, которые по иронии судьбы стоят так дорого, и упаду в объятия Джейн Остин. Или всё-таки Сомерсета Моэма?

Об этом я ещё подумаю.

Бросаю на прощание взгляд в окно, где уже над городом начинает глумиться осень, и вижу моего босса-соседа, снова направляющегося к своему Порше, но уже в сопровождении юной длинноногой девы, которая мелко семенит рядом с ним, перебирая своими несусветными каблучками, и даже через плотный немецкий стеклопакет я могу расслышать её позвякивающий смех. Да уж, сосед жжёт: он, оказывается, способен рассмешить девушку. Может быть, красотка любит его за чувство юмора, а не за туго набитый кошелечек?

Да и член у него, возможно, прямо как в новом романе моей Алекс. Гигантский и божественный.

Да сдался мне член моего соседа! Профессиональная деформация. Я начинаю злиться и закипать.

Блин, и что вообще за идиотское имя: Алекс Стар!

Иногда мне кажется, что все эти авторки сбежали прями-

ком из курятника. Ну это надо же быть такой убогой дурой, чтобы взять себе такой банальный, избитый и дешёвый псевдоним! Звезда, блин! Хотя, спорить не буду, на рынке эротических романов на русском она — самая настоящая звезда. И я должна холить и лелеять свою любимую курочку, которая регулярно несёт мне золотые яички.

Хотя да, понимаю, в уме начитанной публики яички точно ассоциируются не с курами! И даже могу представить, в какие бы секс-пассажи их умудрилась вставить моя удивительная Алекс. Но не буду. Я выше этого.

Яичек. Фаллосов. Женских романов и властных альфа-самцов. И пока меня окончательно не вырвало, я снова сажусь за монитор.

Я машинально начинаю её одёргивать на себе, и мой взгляд совершенно случайно скользит от красивого наглого лица вниз, и утыкается как раз в то самое место! И я не могу отвести глаза, потому что я очень давно не видела таких внушительных размеров. О боже! Его причиндалы выступают даже сквозь плотную ткань штанов, и я даже не представляю, как он выглядит в обнажённом виде.

Кстати, а вот и очередное сообщение от моего прекрасного босса, Егора: «Инга, когда ждать окончательные правки?! В печать уже завтра!»

Ну хорошо, хорошо, этот бред, допустим, я вычитаю и внесу правки очень быстро. Но самое сложное — это как раз совсем другое. Как уговорить нашу королеву эротического

саспенса принять эти правки? Чёрт с ними запятыми, их она просто всегда расставляет в произвольном порядке или попросту игнорирует, но как быть с её этими вечными «крепкое кофе», «метаю молнии» и «садят зрение»? Она ведь наверняка мне скажет в очередной раз, что это её стиль и уникальный авторский текст.

Чехов с Пушкиным переворачиваются.

Ладно, делать нечего, бреду в спальню к своему шкафу, чтобы отыскать что-то поприличнее. Что-то, что смогло бы соответствовать стилю нашей королевишны гламурного шика.

Бросаю недовольный взгляд в зеркало: растрёпанные волосы, очки на лбу, вытянутые домашние штаны и огромная толстовка завершают мой стереотипный образ редактора, который заметно подпортила удалёнка. С тех пор как разрешили работать на дому, я стала значительно экономить на офисных нарядах, и в моём гардеробе навсегда поселились все эти уютные безразмерные тряпки, в которых так удобно протирать пятую точку за компом.

Так, ладно, достаю свой дежурный костюм, купленный сто лет назад по случаю, но надёванный буквально несколько раз. Дорогой бренд, строгий стильный крой. Одним словом то, что надо! Пытаюсь натянуть на себя юбку: чёрт, да кто вообще шьёт такие узкие юбки?! Мне же в ней работать, а не властных боссов клеить!

Не без труда дотягиваю её себе до талии, где безуспешно

пытаюсь застегнуть её на поясе. Наверняка дорогая шерстяная ткань дала усадку, я уверена. Сколько я её не надевала? Месяца три? Полгода? Ну ничего, под строгим приталенным пиджаком будет совсем незаметно, что пояс у меня не застёгнут. Натягиваю пиджак, и не без огорчения понимаю, что он тоже, подлец, дал усадку.

Но кто сильнее? Я — суперредактор с академическим высшим образованием, или какой-то жалкий пиджачишка?! Я стискиваю зубы, но всё-таки свожу вместе лацканы, застёгивая пуговку за пуговкой, пуговку за пуговкой. Смотрюсь в зеркало: вполне хорошо сидит, никто и не заметит, что костюм мне немного, скажем так, маловат. Ладно, ходит же эта бездарная Алекс в шмотках в обтяжку, и ей это только на пользу, тиражи и продажи растут, как на дрожжах. Так что и я сегодня буквально побываю в её шкуре.

Ладно, решительно крашу ресницы и брови, распускаю волосы по плечам, но потом, немного подумав, всё-таки убираю их в строгий конский хвостик на затылке. Придирчиво снова осматриваю своё отражение, беру сумочку и телефон и направляюсь к выходу, набирая по дороге в сервисе такси адрес фитнес-клуба Монро. Что бы ни значило это элитное идиотское название.

Читаю сообщение: «на вашу поездку назначен водитель Ширзод». Пять звёздочек. Мне повезло.

А что я хотела?! Чтобы ко мне хоть раз приехал Джордж Клуни? В кожаном пиджачке на голое тело? Или Ричард Гир

подобрал бы меня, как проститутку в «Красотке» на своём Ламборгини или какой-нибудь ещё крутой тачке?

Потому что в жизни такого не бывает! А только в дешёвых бездарных книжонках Алекс Стар, как, например, в её недавнем шедевре «Случайный таксист».

— *Монро*, — недовольно бухаю подъехавшему водителю, плюхаясь на заднее сидение, и он, глянув быстро на меня в зеркало заднего вида, погромче врубает какой-то радиоканал с классической музыкой.

2

— Олеся, пойми, нам надо использовать здесь другие слова, — полчаса спустя стою я рядом с тренажёром, где Алекс Стар, а в жизни — просто Олеся Иванова, усиленно крутит педали, не отводя взгляда от экрана своего планшета, пристроенного тут же, прямо на руле.

Я невольно рассматриваю идеальную попку, обтянутую яркими леггинсами цвета фуксии, и сразу же мой язвительный внутренний наг шепчет мне на ухо: «Ты только посмотри на эту задницу. Разве с такой задницей вообще могут быть хорошие мозги?», и я, конечно же, с ним полностью соглашаюсь.

Это объясняет многое: все эти *«садят»*, *«лижут»*, *«увлажняют»*и *«сладко ноют»*. Видимо, центр творческого мышления у моей дорогой Алекс-Олеси сосредоточен всё-таки не в мозгах, а где-то в другом месте.

И теперь мне надо уговорить эту дуболомку от литературы согласиться на приемлемые правки, что хотя бы с первых страниц на несчастных читателей не обрушивался весь этот словесный дурнопахнущий мусор.

— Прости, дописываю главу, — лучезарно улыбается мне Алекс, и до меня только сейчас доходит, что пока я ей что-то втолковываю, а её и без того идеальные ягодичные мышцы становятся ещё более идеальными, она пишет!

— Ты что, надиктовываешь текст? — не могу поверить я в такую халатность.

Безответственность. Плебейство, в конце концов!

— Да, здорово, правда? — смотрит она на меня своими широко распахнутыми миру глазами в густо наращенных ресницах.

Которые, стоит признаться, сидят на ней так же идеально, как и леггинсы.

— Представляешь, как это удобно, — тараторит она, закрывая файл своего очередного шедевра.

— Представляю, — соглашаюсь я, вложив в свой голос весь тонкий ироничный сарказм, на который только способна. — Вот бы Пушкину с Толстым такие гаджеты в их время!

— Вот именно! — подхватывает Алекс, слезая со своего тренажёра и направляясь к какому-то гамаку, и я послушно семеню за ней, как овечка за пастушком. — Я когда попробовала и поняла, как это удобно, сразу же перешла на такой способ написания текстов!

— Это просто прелестно, — бурчу я.

Как бы я ни старалась, Алекс не способна различать сарказм. Это не её конёк.

Как и написание хороших качественных и грамотных текстов.

Но моя литературная дива тем временем залезает в свисающие с потолка лямки, и, распластавшись грудью вперёд, прямо как Ника Самофракийская, продолжает:

— Извини, мне нужно сделать растяжку. Ты знаешь, я поняла, что писатель — очень опасная профессия. Ты всё время сидишь, сгорбившись за монитором, портишь глаза.

— Ага, садишь зрение, — вставляю я, и Алекс, скользнув по мне незамутнённым интеллектом взглядом, кивает в ответ.

— Именно. Портишь позвоночник. Ходишь в растянутых трениках и футболках, потому что тебя никто не видит. Ну ты понимаешь, — внимательно смотрит она мне в глаза, и на долю секунды мне кажется, что она прочитала мои мысли и описывает сейчас именно то, как я живу и работаю.

Но вот лёгкая тень мысли снова убегает со светлого лица Алекс, и она продолжает:

— И я решила всё изменить. Поменять представление о стереотипных писателях. Точнее, о писательницах, — увлечённо объясняет она, продолжая выделывать невообразимые кульбиты в воздухе.

Ладно хоть текст ещё параллельно не надиктовывает, — мелькает у меня злорадная мысль.

— Вот смотри, например, Эрика Джеймс — обычная домохозяйка с виду, сложно поверить, что она на самом деле разбирается во всех этих садо-мазо штучках, которые она описала в своих «Пятидесяти оттенках серого».

— Ну вот зато Бланка Лепински, например, очень хорошо работает над своим имиджем, —язвительно вставляю я свои пять копеек.

— Бланка Лепински — молодец, — пристально смотрит на меня Алекс, и мне кажется, что её ресницы сейчас взлетят двумя ночными бабочками к потолку. — Она тоже ломает стереотипы.

— Да вы с ней обе просто огнище, — поддакиваю я.

Боже мой, ну сколько можно расхваливать саму себя?!

— Вот я и поставила себе цель стать русской Джеймс или Лепински, — делится своими планами на дальнейшие жизнь и творчество Олеся, грациозно, как лесная козочка, соскакивая на пол возле своего шибари-гамака. Да уж, она-то наверняка преуспела в любовных играх, — вдруг мелькает у меня мелкая завистливая мыслишка. — Хочу, чтобы мою «Куколку для мужа» экранизировал *Netflix*, — мечтательно тянет она.

А мне вдруг становится безумно жаль и *Netflix*, и всех его зрителей. Но я не подаю вида:

— Это чудесные планы, Олеся. И я уверена, что с твоей работоспособностью это просто вопрос времени.

Ага, по два миллионов знаков в месяц, которые она гонит сейчас, это никаких лесов не хватит на её тиражи! Донцова от эротики, мать её.

— Ну хорошо, что там с «Боссом»? — наконец-то снисходит она до обсуждения финальных правок её очередного романа. Который завтра уже уходит в печать. Десятитысячным тиражом. По современным меркам — просто заоблачным. Почти как и «Пятьдесят оттенков», который, кстати, я

так и не смогла дочитать до конца

— Я тебе высылала файл с правками, но ты его, наверное, не успела просмотреть, — хотя я уверена, что эта бумагомарака просто не захотела ничего править.

— Да, я всё просмотрела, — отвечает Алекс. — Просто я не буду ничего менять. Мы оставляем текст, как есть. Он безупречен. Это мой авторский стиль, — отрезает она, и у меня всё закипает внутри от злости.

Да она просто сейчас дала пощёчину всему русскому языку в моём лице! Великому и могучему!

— Подай полотенце, если тебе не сложно, — сладко улыбается Алекс всеми своими тридцатью двумя белоснежными винирами.

Я нагибаюсь и чувствую, как предательски трещит по швам моя юбка. Как хорошо, что её не видно под пиджаком!

— Ой, у тебя, кажется, пуговка отлетела, — невинно хлопает ресницами Алекс, обтирая своё идеальное загорелое тело полотенцем, пока мой пиджак подло трещит на мне в самый неподходящий момент.

Злая, всклокоченная и в невыносимо жмущей мне в области талии юбке я мчусь в редакцию на встречу со своим шефом.

— Егор, ты обещал мне дать нового автора! — с разбегу начинаю разговор с боссом с требования.

Хотя и младенец знает, что так поступать нельзя ни в коем случае. Знаем-знаем все эти правила бизнес-психологии:

сначала предложи решение проблемы, а потом уже проси. Но мне уже столько раз обещали повышение, а точнее, избавление от этой ненавистной мне любовно-эротической темы, что я считаю, что вправе наконец-то требовать.

— Что опять стряслось, Инга? — смотрит на меня своим проницательным взглядом босс. Такой профессионально-уютный в модной вязаной жилетке поверх дорогой итальянской рубашки. Улыбается, но я-то знаю, что на самом деле внешность домашнего котика обманчива, и в этом глубоком кожаном кресле сейчас сидит на самом деле самая настоящая акула.

Акула издательского бизнеса.

Это именно Егор почуял, буквально почувствовал запах скандинавских триллеров, когда всё население нашей страны упивалось Дарьей Донцовой и Марининой, и начал продвигать и продавать любовные романы с нестандартными установками, как только «Пятьдесят оттенков серого» замаячили где-то там на далёком горизонте.

К слову, с этих самых оттенков и началось моё стремительное падение вниз: люди перестали читать что-то прекрасное и вечное, и все скатились к свальному греху эротического чтива.

Или я совсем не разбираюсь в людях

— Ты понимаешь, что я устала продавать нашим читателям это Это — я пытаюсь отыскать в своей голове хоть одно приличное слово, которым я могла бы обозначить все эти

жалкие писульки Алекс Стар, и мой босс помогает мне:

— Говно на лопате? — с улыбкой отпивает он из своей большой кружки кофе и ставит на стол.

Мне кажется, или я явственно ощущаю аромат коньяка?

— Именно, — плюхаюсь я в глубокое тёплое кресло напротив. Такое уютное и большое, что хочется забраться в него с ногами и попросить и себе глоточек. Тоже с коньяком.

На то и расчёт: все писатели, раз угодившие в недра этого волшебного кресла, остаются с нами надолго, пока мой гениальный босс не высосет из них всё до последней капельки. До последней фразы из их творческих головок. До последней копеечки, которую они способны заработать для нашего издательства *Indigo Publishing*.

— Ты же знаешь, как я ненавижу такой сорт литературы, — плаксиво начинаю я. — Почему именно мне ты поручил этим заниматься? В конце концов, я бы отлично вела направление научпопа! Или триллеров, в конце концов, — опять завожу я свою шарманку.

— Потому что ты лучшая, моя дорогая Инга, — тонко улыбается мой самый хитрый на свете начальник, и встаёт, направляясь к своей шикарной кофе-машине, которая стоит на отдельном столике. — Тебе как обычно? — уточняет он на всякий случай, пока начинает колдовать на своём инструменте.

— Да, и капельку коньяка, — хмыкаю я, пока волшебный агрегат не начинает издавать свою кофейную музыку пере-

малывающихся зерен, шипения пара под давлением, а весь кабинет не наполняет бесподобный аромат летнего кафе где-нибудь во Флоренции.

Потому что это только в дешёвых унитазных книжонках Алекс Стар кофе какому-нибудь боссу обязательно готовит и приносит секретарша. И, конечно же, всенепременно спотыкаясь на своих высоченных каблуках и судорожно прижимая к груди какую-нибудь огромную мать-её-драную папку с документами. А босс грозно рыкает и даже не говорит спасибо в ответ. Потому что все властные боссы в любовных романах – какие-то невоспитанные неандертальцы с уровнем интеллекта с горошинку. С маковую росинку.

В то время как все современные и очень даже успешные мужчины сами любят сварить себе отличный кофе. И даже приготовить какой-нибудь вкусный гурманский ужин.

— Прошу, — протягивает мне белоснежную кружку из костяного фарфора Егор, и я с упоением вдыхаю аромат лучшей арабики средней обжарки и лучшего коньяка с нотками дубовой древесины, напитанной виноградным спиртом, южным солнцем и роскошью.

— Егор, сколько ты ещё будешь держать меня в заложниках у этой дуры? — не выдержав, выливаю я на него своё недовольство.

— Тише, тише, моя девочка, зачем ты так о нашей жар-птице, несущей золотые яйца? — снова садится напротив меня мой царственный начальник. — Ведь всё, что нас окру-

жает, — обводит небрежно он мягкой ладошкой свой кабинет, набитый сокровищами, — это в том числе и заслуга таких прекрасных и талантливых авторов, как Олеся, — внимательно смотрит он на меня. — Сколько, как ты думаешь, мы заработали в прошлом году на переиздании Стейнбека? — продолжает Бельский. — Или, допустим, твоего любимого Достоевского, — пристально смотрит он на меня, — ты ведь любишь перечитывать Достоевского, правда? — и я вижу искры смеха, притаившиеся в его глазах.

— А как же, вот только на днях перечитывала. «Униженных и оскорблённых», — бурчу я в ответ, уткнувшись в свой кофе, правда, не уточняя, что просто переставляла собрание сочинений Фёдора Михайловича на другую полку. Куда подальше.

— Ну так вот, отдел переиздания классики за весь прошлый год заработал двести миллионов. Долларов, — смотрит на меня Егор. — И твой горячо любимый Достоевский как раз на третьем месте. Был бы рядом со Стивеном Кингом. Если бы тот всё ещё остался с нами.

— Это правда? — с изумлением смотрю я на Бельского.

— Ну конечно, Инга, зачем мне тебе врать? — откидывается в кресле Егор, прикрывая глаза.

— И что бы это значило? — бормочу я в ответ.

— Это значит, мой миленький маленький снобик, что место в этом мире найдётся для всех. И для Кинга. И для Алекс. И для Фёдора Михайловича, — задумчиво смотрит на набе-

режную Фонтанки в окне мой босс.

Ещё чуть-чуть, и её тёмные антрацитовые воды сожрут только недавно родившийся слабый ноябрьский денёк.

И мой Питер снова накроет колпаком его вечная предзимняя дремота.

Как ни странно, кофе с коньяком делают своё дело: я тоже расслабляюсь и умиротворённо слушаю рассуждения мудрого начальника, уже не требуя от него немедленных перестановок и повышений.

— У меня есть для тебя новое имя в литературе, — наконец-то произносит Егор, и я с надеждой внемлю ему. — Ты же в курсе, что некоторые наши любимые авторы прекратили своё сотрудничество с российским книжным рынком, — поясняет он мне то, что и так все знают. — Но вот, свято место пусто не бывает. Я продолжаю открывать для нас всё новые имена, — делает он глоток и внимательно смотрит на меня.

И я замечаю жёлтые крапинки на радужке его глаз. Как-будто кто-то брызнул волшебной пыльцой на них, когда он был ещё маленьким мальчиком.

— Замечательный американский писатель. Между прочим, простоял в топе продаж *Amazon*несколько месяцев подряд, — улыбается он мне.

— О боже, неужели всё-таки ты меня услышал?! — не верю я своим ушам. Я же на самом деле даже и не рассчитывала ни на что в этот раз. Так, поныть как обычно! — Ну так

кто же это?! — чуть ли не выпрыгиваю я из своего уютного гнёздышка.

И чувствую, как ещё одна пуговица отлетает от моего пиджачка

— Талантливая писательница. Саша Шу, — торжествующе заключает Егор, словно от только что заполучил к нам в издательство лауреата Пулицеровской премии и Букера одновременно.

— Так. Подожди, — ставлю я на стол свою чашку с таким звонким стуком, что наверняка она треснула. — Это та самая Саша Шу, которая написала «Двести дней у мафии»?! — вспоминаю я нашумевший хит сезона.

Банальную. Глупую. Претенциозную дешёвку.

Впрочем, как и все книги про принуждение, *рашн братва*и неземную любовь жертвы к своему абьюзеру.

— Так ты наслышана? Отлично, я рад, — мягко улыбается Егор. — Согласись, это будет просто прекрасно: две звёздочки на нашем небосклоне: Алекс Стар и Саша Шу в нашем издательском портфолио! Устроишь им обеим презентацию в регионах. Как раз до Нового года управитесь, — не даёт мне и слова вставить мой начальник, уже твёрдым голосом отдавая мне приказы.

Распоряжения. И теперь его взгляд становится жёстким и холодным.

И я даже не успеваю перевести дух.

— То есть ты хочешь сказать, что теперь вместо одной

одиозной Алекс-Ивановой с её боссами я ещё буду вести и Сашу Шу с её главарями мафии?! — переспрашиваю я у Егора.

— Именно, — допивает свой коньяк с кофе мой неповторимый начальник. — И если ты справишься на отлично, то так и быть, после Нового года переведу тебя в отдел научпопа или триллеров. Выбирай, — щедро предлагает он.

— Ясно, — устало встаю я, подбирая свою сумку.

И мне уже плевать, что пиджак теперь держится на одной последней пуговице, стыдливо прикрывая треснувшую на мне юбку.

— И ещё, Инга, — напоследок бросает мне босс.

Я оборачиваюсь, надеясь услышать хоть что-то обнадёживающее, но нет, мой начальник сегодня в ударе:

— Инга, не пора ли тебе Скажем, выйти замуж? Или хотя бы начать встречаться с кем-нибудь для начала?

— Егор, ты серьёзно? — в раздражении переспрашиваю я. — Вот ты был сколько раз женат? Два? Три? И как? Помогло тебе?

— А как же! Три, — гордо подмигивает мне босс. — И не откажусь сделать это снова.

Я невольно рассматриваю идеальную попку, обтянутую яркими леггинсами цвета фуксии, и сразу же мой язвительный внутренний наг шепчет мне на ухо: «Ты только посмотри на эту задницу. Разве с такой задницей вообще могут быть хорошие мозги?», и я, конечно же, с ним полностью согла-

шаюсь.

Это объясняет многое: все эти *«садят»*, *«лижут»*, *«увлажняют»*и *«сладко ноют»*. Видимо, центр творческого мышления у моей дорогой Алекс-Олеси сосредоточен всё-таки не в мозгах, а где-то в другом месте.

И теперь мне надо уговорить эту дуболомку от литературы согласиться на приемлемые правки, что хотя бы с первых страниц на несчастных читателей не обрушивался весь этот словесный дурнопахнущий мусор.

— Прости, дописываю главу, — лучезарно улыбается мне Алекс, и до меня только сейчас доходит, что пока я ей что-то втолковываю, а её и без того идеальные ягодичные мышцы становятся ещё более идеальными, она пишет!

— Ты что, надиктовываешь текст? — не могу поверить я в такую халатность.

Безответственность. Плебейство, в конце концов!

— Да, здорово, правда? — смотрит она на меня своими широко распахнутыми миру глазами в густо наращенных ресницах.

Которые, стоит признаться, сидят на ней так же идеально, как и леггинсы.

— Представляешь, как это удобно, — тараторит она, закрывая файл своего очередного шедевра.

— Представляю, — соглашаюсь я, вложив в свой голос весь тонкий ироничный сарказм, на который только способна. — Вот бы Пушкину с Толстым такие гаджеты в их время!

— Вот именно! — подхватывает Алекс, слезая со своего тренажёра и направляясь к какому-то гамаку, и я послушно семеню за ней, как овечка за пастушком. — Я когда попробовала и поняла, как это удобно, сразу же перешла на такой способ написания текстов!

— Это просто прелестно, — бурчу я.

Как бы я ни старалась, Алекс не способна различать сарказм. Это не её конёк.

Как и написание хороших качественных и грамотных текстов.

Но моя литературная дива тем временем залезает в свисающие с потолка лямки, и, распластавшись грудью вперёд, прямо как Ника Самофракийская, продолжает:

— Извини, мне нужно сделать растяжку. Ты знаешь, я поняла, что писатель — очень опасная профессия. Ты всё время сидишь, сгорбившись за монитором, портишь глаза.

— Ага, садишь зрение, — вставляю я, и Алекс, скользнув по мне незамутнённым интеллектом взглядом, кивает в ответ.

— Именно. Портишь позвоночник. Ходишь в растянутых трениках и футболках, потому что тебя никто не видит. Ну ты понимаешь, — внимательно смотрит она мне в глаза, и на долю секунды мне кажется, что она прочитала мои мысли и описывает сейчас именно то, как я живу и работаю.

Но вот лёгкая тень мысли снова убегает со светлого лица Алекс, и она продолжает:

— И я решила всё изменить. Поменять представление о стереотипных писателях. Точнее, о писательницах, — увлечённо объясняет она, продолжая выделывать невообразимые кульбиты в воздухе.

Ладно хоть текст ещё параллельно не надиктовывает, — мелькает у меня злорадная мысль.

— Вот смотри, например, Эрика Джеймс — обычная домохозяйка с виду, сложно поверить, что она на самом деле разбирается во всех этих садо-мазо штучках, которые она описала в своих «Пятидесяти оттенках серого».

— Ну вот зато Бланка Лепински, например, очень хорошо работает над своим имиджем, —язвительно вставляю я свои пять копеек.

— Бланка Лепински — молодец, — пристально смотрит на меня Алекс, и мне кажется, что её ресницы сейчас взлетят двумя ночными бабочками к потолку. — Она тоже ломает стереотипы.

— Да вы с ней обе просто огнище, — поддакиваю я.

Боже мой, ну сколько можно расхваливать саму себя?!

— Вот я и поставила себе цель стать русской Джеймс или Лепински, — делится своими планами на дальнейшие жизнь и творчество Олеся, грациозно, как лесная козочка, соскакивая на пол возле своего шибари-гамака. Да уж, она-то наверняка преуспела в любовных играх, — вдруг мелькает у меня мелкая завистливая мыслишка. — Хочу, чтобы мою «Куколку для мужа» экранизировал *Netflix*, — мечтательно тя-

нет она.

А мне вдруг становится безумно жаль и *Netflix*, и всех его зрителей. Но я не подаю вида:

— Это чудесные планы, Олеся. И я уверена, что с твоей работоспособностью это просто вопрос времени.

Ага, по два миллионов знаков в месяц, которые она гонит сейчас, это никаких лесов не хватит на её тиражи! Донцова от эротики, мать её.

— Ну хорошо, что там с «Боссом»? — наконец-то снисходит она до обсуждения финальных правок её очередного романа. Который завтра уже уходит в печать. Десятитысячным тиражом. По современным меркам — просто заоблачным. Почти как и «Пятьдесят оттенков», который, кстати, я так и не смогла дочитать до конца

— Я тебе высылала файл с правками, но ты его, наверное, не успела просмотреть, — хотя я уверена, что эта бумагомарака просто не захотела ничего править.

— Да, я всё просмотрела, — отвечает Алекс. — Просто я не буду ничего менять. Мы оставляем текст, как есть. Он безупречен. Это мой авторский стиль, — отрезает она, и у меня всё закипает внутри от злости.

Да она просто сейчас дала пощёчину всему русскому языку в моём лице! Великому и могучему!

— Подай полотенце, если тебе не сложно, — сладко улыбается Алекс всеми своими тридцатью двумя белоснежными винирами.

Я нагибаюсь и чувствую, как предательски трещит по швам моя юбка. Как хорошо, что её не видно под пиджаком!

— Ой, у тебя, кажется, пуговка отлетела, — невинно хлопает ресницами Алекс, обтирая своё идеальное загорелое тело полотенцем, пока мой пиджак подло трещит на мне в самый неподходящий момент.

Злая, всклокоченная и в невыносимо жмущей мне в области талии юбке я мчусь в редакцию на встречу со своим шефом.

— Егор, ты обещал мне дать нового автора! — с разбегу начинаю разговор с боссом с требования.

Хотя и младенец знает, что так поступать нельзя ни в коем случае. Знаем-знаем все эти правила бизнес-психологии: сначала предложи решение проблемы, а потом уже проси. Но мне уже столько раз обещали повышение, а точнее, избавление от этой ненавистной мне любовно-эротической темы, что я считаю, что вправе наконец-то требовать.

— Что опять стряслось, Инга? — смотрит на меня своим проницательным взглядом босс. Такой профессионально-уютный в модной вязаной жилетке поверх дорогой итальянской рубашки. Улыбается, но я-то знаю, что на самом деле внешность домашнего котика обманчива, и в этом глубоком кожаном кресле сейчас сидит на самом деле самая настоящая акула.

Акула издательского бизнеса.

Это именно Егор почуял, буквально почувствовал запах

скандинавских триллеров, когда всё население нашей страны упивалось Дарьей Донцовой и Марининой, и начал продвигать и продавать любовные романы с нестандартными установками, как только «Пятьдесят оттенков серого» замаячили где-то там на далёком горизонте.

К слову, с этих самых оттенков и началось моё стремительное падение вниз: люди перестали читать что-то прекрасное и вечное, и все скатились к свальному греху эротического чтива.

Или я совсем не разбираюсь в людях

— Ты понимаешь, что я устала продавать нашим читателям это Это — я пытаюсь отыскать в своей голове хоть одно приличное слово, которым я могла бы обозначить все эти жалкие писульки Алекс Стар, и мой босс помогает мне:

— Говно на лопате? — с улыбкой отпивает он из своей большой кружки кофе и ставит на стол.

Мне кажется, или я явственно ощущаю аромат коньяка?

— Именно, — плюхаюсь я в глубокое тёплое кресло напротив. Такое уютное и большое, что хочется забраться в него с ногами и попросить и себе глоточек. Тоже с коньяком.

На то и расчёт: все писатели, раз угодившие в недра этого волшебного кресла, остаются с нами надолго, пока мой гениальный босс не высосет из них всё до последней капельки. До последней фразы из их творческих головок. До последней копеечки, которую они способны заработать для нашего издательства *Indigo Publishing*.

— Ты же знаешь, как я ненавижу такой сорт литературы, — плаксиво начинаю я. — Почему именно мне ты поручил этим заниматься? В конце концов, я бы отлично вела направление научпопа! Или триллеров, в конце концов, — опять завожу я свою шарманку.

— Потому что ты лучшая, моя дорогая Инга, — тонко улыбается мой самый хитрый на свете начальник, и встаёт, направляясь к своей шикарной кофе-машине, которая стоит на отдельном столике. — Тебе как обычно? — уточняет он на всякий случай, пока начинает колдовать на своём инструменте.

— Да, и капельку коньяка, — хмыкаю я, пока волшебный агрегат не начинает издавать свою кофейную музыку перемалывающихся зерен, шипения пара под давлением, а весь кабинет не наполняет бесподобный аромат летнего кафе где-нибудь во Флоренции.

Потому что это только в дешёвых унитазных книжонках Алекс Стар кофе какому-нибудь боссу обязательно готовит и приносит секретарша. И, конечно же, всенепременно спотыкаясь на своих высоченных каблуках и судорожно прижимая к груди какую-нибудь огромную мать-её-драную папку с документами. А босс грозно рыкает и даже не говорит спасибо в ответ. Потому что все властные боссы в любовных романах – какие-то невоспитанные неандертальцы с уровнем интеллекта с горошинку. С маковую росинку.

В то время как все современные и очень даже успешные

мужчины сами любят сварить себе отличный кофе. И даже приготовить какой-нибудь вкусный гурманский ужин.

— Прошу, — протягивает мне белоснежную кружку из костяного фарфора Егор, и я с упоением вдыхаю аромат лучшей арабики средней обжарки и лучшего коньяка с нотками дубовой древесины, напитанной виноградным спиртом, южным солнцем и роскошью.

— Егор, сколько ты ещё будешь держать меня в заложниках у этой дуры? — не выдержав, выливаю я на него своё недовольство.

— Тише, тише, моя девочка, зачем ты так о нашей жар-птице, несущей золотые яйца? — снова садится напротив меня мой царственный начальник. — Ведь всё, что нас окружает, — обводит небрежно он мягкой ладошкой свой кабинет, набитый сокровищами, — это в том числе и заслуга таких прекрасных и талантливых авторов, как Олеся, — внимательно смотрит он на меня. — Сколько, как ты думаешь, мы заработали в прошлом году на переиздании Стейнбека? — продолжает Бельский. — Или, допустим, твоего любимого Достоевского, — пристально смотрит он на меня, — ты ведь любишь перечитывать Достоевского, правда? — и я вижу искры смеха, притаившиеся в его глазах.

— А как же, вот только на днях перечитывала. «Униженных и оскорблённых», — бурчу я в ответ, уткнувшись в свой кофе, правда, не уточняя, что просто переставляла собрание сочинений Фёдора Михайловича на другую полку. Куда по-

дальше.

— Ну так вот, отдел переиздания классики за весь прошлый год заработал двести миллионов. Долларов, — смотрит на меня Егор. — И твой горячо любимый Достоевский как раз на третьем месте. Был бы рядом со Стивеном Кингом. Если бы тот всё ещё остался с нами.

— Это правда? — с изумлением смотрю я на Бельского.

— Ну конечно, Инга, зачем мне тебе врать? — откидывается в кресле Егор, прикрывая глаза.

— И что бы это значило? — бормочу я в ответ.

— Это значит, мой миленький маленький снобик, что место в этом мире найдётся для всех. И для Кинга. И для Алекс. И для Фёдора Михайловича, — задумчиво смотрит на набережную Фонтанки в окне мой босс.

Ещё чуть-чуть, и её тёмные антрацитовые воды сожрут только недавно родившийся слабый ноябрьский денёк.

И мой Питер снова накроет колпаком его вечная предзимняя дремота.

Как ни странно, кофе с коньяком делают своё дело: я тоже расслабляюсь и умиротворённо слушаю рассуждения мудрого начальника, уже не требуя от него немедленных перестановок и повышений.

— У меня есть для тебя новое имя в литературе, — наконец-то произносит Егор, и я с надеждой внемлю ему. — Ты же в курсе, что некоторые наши любимые авторы прекратили своё сотрудничество с российским книжным рынком, —

поясняет он мне то, что и так все знают. — Но вот, свято место пусто не бывает. Я продолжаю открывать для нас всё новые имена, — делает он глоток и внимательно смотрит на меня.

И я замечаю жёлтые крапинки на радужке его глаз. Как-будто кто-то брызнул волшебной пыльцой на них, когда он был ещё маленьким мальчиком.

— Замечательный американский писатель. Между прочим, простоял в топе продаж *Amazon*несколько месяцев подряд, — улыбается он мне.

— О боже, неужели всё-таки ты меня услышал?! — не верю я своим ушам. Я же на самом деле даже и не рассчитывала ни на что в этот раз. Так, поныть как обычно! — Ну так кто же это?! — чуть ли не выпрыгиваю я из своего уютного гнёздышка.

И чувствую, как ещё одна пуговица отлетает от моего пиджачка

— Талантливая писательница. Саша Шу, — торжествующе заключает Егор, словно от только что заполучил к нам в издательство лауреата Пулицеровской премии и Букера одновременно.

— Так. Подожди, — ставлю я на стол свою чашку с таким звонким стуком, что наверняка она треснула. — Это та самая Саша Шу, которая написала «Двести дней у мафии»?! — вспоминаю я нашумевший хит сезона.

Банальную. Глупую. Претенциозную дешёвку.

Впрочем, как и все книги про принуждение, *рашн братва*и неземную любовь жертвы к своему абьюзеру.

— Так ты наслышана? Отлично, я рад, — мягко улыбается Егор. — Согласись, это будет просто прекрасно: две звёздочки на нашем небосклоне: Алекс Стар и Саша Шу в нашем издательском портфолио! Устроишь им обеим презентацию в регионах. Как раз до Нового года управитесь, — не даёт мне и слова вставить мой начальник, уже твёрдым голосом отдавая мне приказы.

Распоряжения. И теперь его взгляд становится жёстким и холодным.

И я даже не успеваю перевести дух.

— То есть ты хочешь сказать, что теперь вместо одной одиозной Алекс-Ивановой с её боссами я ещё буду вести и Сашу Шу с её главарями мафии?! — переспрашиваю я у Егора.

— Именно, — допивает свой коньяк с кофе мой неповторимый начальник. — И если ты справишься на отлично, то так и быть, после Нового года переведу тебя в отдел научпопа или триллеров. Выбирай, — щедро предлагает он.

— Ясно, — устало встаю я, подбирая свою сумку.

И мне уже плевать, что пиджак теперь держится на одной последней пуговице, стыдливо прикрывая треснувшую на мне юбку.

— И ещё, Инга, — напоследок бросает мне босс.

Я оборачиваюсь, надеясь услышать хоть что-то обнадёжи-

вающее, но нет, мой начальник сегодня в ударе:

— Инга, не пора ли тебе Скажем, выйти замуж? Или хотя бы начать встречаться с кем-нибудь для начала?

— Егор, ты серьёзно? — в раздражении переспрашиваю я. — Вот ты был сколько раз женат? Два? Три? И как? Помогло тебе?

— А как же! Три, — гордо подмигивает мне босс. — И не откажусь сделать это снова.

Я невольно рассматриваю идеальную попку, обтянутую яркими леггинсами цвета фуксии, и сразу же мой язвительный внутренний наг шепчет мне на ухо: «Ты только посмотри на эту задницу. Разве с такой задницей вообще могут быть хорошие мозги?», и я, конечно же, с ним полностью соглашаюсь.

Это объясняет многое: все эти «садят», «лижут», «увлажняют» и «сладко ноют». Видимо, центр творческого мышления у моей дорогой Алекс-Олеси сосредоточен всё-таки не в мозгах, а где-то в другом месте.

И теперь мне надо уговорить эту дуболомку от литературы согласиться на приемлемые правки, чтобы хотя бы с первых страниц на несчастных читателей не обрушивался весь этот словесный дурнопахнущий мусор.

— Прости, дописываю главу, — лучезарно улыбается мне Алекс, и до меня только сейчас доходит, что пока я ей что-то втолковываю, а её и без того идеальные ягодичные мышцы становятся ещё более идеальными, она пишет!

— Ты что, надиктовываешь текст? — не могу поверить я в такую халатность. Безответственность. Плебейство, в конце концов!

— Да, здорово, правда? — смотрит она на меня своими широко распахнутыми миру глазами в густо наращённых ресницах.

Которые, стоит признаться, тоже сидят на ней идеально, так же, как и леггинсы.

— Представляешь, как это удобно, — тараторит она, закрывая файл своего очередного шедевра.

— Представляю, — соглашаюсь я, вложив в свой голос весь тонкий ироничный сарказм, на который только способна. — Вот бы Пушкину с Толстым такие гаджеты в их время!

— Вот именно! — подхватывает Алекс, слезая со своего тренажёра и направляясь к какому-то гамаку, и я послушной семеню за ней, как овечка за пастушком. — Я когда попробовала и поняла, как это удобно, сразу же перешла на такой способ написания текстов!

— Это просто прелестно, — бурчу я. Как бы я ни старалась, Алекс не способна различать сарказм. Это не её конёк.

Как и написание хороших качественных и грамотных текстов.

Но моя литературная дива тем временем залезает в свисающие с потолка лямки, и, растянувшись грудью вперёд, прямо как Ника Самофракийская, продолжает:

— Извини, мне нужно сделать растяжку. Ты знаешь, я по-

няла, что писатель — очень опасная профессия. Ты всё время сидишь, сгорбившись, за монитором, портишь глаза.

— Ага, садишь зрение, — вставляю я, и Алекс, скользнув по мне незамутнённым интеллектом взглядом, кивает в ответ.

— Именно. Портишь позвоночник. Ходишь в растянутых трениках и футболках, потому что тебя никто не видит. Ну ты понимаешь, — внимательно смотрит она мне в глаза, и на долю секунды мне кажется, что она прочитала мои мысли и описывает сейчас именно то, как я живу и работаю. Но вот лёгкая тень мысли снова убегает со светлого лица Алекс, и она продолжает:

— И я решила всё изменить. Поменять представление о стереотипных писателях. Точнее, о писательницах, — увлечённо объясняет она, продолжая выделывать невообразимые кульбиты в воздухе.

Ладно хоть текст ещё параллельно не надиктовывает, — мелькает у меня злорадная мысль.

— Вот смотри, например, Э.Л. Джеймс — обычная домохозяйка с виду, сложно поверить, что она на самом деле разбирается во всех этих садо-мазо штучках, которые она описала в своих «Пятидесяти оттенках».

— Ну вот зато Бланка Лепински, например, очень хорошо работает над своим имиджем, —язвительно вставляю я свои пять копеек.

— Бланка Лепински — молодец, — пристально смотрит

на меня Алекс, и мне кажется, что её ресницы сейчас взлетят двумя ночными бабочками к потолку. — Она тоже ломает стереотипы.

— Да вы с ней обе просто огнище, — поддакиваю я.

Боже мой, ну сколько можно расхваливать саму себя?!

— Вот я и поставила себе цель стать русской Джеймс или Лепински, — делится своими планами на дальнейшие жизнь и творчество Олеся, грациозно, как лесная козочка, соскакивая на пол возле своего шибари-гамака. Да уж, она-то наверняка преуспела в любовных играх, — вдруг мелькает у меня мелкая завистливая мыслишка. — Хочу, чтобы мою «Куколку для мужа» экранизировал Netflix, — мечтательно тянет она.

А мне вдруг становится безумно жаль и Netflix, и всех его зрителей. Но я не подаю вида:

— Это чудесные планы, Олеся. И я уверена, что с твоей работоспособностью это просто вопрос времени.

Ага, по два миллионов знаков в месяц, которые она гонит сейчас, это никаких лесов не хватит на её тиражи! Донцова от эротики, мать её.

— Ну хорошо, что там с «Боссом»? — наконец-то снисходит она до обсуждения финальных правок её очередного романа. Который завтра уже уходит в печать. Десятитысячным тиражом. По современным меркам — просто заоблачным. Почти как и «Пятьдесят оттенков», который, кстати, я так и не смогла дочитать до конца…

— Я тебе высылала файл с правками, но ты его, наверное, не успела просмотреть, —хотя я уверена, что эта бумагомарака просто не захотела ничего править.

— Да, я всё просмотрела, — отвечает Алекс. — Просто я не буду ничего менять. Мы оставляем текст, как есть. Он безупречен. Это мой авторский стиль, — отрезает она, и у меня всё закипает внутри от злости.

Да она просто сейчас дала пощёчину всему русскому языку в моём лице! Великому и могучему!

— Подай полотенце, если тебе не сложно, — сладко улыбается Алекс всеми своими тридцатью двумя белоснежными винирами.

Я нагибаюсь и чувствую, как предательски трещит по швам моя юбка. Как хорошо, что её не видно под пиджаком!

— Ой, у тебя, кажется, пуговка отлетела, — невинно хлопает ресницами Алекс, обтирая своё идеальное загорелое тело полотенцем, пока мой пиджак подло трещит на мне в самый неподходящий момент.

Злая, всклокоченная и в невыносимо жмущей мне в области талии юбке я мчусь в редакцию на встречу со своим шефом.

— Егор, ты обещал мне дать нового автора! — с разбегу начинаю разговор с боссом с требования.

Хотя и младенец знает, что так поступать нельзя ни в коем случае. Знаем-знаем все эти правила бизнес-психологии: сначала предложи решение проблемы, а потом уже проси.

Но мне уже столько раз обещали повышение, а точнее, избавление от этой ненавистной мне любовно-эротической темы, что я считаю, что вправе наконец-то требовать.

— Что опять стряслось, Инга? — смотрит на меня своим проницательным взглядом босс. Такой профессионально-уютный в модной вязаной жилетке поверх дорогой итальянской рубашки. Улыбается, но я-то знаю, что на самом деле внешность домашнего котика обманчива, и в этом глубоком кожаном кресле сейчас сидит на самом деле самая настоящая акула.

Акула издательского бизнеса.

Это именно Егор почуял, буквально почувствовал запах скандинавских триллеров, когда всё население нашей страны упивалось Дарьей Донцовой и Марининой, и начал продвигать и продавать любовные романы с нестандартными установками, как только «Пятьдесят оттенков серого» замаячили где-то там на далёком горизонте.

К слову, с этих самых оттенков и началось моё стремительное падение вниз: люди перестали читать что-то прекрасное и вечное, и все скатились к свальному греху эротического чтива.

Или я совсем не разбираюсь в людях…

— Ты понимаешь, что я устала продавать нашим читателям это… Это… — я пытаюсь отыскать в своей голове хоть одно приличное слово, которым я могла бы обозначить все эти жалкие писульки Алекс Стар, и мой босс помогает мне:

— Говно на лопате? — с улыбкой отпивает он из своей большой кружки кофе и ставит на стол.

Мне кажется, или я явственно ощущаю аромат коньяка?

— Именно, — плюхаюсь я в глубокое тёплое кресло напротив. Такое уютное и большое, что хочется забраться в него с ногами и попросить и себе глоточек кофе. С коньяком.

На то и расчёт: все писатели, раз угодившие в недра этого волшебного кресла, остаются с нами надолго, пока мой гениальный босс не высосет из них всё до последней капельки. До последней фразы из их творческих головок. До последней копеечки, которую они способны заработать для нашего издательства Indigo Publishing.

— Ты же знаешь, как я ненавижу такой сорт литературы, — плаксиво начинаю я. — Почему именно мне ты поручил этим заниматься? В конце концов, я бы отлично вела направление научпопа! Или триллеров, в конце концов, — опять завожу я свою шарманку.

— Потому что ты лучшая, моя дорогая Инга, — тонко улыбается мой самый хитрый на свете начальник, и встаёт, направляясь к своей шикарной кофе-машине, которая стоит на отдельном столике. — Тебе как обычно? — уточняет он на всякий случай, пока начинает колдовать на своём инструменте.

— Да, и капельку коньяка, — хмыкаю я, пока волшебный инструмент не начинает издавать свою кофейную музыку перемалывающихся зерен, шипения пара под давлением, а весь

кабинет не наполняет бесподобный аромат летнего кафе где-нибудь во Флоренции.

Потому что это только в дешёвых унитазных книжонках Алекс Стар кофе какому-нибудь боссу обязательно готовит и приносит секретарша. И, конечно же, всенепременно спотыкаясь на своих высоченных каблуках и судорожно прижимая к груди какую-нибудь огромную мать-её-драную папку с документами. А босс грозно рыкает и даже не говорит спасибо в ответ. Потому что все властные боссы в любовных романах – какие-то невоспитанные неандертальцы с уровнем интеллекта с горошинку. С маковую росинку.

В то время как все современные и очень даже успешные мужчины сами любят сварить себе отличный кофе. И даже приготовить какой-нибудь вкусный гурманский ужин.

— Прошу, — протягивает мне белоснежную кружку из костяного фарфора Егор, и я с упоением вдыхаю аромат лучшей арабики средней обжарки и лучшего коньяка с нотками дубовой древесины, напитанной виноградным спиртом, южным солнцем и роскошью.

— Егор, сколько ты ещё будешь держать меня в заложниках у этой дуры? — не выдержав, выливаю я на него своё недовольство.

— Тише, тише, моя девочка, зачем ты так о нашей курочке, несущей золотые яйца? — снова садится напротив меня мой царственный начальник. — Ведь всё, что нас окружает, — обводит небрежно он мягкой ладошкой свой кабинет, на-

битый сокровищами, — это в том числе и заслуга таких прекрасных и талантливых авторов, как Олеся, — внимательно смотрит он на меня. — Сколько, как ты думаешь, мы заработали в прошлом году на переиздании Стейнбека? — продолжает Бельский. — Или, допустим, твоего любимого Достоевского, — пристально смотрит он на меня, — ты ведь любишь перечитывать Достоевского, правда? — и я вижу искры смеха, притаившиеся в его глазах.

— А как же, вот только на днях перечитывала. «Униженных и оскорблённых», — бурчу я в ответ, уткнувшись в свой кофе, правда, не уточняя, что просто переставляла собрание сочинений Фёдора Михайловича на другую полку. Куда подальше.

— Ну так вот, отдел переиздания классики за весь прошлый год заработал двести миллионов. Долларов, — смотрит на меня Егор. — И твой горячо любимый Достоевский как раз на третьем месте. Был бы рядом со Стивеном Кингом. Если бы тот всё ещё остался с нами.

— Это правда? — с изумлением смотрю я на Бельского.

— Ну конечно, Инга, зачем мне тебе врать? — откидывается в кресле Егор, прикрывая глаза.

— И что бы это значило? — бормочу я в ответ.

— Это значит, мой миленький маленький снобик, что место в этом мире найдётся для всех. И для Кинга. И для Алекс. И для Фёдора Михайловича, — задумчиво смотрит на набережную Фонтанки в окне мой босс.

Ещё чуть-чуть, и её тёмные антрацитовые воды сожрут только недавно родившийся слабый ноябрьский денёк.

И мой Питер снова накроет колпаком его вечная предзимняя дремота.

Как ни странно, кофе с коньяком делают своё дело: я тоже расслабляюсь и умиротворённо слушаю рассуждения мудрого начальника, уже не требуя от него немедленных перестановок и повышений.

— У меня есть для тебя новый прекрасный автор, — наконец-то произносит Егор, и я с надеждой внемлю ему. — Ты же в курсе, что некоторые наши любимые авторы прекратили своё сотрудничество с российским книжным рынком, — поясняет он мне то, что и так все знают. — Но вот, свято место пусто не бывает. Я продолжаю открывать для нас всё новые имена, — делает он глоток и внимательно смотрит на меня.

И я замечаю жёлтые крапинки на радужке его глаз. Как-будто кто-то брызнул волшебной пыльцой на них, когда он был ещё маленьким мальчиком.

— Прекрасный новый американский автор. Между прочим, простоял в топе продаж Amazon несколько месяцев подряд, — улыбается он мне.

— О боже, неужели всё-таки ты меня услышал?! — не верю я своим ушам. Я же на самом деле даже и не рассчитывала ни на что в этот раз. Так, поныть как обычно! — Ну так кто же это?! — чуть ли не выпрыгиваю я из своего уютного

гнёздышка.

И чувствую, как ещё одна пуговица отлетает от моего пиджачка…

— Талантливая писательница. Саша Шу, — торжествующе заключает Егор, словно от только что заполучил к нам в издательство лауреата Пулицеровской премии и Букера одновременно.

— Так. Подожди, — ставлю я на стол свою чашку с таким звонким стуком, что наверняка она треснула. — Это та самая Саша Шу, которая написала «Двести дней у мафии»?! — вспоминаю я нашумевший хит сезона.

Банальную. Глупую. Претенциозную дешёвку.

Впрочем, как и все книги про принуждение, бандитов и неземную любовь жертвы к своему абьюзеру.

— Так ты наслышана? Отлично, я рад, — улыбается во все свои тридцать два отбеленных зуба Егор. — Согласись, это будет просто прекрасно: две звёздочки на нашем небосклоне? Алекс Стар и Саша Шу в нашем издательском портфолио! Устроишь им обеим презентацию в регионах. Как раз до нового года управитесь, — не даёт мне и слова вставить мой начальник, уже твёрдым голосом отдавая мне приказы. Распоряжения. И теперь его взгляд становится жёстким и холодным.

И я даже не успеваю перевести дух.

— То есть ты хочешь сказать, что теперь вместо одной одиозной Алекс-Ивановой с её боссами я ещё буду вести и

Сашу Шу с её главарями мафии?! — переспрашиваю я у Егора.

— Именно, — допивает свой коньяк с кофе мой неповторимый начальник. — И если ты справишься на отлично, то так и быть, после Нового года переведу тебя в отдел научпопа или триллеров. Выбирай, — щедро предлагает он.

— Ясно, — устало встаю я, подбирая свою сумку. И мне уже плевать, что пиджак теперь держится на одной последней пуговице, стыдливо прикрывая треснувшую на мне юбку.

— И ещё, Инга, — напоследок бросает мне босс.

Я оборачиваюсь, надеясь услышать хоть что-то обнадёживающее, но нет, мой начальник сегодня в ударе:

— Инга, не пора ли тебе… Скажем, выйти замуж? Или хотя бы начать встречаться с кем-нибудь для начала?

— Егор, ты серьёзно? — в раздражении переспрашиваю я. — Вот ты был сколько раз женат? Два? Три? И как? Помогло тебе?

— А как же! Три, — гордо подмигивает мне босс. — И не откажусь сделать это снова.

3

В такси по дороге домой наконец-то могу расслабиться и окончательно расстегнуть ненавистный пиджак, который так давит мне в области талии.

Достаю телефон, захожу в почту и жму кнопку «Отправить». И гори весь тираж синим пламенем. Оставляем гениальные перлы Алекс нетронутыми, и пусть читатели наслаждаются, а я откидываюсь на кожаное сидение и смотрю из окна на вечно текущую реку Невского проспекта: цветную и яркую в любое время года и в любой час суток. Прямо как у Гоголя.

Мой любимый вечно хмурый и угрюмый город плачет осенним дождём, переходящим в противный первый снег, который в этом году выпал невыносимо рано. Скоро Новый год, а до него мне надо организовать кучу встреч и презентаций.

Чудесно. Просто чудесно.

С другой стороны, чем мне ещё заниматься? Дома меня никто не ждёт, и я могу всё своё время посвящать работе.

Поднимаюсь на четвёртый этаж, достаю ключи и подпрыгиваю от страха, когда из угла на меня начинает кто-то рычать! Отбегаю в дальний угол лестничной клетки, и, вглядевшись, понимаю, что у меня на коврике сидит крошечная кукольная собачка. По крайней мере, выглядит она как иг-

рушка в каком-то неимоверном розовом платьице с кружевами. И стразами!

И хотя она пытается грозно скалить свои зубки, я вижу, как дрожит от страха и холода её маленькое тщедушное тельце. И хотя я просто терпеть не могу собак, мне становится жалко эту крошку, которая продолжает звонко тявкать на меня своим механическим заводным голоском.

Что же мне делать? Оставить её прямо здесь, на лестничной клетке? Пусть посидит на моём коврике, пока я не придумаю, что делать дальше? Именно так я и решаю поступить, переступаю через эту Каштанку и вставляя ключ в замочную скважину.

Как вдруг собачонка начинает плакать. В буквальном смысле этого слова. Садится на свою крошечную пятую точку и, задрав носик-пуговку к потолку, заливается настоящими человеческими рыданиями. Как потерянный малыш. Мать его! Я не могу этого вынести.

И хотя я ненавижу собак, моё сердце не выдерживает этой безудержной тоски, этой мольбы о помощи потерянного ребёнка и я, присев на корточки, бормочу:

— Ну хорошо, тише, не плачь. Мы отыщем твою хозяйку. Как же ты вообще умудрилась сбежать от неё? — я осторожно, всё ещё опасаясь, что зверёк тяпнет меня за руку, нащупываю на шее песика ошейник, больше напоминающий ожерелье с брелоком-именем. Барби. Ну конечно же! Чего я ещё ожидала?! — Заходи, — открываю я дверь, и Барби величе-

ственно переступает порог, как будто это она соизволила почтить меня своим визитом.

Гордо идёт по коридору, заходит в гостиную и, запрыгнув на диван, ложится прямо поверх моей любимой бархатной подушечки.

— Ира, привет, — звоню я своей лучшей и, пожалуй, единственной подруге Ире Пчёлкиной. Которая по странному совпадению работает собачьим психологом.

И рассказываю ей о своей находке.

— Ну так посмотри внимательнее на ошейнике, — смеётся она в трубку. — Не сомневаюсь, что там должен быть телефон хозяина. Точнее, хозяйки, — авторитетно поправляет она сама себя. И посмотрев на фото моей собачки, которая я ей тут же пересылаю, ещё раз поддакивает в трубку: — Йоркширский терьер, очень популярная сейчас порода среди женщин.

Моя гениальная подруга как всегда оказывается права: тут же, на другом усыпанном стразами и бриллиантами брелоке указан номер телефона. И я набираю сообщение в мессенджере: *«Добрый день, нашла вашу собаку»*.

И я даже не успеваю отправить следующее, как мне тут же пишут в ответ: *«Она у вас?! Никуда не уходите! Я бегу! Скажите только адрес!»*

И я со спокойным сердцем пишу в ответ: *«Канал Грибоедова 21, 42»*. Потому что уверена, что сейчас за своей собачкой примчится какая-нибудь блондинка в законе Эль Вудз в

розовых пушистых уггах и бархатном золотом костюмчике от *Prada*. Ну а какая хозяйка может ещё быть у этого крошечного плюшевого монстра, который сейчас спокойно посапывает у меня на подушке? Бесцеремонно. Как будто сделал мне великое одолжение.

Ладно, пойду пока сниму свои безнадёжно усевшие юбку без пуговиц и пиджак. И теперь надо подумать, в чём же мне придётся ходить по всем этим бесконечными презентациям с Алекс Стар и её коллегой по перу Сашей Шу.

Я едва успеваю натянуть на себя свой уютный домашний наряд, как в дверь раздаётся звонок, и я иду открывать. Похоже, хозяйка прилетела сюда на вертолёте. Заметно, что она очень любит свою Барби. Поразительная скорость.

Натягиваю на лицо приветливую улыбку и распахиваю дверь. И у меня просто захватывает дух. К такому я определённо не была готова. К такому вообще никто не может быть готов. На пороге стоит вылитый Райан Гослинг. В молодости. Или Роберт Патиссон? Правда, в нём есть ещё что-то и от Джорджа Клуни. Просто идеальный мужчина, в котором каждая увидела бы отголоски всех своих влажных горячечных фантазий. Одновременно.

Мне приходится задирать голову, потому что мой взгляд упирается ему примерно в солнечное сплетение, хотя я совсем не коротышка. На такую грудь хочется упасть. Прижаться к ней. Укрыться, как за каменным щитом. Чёрт, да мне просто хочется её потрогать! Положить ладонь на этот

скульптурный торс и почувствовать, как бьётся его сердце. Под этой тонкой чёрной футболкой в обтяжку, под расстёгнутой кожаной курткой.

Я могу поклясться, что у него настоящие васильковые глаза! Я думала, такое бывает только в дешёвых бульварных книжонках и в Голливуде! Или в рекламе линз. Но нет, этот красавец сейчас смотрит на меня этими бесподобными синими глазами и улыбается. Самой обаятельной и соблазнительной улыбкой.

Я бы даже сказала, порочной Потому что в его губы хочется впиться. Прямо здесь, не сходя с порога. Надкусить их, как спелый плод. Почувствовать вкус его крови у себя во рту. Обвить руками эту сильную шею, прижаться всем телом, грудью, животом, бёдрами к нему

И тут я с ужасом понимаю, что где-то как раз внизу живота у меня горячо и сладко Что Ноет?! Прямо как в романе Алекс Стар?! Какая пошлость! Но как же тогда ещё это описать? Трепет мотыльков в стеклянной банке?!

Так, надо взять себя в руки и как минимум спросить, что ему здесь нужно.

— Добрый вечер, — произносит пленительный незнакомец тем низким глубоким голосом, от которого мои бабочки начинают просто биться в истерике, запертые в моём пустом животе. — Я пришёл за Барби. Где она? — с заботой и лёгкой тревогой вглядывается он мне за спину, словно я держу его собачку в заложниках.

И та, видимо почуяв, почувствовав запах своего хозяина, своего самца, несётся к нему со звонким лаем по коридору, и он, с лёгкостью присев на корточки, ловит её на руки.

Берёт в свои сильные нежные ладони, прижимает к себе, и маленькая сучка облизывает его глаза, лицо губы Я смотрю на эту сцену и вдруг ловлю себя на мысли, что сама сейчас хотела бы сделать то же самое!

Да что это такое со мной происходит, в конце концов! Надо взять себя в руки. Такого просто не бывает. Мы не в дешёвом романчике серии «Шарм». Ну или на худой конец — серии *Во власти страсти*моего издательства. Мы в Питере — самом пасмурном городе моей родины, где всегда чувствуется острый недостаток нормальных мужчин и тестостерона.

Да, в моём любимом городе полно фриков, худосочных нервных интеллигентов, полусумасшедших художников и музыкантов, да кого угодно, кроме нормальных настоящих мужиков! Мужчин, которые взяли бы тебя за руку и твёрдо и уверенно повели бы за собой в счастливое, полное любви и гармонии будущее.

Нет, как раз ровно наоборот: очередной ухажёр проведёт тебя по всем злачным подворотням и закрытым клубам, накормит привокзальной шавермой и расскажет о Кастанеде на засаленном диванчике в своей комнатке в коммуналке, прежде чем провалится в пьяное забытье. Или ещё хуже: поужинает тебя в роскошном ресторане, прокатит на своём «Ягуаре» пятидесятого года выпуска и приведёт в свой боль-

ше напоминающий замок пентхаус на Крестовском, как раз для того, чтобы приковать тебя наручниками к чугунной антикварной кровати, привезённой прямиком из Франции.

Нет уж, увольте. Я давно накушалась нашими кавалерами, и именно поэтому я до сих пор не замужем и вообще одна. Точнее, свободна. От всяких придурков разного калибра и статуса.

Но сейчас во мне молчит голос разума. Он онемел. Внутри меня *«хлопает в ладоши моя внутренняя Богиня»*, как пишет в своих «Пятидесяти оттенках» в каждом втором предложении Э. Л. Джеймс.

Я смотрю на этого неимоверного красавчика, словно материализовавшегося из влажных фантазий миллиона женщин, и на то, как он нежно прижимает к своему сердцу свою собачонку. Свою Барби.

Хотя, наверняка это питомица его девушки. Потому что такой брутальный на вид мужчина не может так трогательно тетешкаться с игрушечной собачкой. Я бы могла представить его с бультерьером, с мастифом, наконец. Но нет, мой незнакомец поднимается легко на ноги и продолжает:

— Вы не представляете, что вы для меня сделали! Моя домработница сегодня забыла закрыть дверь, и эта хулиганка убежала! Я даже успел расклеить объявления по всему району: я так переживал, вы ведь понимаете, что с такой малышкой может случиться всё, что угодно!

Малышкой Отмечаю про себя, с какой интонацией он

произносит это слово, и чувствую, как у меня буквально подкашиваются ноги. Перехватывает дух. Да я просто не могу стоять рядом с ним, едва сдерживая себя, чтобы не наброситься на него прямо здесь, в подъезде!

Поцеловать в его сладкие губы, обхватить своими ногами его крепкие бёдра и почувствовать, как он легко подхватывает меня, как пушинку, чтобы прижать к стене и

Так. Стоп.

— Проходите, пожалуйста, — наконец-то выдавливаю я из себя, делая шаг назад. В свою квартиру. Впуская его внутрь.

Хотя и младенец знает, что никогда нельзя доверять незнакомцам. А уж тем более приглашать их в свой дом.

Да плевать, чёрт побери! Даже если он окажется сексуальным маньяком, я всё равно не буду жалеть. Не могу дышать рядом с ним. Не могу стоять. Такое, пожалуй, со мной в первый раз

— Так как же нам вас отблагодарить? — пристально смотрит мне в глаза мой внезапный принц.

И я отмечаю, что он ведёт речь от них двоих. От себя и Барби.

Мне хочется крикнуть ему прямо в лицо: «Возьми меня! Возьми прямо здесь на этом коврике в коридоре! Так, чтобы у меня свело ноги и руки от сладкой судороги», но нет, конечно же, я лишь сдержанно улыбаюсь и произношу чуть охрипшим от внутреннего волнения голосом:

— Да что вы, тут не за что благодарить. Вы мне ничего не должны. В конце концов, люди же должны помогать друг другу, правда? — стараюсь улыбнуться я ему своей самой очаровательной и соблазнительной улыбкой, но совсем не уверена, что это у меня получается.

Всё-таки годы без практики.

И Барби скалит на меня свои мелкие зубки. Рычит. Ревнует маленькая сучка. Ну что же. Я её по-женски отлично понимаю. Я бы тоже набрасывалась на каждого, кто бы посмел приблизиться к моему хозяину.

— Ах да, простите, — смущённо улыбается мой гость. — Евгений. Можно просто Женя, — и я жму его руку. Крепко обхватив её своей ладонью, и про себя замечаю, как моя рука тонет в его. Как в тёплом полированном кожухе. Какая у него мягкая кожа и длинные утончённые пальцы.

Как у пианиста или контрабасиста.

— Инга, — энергично пожимаю я его руку, боясь оторваться от неё. — Может быть, чаю? — и понимаю, как это, скорее всего, нелепо выглядит со стороны.

Зачем предлагать мужчине, которого ты видишь в первый раз в своей жизни, чай?! Отдала собачку, и дело в сторону! Спасибо и до свидания. Но я просто выдумываю, вымучиваю хоть какой-нибудь повод, чтобы побыть ещё совсем немного рядом с этим красавцем. Женей.

— Спасибо вам огромное ещё раз, Инга, но мы, пожалуй, пойдём, — обращается он к своей Барби. Как-будто спраши-

вает у неё разрешения. И она покорно лижет его в лицо.

Евгений протягивает мне прямоугольник бумаги. И я не сразу соображаю, что это простая визитка.

— Ну конечно, — фальшиво смеюсь я в ответ, и, дотянувшись до своей сумочки, даю ему свою.

— Так вы редактор? — удивлённо поднимает он свою красиво очерченную бровь. Чёрт, даже это он делает прямо как в самом сочном бульварном романе! Как на картинке. — *IndigoPublishing*? Обожаю ваши книги! Постоянно покупаю их!

Я стою, *как громом поражённая*, как написала бы моя ненаглядная Алекс. Я не верю своим ушам. Этот невыносимый красавец любит читать книги?! И при этом он не похож на объевшегося галлюциногенными грибами анархиста? Заботливый, нежный, надёжный, судя по его крепкому рукопожатию.

И сейчас он поворачивается ко мне спиной и начинает спускаться вниз по лестнице. Навсегда уходя прочь из моей жизни. Как зимнее питерское солнце: покажется раз в два месяца на пять минут, чтобы навсегда скрыться за вечными свинцовыми тучами.

Моё сердце глухо ухает куда-от вниз, как от безвозвратной утраты, но тут Евгений поворачивает в мою сторону свою ослепительно-красивое лицо и бросает перед тем, как скрыться за поворотом:

— Инга, если вы не против, давайте я угощу вас как-ни-

будь кофе? Я вам напишу?

И розовая надежда взрывается в моей душе конфетной пиньятой:

— Конечно не против! Пишите! — с самой приветливой улыбкой бросаю я.

Как будто это в порядке вещей, как будто это случается со мной каждый день: самый красивый и притягательный мужчина с собачкой предлагает угостить меня кофе.

— Успокойся, дыши глубже, — слышу я в трубку голос своей дорогой Пчёлкиной. — Я уже поняла, что этот мужчина со всеми признаками альфа-самца полностью очаровал тебя. Но помни, дорогая: он петушок, а ты курочка. Он должен догонять, а ты — убегать.

— Какой, на фиг, петушок? — не сразу понимаю я, что хочет донести до меня моя подруга.

— Я хочу тебе сказать, что не пиши ему первая. Подожди. Выдержи паузу. Что будет, если курочка начнёт гоняться за петухом и запрыгивать на него? Правильно, она его отпугнёт. Ну так вот, будь курочкой, — сыпет зоологическими премудростями Ира. — Теперь твоя задача — заманить нашего самца в свои крепкие лапки. И сожрать его. Как паучиха. Или самка богомола, — подытоживает она.

— Но я не хочу жрать его, — оправдываюсь я.

— Да-да, именно, но мы не так далеко ушли от насекомых, поверь, — убеждает меня Пчёлкина. — Поэтому сначала надо его привлечь и заманить, а потом уже решим, что

с ним делать, — отдаёт она последние распоряжения.

— Но как? — чуть ли не плачу я в трубку. — Как мне пробиться сквозь плотную толпу желающих его женщин?

Которых у него наверняка миллион? Ровно половина женского населения Питера.

— Я что-нибудь придумаю, — обнадёживает меня Ира, перед тем как отключиться, и я понимаю, что не смогу заснуть.

Потому что как только я закрываю глаза, я вижу перед собой это невозможное божество с розовой собачкой, и чувствую себя героиней самого пошлого, самого приторного и самого похабного романа Алекс Стар

Так, надо как-то отвлечься, я листаю на своём планшете книги и открываю так нашумевший совсем недавно роман Саши Шу, тот самый, который порвал все чарты на *Amazon*:

– Вот, пожалуйста, – вернулся Джон с высоким стаканом в руке: даже вода в нем была голубовато-искристая, словно он только что набрал ее в альпийском горном ручье из рекламной картинки.

Я взяла тонкий, как колба, стакан и начала пить из него ледяную воду, и капли тоненькой струйкой потекли по подбородку и шее, ниже к ложбинке между грудей, оставляя мокрую прозрачную дорожку на ткани футболки.

Джон сел в кресло в углу проверять распечатанный макет, а я, чтобы сгладить молчание комнаты, подошла к балкону и выглянула в окно, где на детской площадке оди-

ноко скрипели качели, на которых сидела девочка в платье и белых носочках. «Прямо как у меня», – подумала я перед тем, как комната немного покачнулась, стены сдвинулись в сторону, а заунывный скрип ржавых качелей стал последним звуком в мертвой тишине квартиры, который я услышала

Мне показалось, что я очнулась в другой жизни. Сначала я решила, что уже утро, и я в своей комнате дома, но присмотревшись, поняла, что это чужие белоснежные стены с бесконечным потолком, а я лежу на какой-то огромной кровати с туго натянутыми, словно в операционной, простынями. В голове, словно забитой ватными шариками, медленными ударами стучал пульс.

Во рту было сухо и жестко, словно я прополоскала его песком. По всему телу разлилась такая слабость, что я едва могла пошевелить пальцами рук. Где-то в глубине квартиры играла тихая музыка, и, прислушавшись, я узнала Вагнера: я как любая отличница из интеллигентной семьи регулярно ходила в филармонию.

– Все будет хорошо, малышка, – вдруг я услышала рядом тихий голос, и начала припоминать, где я нахожусь

И я чувствую, как мои глаза начинают потихоньку слипаться от тягуче-приторного текста романа, где бедная Красная Шапочка попадает в лапы к злому Серому Волку

Достаю телефон, захожу в почту и жму кнопку «Отправить». И гори весь тираж синим пламенем. Оставляем гени-

альные перлы Алекс нетронутыми, и пусть читатели наслаждаются, а я откидываюсь на кожаное сидение и смотрю из окна на вечно текущую реку Невского проспекта: цветную и яркую в любое время года и в любой час суток. Прямо как у Гоголя.

Мой любимый вечно хмурый и угрюмый город плачет осенним дождём, переходящим в противный первый снег, который в этом году выпал невыносимо рано. Скоро Новый год, а до него мне надо организовать кучу встреч и презентаций.

Чудесно. Просто чудесно.

С другой стороны, чем мне ещё заниматься? Дома меня никто не ждёт, и я могу всё своё время посвящать работе.

Поднимаюсь на четвёртый этаж, достаю ключи и подпрыгиваю от страха, когда из угла на меня начинает кто-то рычать! Отбегаю в дальний угол лестничной клетки, и, вглядевшись, понимаю, что у меня на коврике сидит крошечная кукольная собачка. По крайней мере, выглядит она как игрушка в каком-то неимоверном розовом платьице с кружевами. И стразами!

И хотя она пытается грозно скалить свои зубки, я вижу, как дрожит от страха и холода её маленькое тщедушное тельце. И хотя я просто терпеть не могу собак, мне становится жалко эту крошку, которая продолжает звонко тявкать на меня своим механическим заводным голоском.

Что же мне делать? Оставить её прямо здесь, на лестнич-

ной клетке? Пусть посидит на моём коврике, пока я не придумаю, что делать дальше? Именно так я и решаю поступить, переступаю через эту Каштанку и вставляя ключ в замочную скважину.

Как вдруг собачонка начинает плакать. В буквальном смысле этого слова. Садится на свою крошечную пятую точку и, задрав носик-пуговку к потолку, заливается настоящими человеческими рыданиями. Как потерянный малыш. Мать его! Я не могу этого вынести.

И хотя я ненавижу собак, моё сердце не выдерживает этой безудержной тоски, этой мольбы о помощи потерянного ребёнка и я, присев на корточки, бормочу:

— Ну хорошо, тише, не плачь. Мы отыщем твою хозяйку. Как же ты вообще умудрилась сбежать от неё? — я осторожно, всё ещё опасаясь, что зверёк тяпнет меня за руку, нащупываю на шее песика ошейник, больше напоминающий ожерелье с брелоком-именем. Барби. Ну конечно же! Чего я ещё ожидала?! — Заходи, — открываю я дверь, и Барби величественно переступает порог, как будто это она соизволила почтить меня своим визитом.

Гордо идёт по коридору, заходит в гостиную и, запрыгнув на диван, ложится прямо поверх моей любимой бархатной подушечки.

— Ира, привет, — звоню я своей лучшей и, пожалуй, единственной подруге Ире Пчёлкиной. Которая по странному совпадению работает собачьим психологом.

И рассказываю ей о своей находке.

— Ну так посмотри внимательнее на ошейнике, — смеётся она в трубку. — Не сомневаюсь, что там должен быть телефон хозяина. Точнее, хозяйки, — авторитетно поправляет она сама себя. И посмотрев на фото моей собачки, которая я ей тут же пересылаю, ещё раз поддакивает в трубку: — Йоркширский терьер, очень популярная сейчас порода среди женщин.

Моя гениальная подруга как всегда оказывается права: тут же, на другом усыпанном стразами и бриллиантами брелоке указан номер телефона. И я набираю сообщение в мессенджере: *«Добрый день, нашла вашу собаку»*.

И я даже не успеваю отправить следующее, как мне тут же пишут в ответ: *«Она у вас?! Никуда не уходите! Я бегу! Скажите только адрес!»*

И я со спокойным сердцем пишу в ответ: *«Канал Грибоедова 21, 42»*. Потому что уверена, что сейчас за своей собачкой примчится какая-нибудь блондинка в законе Эль Вудз в розовых пушистых уггах и бархатном золотом костюмчике от *Prada*. Ну а какая хозяйка может ещё быть у этого крошечного плюшевого монстра, который сейчас спокойно посапывает у меня на подушке? Бесцеремонно. Как будто сделал мне великое одолжение.

Ладно, пойду пока сниму свои безнадёжно усевшие юбку без пуговиц и пиджак. И теперь надо подумать, в чём же мне придётся ходить по всем этим бесконечными презентациям

с Алекс Стар и её коллегой по перу Сашей Шу.

Я едва успеваю натянуть на себя свой уютный домашний наряд, как в дверь раздаётся звонок, и я иду открывать. Похоже, хозяйка прилетела сюда на вертолёте. Заметно, что она очень любит свою Барби. Поразительная скорость.

Натягиваю на лицо приветливую улыбку и распахиваю дверь. И у меня просто захватывает дух. К такому я определённо не была готова. К такому вообще никто не может быть готов. На пороге стоит вылитый Райан Гослинг. В молодости. Или Роберт Патиссон? Правда, в нём есть ещё что-то и от Джорджа Клуни. Просто идеальный мужчина, в котором каждая увидела бы отголоски всех своих влажных горячечных фантазий. Одновременно.

Мне приходится задирать голову, потому что мой взгляд упирается ему примерно в солнечное сплетение, хотя я совсем не коротышка. На такую грудь хочется упасть. Прижаться к ней. Укрыться, как за каменным щитом. Чёрт, да мне просто хочется её потрогать! Положить ладонь на этот скульптурный торс и почувствовать, как бьётся его сердце. Под этой тонкой чёрной футболкой в обтяжку, под расстёгнутой кожаной курткой.

Я могу поклясться, что у него настоящие васильковые глаза! Я думала, такое бывает только в дешёвых бульварных книжонках и в Голливуде! Или в рекламе линз. Но нет, этот красавец сейчас смотрит на меня этими бесподобными синими глазами и улыбается. Самой обаятельной и соблазни-

тельной улыбкой.

Я бы даже сказала, порочной Потому что в его губы хочется впиться. Прямо здесь, не сходя с порога. Надкусить их, как спелый плод. Почувствовать вкус его крови у себя во рту. Обвить руками эту сильную шею, прижаться всем телом, грудью, животом, бёдрами к нему

И тут я с ужасом понимаю, что где-то как раз внизу живота у меня горячо и сладко Что Ноет?! Прямо как в романе Алекс Стар?! Какая пошлость! Но как же тогда ещё это описать? Трепет мотыльков в стеклянной банке?!

Так, надо взять себя в руки и как минимум спросить, что ему здесь нужно.

— Добрый вечер, — произносит пленительный незнакомец тем низким глубоким голосом, от которого мои бабочки начинают просто биться в истерике, запертые в моём пустом животе. — Я пришёл за Барби. Где она? — с заботой и лёгкой тревогой вглядывается он мне за спину, словно я держу его собачку в заложниках.

И та, видимо почуяв, почувствовав запах своего хозяина, своего самца, несётся к нему со звонким лаем по коридору, и он, с лёгкостью присев на корточки, ловит её на руки.

Берёт в свои сильные нежные ладони, прижимает к себе, и маленькая сучка облизывает его глаза, лицо губы Я смотрю на эту сцену и вдруг ловлю себя на мысли, что сама сейчас хотела бы сделать то же самое!

Да что это такое со мной происходит, в конце концов! На-

до взять себя в руки. Такого просто не бывает. Мы не в дешёвом романчике серии «Шарм». Ну или на худой конец — серии *Во власти страсти* моего издательства. Мы в Питере — самом пасмурном городе моей родины, где всегда чувствуется острый недостаток нормальных мужчин и тестостерона.

Да, в моём любимом городе полно фриков, худосочных нервных интеллигентов, полусумасшедших художников и музыкантов, да кого угодно, кроме нормальных настоящих мужиков! Мужчин, которые взяли бы тебя за руку и твёрдо и уверенно повели бы за собой в счастливое, полное любви и гармонии будущее.

Нет, как раз ровно наоборот: очередной ухажёр проведёт тебя по всем злачным подворотням и закрытым клубам, накормит привокзальной шавермой и расскажет о Кастанеде на засаленном диванчике в своей комнатке в коммуналке, прежде чем провалится в пьяное забытье. Или ещё хуже: поужинает тебя в роскошном ресторане, прокатит на своём «Ягуаре» пятидесятого года выпуска и приведёт в свой больше напоминающий замок пентхаус на Крестовском, как раз для того, чтобы приковать тебя наручниками к чугунной антикварной кровати, привезённой прямиком из Франции.

Нет уж, увольте. Я давно накушалась нашими кавалерами, и именно поэтому я до сих пор не замужем и вообще одна. Точнее, свободна. От всяких придурков разного калибра и статуса.

Но сейчас во мне молчит голос разума. Он онемел. Внутри

меня *«хлопает в ладоши моя внутренняя Богиня»*, как пишет в своих «Пятидесяти оттенках» в каждом втором предложении Э. Л. Джеймс.

Я смотрю на этого неимоверного красавчика, словно материализовавшегося из влажных фантазий миллиона женщин, и на то, как он нежно прижимает к своему сердцу свою собачонку. Свою Барби.

Хотя, наверняка это питомица его девушки. Потому что такой брутальный на вид мужчина не может так трогательно тетешкаться с игрушечной собачкой. Я бы могла представить его с бультерьером, с мастифом, наконец. Но нет, мой незнакомец поднимается легко на ноги и продолжает:

— Вы не представляете, что вы для меня сделали! Моя домработница сегодня забыла закрыть дверь, и эта хулиганка убежала! Я даже успел расклеить объявления по всему району: я так переживал, вы ведь понимаете, что с такой малышкой может случиться всё, что угодно!

Малышкой Отмечаю про себя, с какой интонацией он произносит это слово, и чувствую, как у меня буквально подкашиваются ноги. Перехватывает дух. Да я просто не могу стоять рядом с ним, едва сдерживая себя, чтобы не наброситься на него прямо здесь, в подъезде!

Поцеловать в его сладкие губы, обхватить своими ногами его крепкие бёдра и почувствовать, как он легко подхватывает меня, как пушинку, чтобы прижать к стене и

Так. Стоп.

— Проходите, пожалуйста, — наконец-то выдавливаю я из себя, делая шаг назад. В свою квартиру. Впуская его внутрь.

Хотя и младенец знает, что никогда нельзя доверять незнакомцам. А уж тем более приглашать их в свой дом.

Да плевать, чёрт побери! Даже если он окажется сексуальным маньяком, я всё равно не буду жалеть. Не могу дышать рядом с ним. Не могу стоять. Такое, пожалуй, со мной в первый раз

— Так как же нам вас отблагодарить? — пристально смотрит мне в глаза мой внезапный принц.

И я отмечаю, что он ведёт речь от них двоих. От себя и Барби.

Мне хочется крикнуть ему прямо в лицо: «Возьми меня! Возьми прямо здесь на этом коврике в коридоре! Так, чтобы у меня свело ноги и руки от сладкой судороги», но нет, конечно же, я лишь сдержанно улыбаюсь и произношу чуть охрипшим от внутреннего волнения голосом:

— Да что вы, тут не за что благодарить. Вы мне ничего не должны. В конце концов, люди же должны помогать друг другу, правда? — стараюсь улыбнуться я ему своей самой очаровательной и соблазнительной улыбкой, но совсем не уверена, что это у меня получается.

Всё-таки годы без практики.

И Барби скалит на меня свои мелкие зубки. Рычит. Ревнует маленькая сучка. Ну что же. Я её по-женски отлично

понимаю. Я бы тоже набрасывалась на каждого, кто бы посмел приблизиться к моему хозяину.

— Ах да, простите, — смущённо улыбается мой гость. — Евгений. Можно просто Женя, — и я жму его руку. Крепко обхватив её своей ладонью, и про себя замечаю, как моя рука тонет в его. Как в тёплом полированном кожухе. Какая у него мягкая кожа и длинные утончённые пальцы.

Как у пианиста или контрабасиста.

— Инга, — энергично пожимаю я его руку, боясь оторваться от неё. — Может быть, чаю? — и понимаю, как это, скорее всего, нелепо выглядит со стороны.

Зачем предлагать мужчине, которого ты видишь в первый раз в своей жизни, чай?! Отдала собачку, и дело в сторону! Спасибо и до свидания. Но я просто выдумываю, вымучиваю хоть какой-нибудь повод, чтобы побыть ещё совсем немного рядом с этим красавцем. Женей.

— Спасибо вам огромное ещё раз, Инга, но мы, пожалуй, пойдём, — обращается он к своей Барби. Как-будто спрашивает у неё разрешения. И она покорно лижет его в лицо.

Евгений протягивает мне прямоугольник бумаги. И я не сразу соображаю, что это простая визитка.

— Ну конечно, — фальшиво смеюсь я в ответ, и, дотянувшись до своей сумочки, даю ему свою.

— Так вы редактор? — удивлённо поднимает он свою красиво очерченную бровь. Чёрт, даже это он делает прямо как в самом сочном бульварном романе! Как на картинке. —

IndigoPublishing? Обожаю ваши книги! Постоянно покупаю их!

Я стою, *как громом поражённая*, как написала бы моя ненаглядная Алекс. Я не верю своим ушам. Этот невыносимый красавец любит читать книги?! И при этом он не похож на объевшегося галлюциногенными грибами анархиста? Заботливый, нежный, надёжный, судя по его крепкому рукопожатию.

И сейчас он поворачивается ко мне спиной и начинает спускаться вниз по лестнице. Навсегда уходя прочь из моей жизни. Как зимнее питерское солнце: покажется раз в два месяца на пять минут, чтобы навсегда скрыться за вечными свинцовыми тучами.

Моё сердце глухо ухает куда-от вниз, как от безвозвратной утраты, но тут Евгений поворачивает в мою сторону свою ослепительно-красивое лицо и бросает перед тем, как скрыться за поворотом:

— Инга, если вы не против, давайте я угощу вас как-нибудь кофе? Я вам напишу?

И розовая надежда взрывается в моей душе конфетной пиньятой:

— Конечно не против! Пишите! — с самой приветливой улыбкой бросаю я.

Как будто это в порядке вещей, как будто это случается со мной каждый день: самый красивый и притягательный мужчина с собачкой предлагает угостить меня кофе.

— Успокойся, дыши глубже, — слышу я в трубку голос своей дорогой Пчёлкиной. — Я уже поняла, что этот мужчина со всеми признаками альфа-самца полностью очаровал тебя. Но помни, дорогая: он петушок, а ты курочка. Он должен догонять, а ты — убегать.

— Какой, на фиг, петушок? — не сразу понимаю я, что хочет донести до меня моя подруга.

— Я хочу тебе сказать, что не пиши ему первая. Подожди. Выдержи паузу. Что будет, если курочка начнёт гоняться за петухом и запрыгивать на него? Правильно, она его отпугнёт. Ну так вот, будь курочкой, — сыпет зоологическими премудростями Ира. — Теперь твоя задача — заманить нашего самца в свои крепкие лапки. И сожрать его. Как паучиха. Или самка богомола, — подытоживает она.

— Но я не хочу жрать его, — оправдываюсь я.

— Да-да, именно, но мы не так далеко ушли от насекомых, поверь, — убеждает меня Пчёлкина. — Поэтому сначала надо его привлечь и заманить, а потом уже решим, что с ним делать, — отдаёт она последние распоряжения.

— Но как? — чуть ли не плачу я в трубку. — Как мне пробиться сквозь плотную толпу желающих его женщин?

Которых у него наверняка миллион? Ровно половина женского населения Питера.

— Я что-нибудь придумаю, — обнадёживает меня Ира, перед тем как отключиться, и я понимаю, что не смогу заснуть.

Потому что как только я закрываю глаза, я вижу перед собой это невозможное божество с розовой собачкой, и чувствую себя героиней самого пошлого, самого приторного и самого похабного романа Алекс Стар

Так, надо как-то отвлечься, я листаю на своём планшете книги и открываю так нашумевший совсем недавно роман Саши Шу, тот самый, который порвал все чарты на *Amazon*:

– Вот, пожалуйста, – вернулся Джон с высоким стаканом в руке: даже вода в нем была голубовато-искристая, словно он только что набрал ее в альпийском горном ручье из рекламной картинки.

Я взяла тонкий, как колба, стакан и начала пить из него ледяную воду, и капли тоненькой струйкой потекли по подбородку и шее, ниже к ложбинке между грудей, оставляя мокрую прозрачную дорожку на ткани футболки.

Джон сел в кресло в углу проверять распечатанный макет, а я, чтобы сгладить молчание комнаты, подошла к балкону и выглянула в окно, где на детской площадке одиноко скрипели качели, на которых сидела девочка в платье и белых носочках. «Прямо как у меня», – подумала я перед тем, как комната немного покачнулась, стены сдвинулись в сторону, а заунывный скрип ржавых качелей стал последним звуком в мертвой тишине квартиры, который я услышала

Мне показалось, что я очнулась в другой жизни. Сначала я решила, что уже утро, и я в своей комнате дома, но при-

смотревшись, поняла, что это чужие белоснежные стены с бесконечным потолком, а я лежу на какой-то огромной кровати с туго натянутыми, словно в операционной, простынями. В голове, словно забитой ватными шариками, медленными ударами стучал пульс.

Во рту было сухо и жестко, словно я прополоскала его песком. По всему телу разлилась такая слабость, что я едва могла пошевелить пальцами рук. Где-то в глубине квартиры играла тихая музыка, и, прислушавшись, я узнала Вагнера: я как любая отличница из интеллигентной семьи регулярно ходила в филармонию.

– Все будет хорошо, малышка, – вдруг я услышала рядом тихий голос, и начала припоминать, где я нахожусь

И я чувствую, как мои глаза начинают потихоньку слипаться от тягуче-приторного текста романа, где бедная Красная Шапочка попадает в лапы к злому Серому Волку

Достаю телефон, захожу в почту и жму кнопку «Отправить». И гори весь тираж синим пламенем. Оставляем гениальные перлы Алекс нетронутыми, и пусть читатели наслаждаются, а я откидываюсь на кожаное сидение и смотрю из окна на вечно текущую реку Невского проспекта: цветную и яркую в любое время года и в любой час суток. Прямо как у Гоголя.

Мой любимый вечно хмурый и угрюмый город плачет осенним дождём, переходящим в противный первый снег, который в этом году выпал невыносимо рано. Скоро Новый

год, а до него мне надо организовать кучу встреч и презентаций.

Чудесно. Просто чудесно.

С другой стороны, чем мне ещё заниматься? Дома меня никто не ждёт, и я могу всё своё время посвящать работе.

Поднимаюсь на четвёртый этаж, достаю ключи и подпрыгиваю от страха, когда из угла на меня начинает кто-то рычать! Отбегаю в дальний угол лестничной клетки, и, вглядевшись, понимаю, что у меня на коврике сидит крошечная кукольная собачка. По крайней мере, выглядит она как игрушка в каком-то неимоверном розовом платьице с кружевами. И стразами!

И хотя она пытается грозно скалить свои зубки, я вижу, как дрожит от страха и холода её маленькое тщедушное тельце. И хотя я просто терпеть не могу собак, мне становится жалко эту крошку, которая продолжает звонко тявкать на меня своим механическим заводным голоском.

Что же мне делать? Оставить её прямо здесь, на лестничной клетке? Пусть посидит на моём коврике, пока я не придумаю, что делать дальше? Именно так я и решаю поступить, переступаю через эту Каштанку и вставляя ключ в замочную скважину.

Как вдруг собачонка начинает плакать. В буквальном смысле этого слова. Садится на свою крошечную пятую точку и, задрав носик-пуговку к потолку, заливается настоящими человеческими рыданиями. Как потерянный малыш.

Мать его! Я не могу этого вынести.

И хотя я ненавижу собак, моё сердце не выдерживает этой безудержной тоски, этой мольбы о помощи потерянного ребёнка и я, присев на корточки, бормочу:

— Ну хорошо, тише, не плачь. Мы отыщем твою хозяйку. Как же ты вообще умудрилась сбежать от неё? — я осторожно, всё ещё опасаясь, что зверёк тяпнет меня за руку, нащупываю на шее песика ошейник, больше напоминающий ожерелье с брелоком-именем. Барби. Ну конечно же! Чего я ещё ожидала?! — Заходи, — открываю я дверь, и Барби величественно переступает порог, как будто это она соизволила почтить меня своим визитом.

Гордо идёт по коридору, заходит в гостиную и, запрыгнув на диван, ложится прямо поверх моей любимой бархатной подушечки.

— Ира, привет, — звоню я своей лучшей и, пожалуй, единственной подруге Ире Пчёлкиной. Которая по странному совпадению работает собачьим психологом.

И рассказываю ей о своей находке.

— Ну так посмотри внимательнее на ошейнике, — смеётся она в трубку. — Не сомневаюсь, что там должен быть телефон хозяина. Точнее, хозяйки, — авторитетно поправляет она сама себя. И посмотрев на фото моей собачки, которая я ей тут же пересылаю, ещё раз поддакивает в трубку: — Йоркширский терьер, очень популярная сейчас порода среди женщин.

Моя гениальная подруга как всегда оказывается права: тут же, на другом усыпанном стразами и бриллиантами брелоке указан номер телефона. И я набираю сообщение в мессенджере: *«Добрый день, нашла вашу собаку»*.

И я даже не успеваю отправить следующее, как мне тут же пишут в ответ: *«Она у вас?! Никуда не уходите! Я бегу! Скажите только адрес!»*

И я со спокойным сердцем пишу в ответ: *«Канал Грибоедова 21, 42»*. Потому что уверена, что сейчас за своей собачкой примчится какая-нибудь блондинка в законе Эль Вудз в розовых пушистых уггах и бархатном золотом костюмчике от *Prada*. Ну а какая хозяйка может ещё быть у этого крошечного плюшевого монстра, который сейчас спокойно посапывает у меня на подушке? Бесцеремонно. Как будто сделал мне великое одолжение.

Ладно, пойду пока сниму свои безнадёжно усевшие юбку без пуговиц и пиджак. И теперь надо подумать, в чём же мне придётся ходить по всем этим бесконечными презентациям с Алекс Стар и её коллегой по перу Сашей Шу.

Я едва успеваю натянуть на себя свой уютный домашний наряд, как в дверь раздаётся звонок, и я иду открывать. Похоже, хозяйка прилетела сюда на вертолёте. Заметно, что она очень любит свою Барби. Поразительная скорость.

Натягиваю на лицо приветливую улыбку и распахиваю дверь. И у меня просто захватывает дух. К такому я определённо не была готова. К такому вообще никто не может быть

готов. На пороге стоит вылитый Райан Гослинг. В молодости. Или Роберт Патиссон? Правда, в нём есть ещё что-то и от Джорджа Клуни. Просто идеальный мужчина, в котором каждая увидела бы отголоски всех своих влажных горячечных фантазий. Одновременно.

Мне приходится задирать голову, потому что мой взгляд упирается ему примерно в солнечное сплетение, хотя я совсем не коротышка. На такую грудь хочется упасть. Прижаться к ней. Укрыться, как за каменным щитом. Чёрт, да мне просто хочется её потрогать! Положить ладонь на этот скульптурный торс и почувствовать, как бьётся его сердце. Под этой тонкой чёрной футболкой в обтяжку, под расстёгнутой кожаной курткой.

Я могу поклясться, что у него настоящие васильковые глаза! Я думала, такое бывает только в дешёвых бульварных книжонках и в Голливуде! Или в рекламе линз. Но нет, этот красавец сейчас смотрит на меня этими бесподобными синими глазами и улыбается. Самой обаятельной и соблазнительной улыбкой.

Я бы даже сказала, порочной Потому что в его губы хочется впиться. Прямо здесь, не сходя с порога. Надкусить их, как спелый плод. Почувствовать вкус его крови у себя во рту. Обвить руками эту сильную шею, прижаться всем телом, грудью, животом, бёдрами к нему

И тут я с ужасом понимаю, что где-то как раз внизу живота у меня горячо и сладко Что Ноет?! Прямо как в романе

Алекс Стар?! Какая пошлость! Но как же тогда ещё это описать? Трепет мотыльков в стеклянной банке?!

Так, надо взять себя в руки и как минимум спросить, что ему здесь нужно.

— Добрый вечер, — произносит пленительный незнакомец тем низким глубоким голосом, от которого мои бабочки начинают просто биться в истерике, запертые в моём пустом животе. — Я пришёл за Барби. Где она? — с заботой и лёгкой тревогой вглядывается он мне за спину, словно я держу его собачку в заложниках.

И та, видимо почуяв, почувствовав запах своего хозяина, своего самца, несётся к нему со звонким лаем по коридору, и он, с лёгкостью присев на корточки, ловит её на руки.

Берёт в свои сильные нежные ладони, прижимает к себе, и маленькая сучка облизывает его глаза, лицо губы Я смотрю на эту сцену и вдруг ловлю себя на мысли, что сама сейчас хотела бы сделать то же самое!

Да что это такое со мной происходит, в конце концов! Надо взять себя в руки. Такого просто не бывает. Мы не в дешёвом романчике серии «Шарм». Ну или на худой конец — серии *Во власти страсти* моего издательства. Мы в Питере — самом пасмурном городе моей родины, где всегда чувствуется острый недостаток нормальных мужчин и тестостерона.

Да, в моём любимом городе полно фриков, худосочных нервных интеллигентов, полусумасшедших художников и музыкантов, да кого угодно, кроме нормальных настоящих

мужиков! Мужчин, которые взяли бы тебя за руку и твёрдо и уверенно повели бы за собой в счастливое, полное любви и гармонии будущее.

Нет, как раз ровно наоборот: очередной ухажёр проведёт тебя по всем злачным подворотням и закрытым клубам, накормит привокзальной шавермой и расскажет о Кастанеде на засаленном диванчике в своей комнатке в коммуналке, прежде чем провалится в пьяное забытье. Или ещё хуже: поужинает тебя в роскошном ресторане, прокатит на своём «Ягуаре» пятидесятого года выпуска и приведёт в свой больше напоминающий замок пентхаус на Крестовском, как раз для того, чтобы приковать тебя наручниками к чугунной антикварной кровати, привезённой прямиком из Франции.

Нет уж, увольте. Я давно накушалась нашими кавалерами, и именно поэтому я до сих пор не замужем и вообще одна. Точнее, свободна. От всяких придурков разного калибра и статуса.

Но сейчас во мне молчит голос разума. Он онемел. Внутри меня *«хлопает в ладоши моя внутренняя Богиня»*, как пишет в своих «Пятидесяти оттенках» в каждом втором предложении Э. Л. Джеймс.

Я смотрю на этого неимоверного красавчика, словно материализовавшегося из влажных фантазий миллиона женщин, и на то, как он нежно прижимает к своему сердцу свою собачонку. Свою Барби.

Хотя, наверняка это питомица его девушки. Потому что

такой брутальный на вид мужчина не может так трогательно тетешкаться с игрушечной собачкой. Я бы могла представить его с бультерьером, с мастифом, наконец. Но нет, мой незнакомец поднимается легко на ноги и продолжает:

— Вы не представляете, что вы для меня сделали! Моя домработница сегодня забыла закрыть дверь, и эта хулиганка убежала! Я даже успел расклеить объявления по всему району: я так переживал, вы ведь понимаете, что с такой малышкой может случиться всё, что угодно!

Малышкой Отмечаю про себя, с какой интонацией он произносит это слово, и чувствую, как у меня буквально подкашиваются ноги. Перехватывает дух. Да я просто не могу стоять рядом с ним, едва сдерживая себя, чтобы не наброситься на него прямо здесь, в подъезде!

Поцеловать в его сладкие губы, обхватить своими ногами его крепкие бёдра и почувствовать, как он легко подхватывает меня, как пушинку, чтобы прижать к стене и

Так. Стоп.

— Проходите, пожалуйста, — наконец-то выдавливаю я из себя, делая шаг назад. В свою квартиру. Впуская его внутрь.

Хотя и младенец знает, что никогда нельзя доверять незнакомцам. А уж тем более приглашать их в свой дом.

Да плевать, чёрт побери! Даже если он окажется сексуальным маньяком, я всё равно не буду жалеть. Не могу дышать рядом с ним. Не могу стоять. Такое, пожалуй, со мной в пер-

вый раз

— Так как же нам вас отблагодарить? — пристально смотрит мне в глаза мой внезапный принц.

И я отмечаю, что он ведёт речь от них двоих. От себя и Барби.

Мне хочется крикнуть ему прямо в лицо: «Возьми меня! Возьми прямо здесь на этом коврике в коридоре! Так, чтобы у меня свело ноги и руки от сладкой судороги», но нет, конечно же, я лишь сдержанно улыбаюсь и произношу чуть охрипшим от внутреннего волнения голосом:

— Да что вы, тут не за что благодарить. Вы мне ничего не должны. В конце концов, люди же должны помогать друг другу, правда? — стараюсь улыбнуться я ему своей самой очаровательной и соблазнительной улыбкой, но совсем не уверена, что это у меня получается.

Всё-таки годы без практики.

И Барби скалит на меня свои мелкие зубки. Рычит. Ревнует маленькая сучка. Ну что же. Я её по-женски отлично понимаю. Я бы тоже набрасывалась на каждого, кто бы посмел приблизиться к моему хозяину.

— Ах да, простите, — смущённо улыбается мой гость. — Евгений. Можно просто Женя, — и я жму его руку. Крепко обхватив её своей ладонью, и про себя замечаю, как моя рука тонет в его. Как в тёплом полированном кожухе. Какая у него мягкая кожа и длинные утончённые пальцы.

Как у пианиста или контрабасиста.

— Инга, — энергично пожимаю я его руку, боясь оторваться от неё. — Может быть, чаю? — и понимаю, как это, скорее всего, нелепо выглядит со стороны.

Зачем предлагать мужчине, которого ты видишь в первый раз в своей жизни, чай?! Отдала собачку, и дело в сторону! Спасибо и до свидания. Но я просто выдумываю, вымучиваю хоть какой-нибудь повод, чтобы побыть ещё совсем немного рядом с этим красавцем. Женей.

— Спасибо вам огромное ещё раз, Инга, но мы, пожалуй, пойдём, — обращается он к своей Барби. Как-будто спрашивает у неё разрешения. И она покорно лижет его в лицо.

Евгений протягивает мне прямоугольник бумаги. И я не сразу соображаю, что это простая визитка.

— Ну конечно, — фальшиво смеюсь я в ответ, и, дотянувшись до своей сумочки, даю ему свою.

— Так вы редактор? — удивлённо поднимает он свою красиво очерченную бровь. Чёрт, даже это он делает прямо как в самом сочном бульварном романе! Как на картинке. — *IndigoPublishing*? Обожаю ваши книги! Постоянно покупаю их!

Я стою, *как громом поражённая*, как написала бы моя ненаглядная Алекс. Я не верю своим ушам. Этот невыносимый красавец любит читать книги?! И при этом он не похож на объевшегося галлюциногенными грибами анархиста? Заботливый, нежный, надёжный, судя по его крепкому рукопожатию.

И сейчас он поворачивается ко мне спиной и начинает спускаться вниз по лестнице. Навсегда уходя прочь из моей жизни. Как зимнее питерское солнце: покажется раз в два месяца на пять минут, чтобы навсегда скрыться за вечными свинцовыми тучами.

Моё сердце глухо ухает куда-от вниз, как от безвозвратной утраты, но тут Евгений поворачивает в мою сторону свою ослепительно-красивое лицо и бросает перед тем, как скрыться за поворотом:

— Инга, если вы не против, давайте я угощу вас как-нибудь кофе? Я вам напишу?

И розовая надежда взрывается в моей душе конфетной пиньятой:

— Конечно не против! Пишите! — с самой приветливой улыбкой бросаю я.

Как будто это в порядке вещей, как будто это случается со мной каждый день: самый красивый и притягательный мужчина с собачкой предлагает угостить меня кофе.

— Успокойся, дыши глубже, — слышу я в трубку голос своей дорогой Пчёлкиной. — Я уже поняла, что этот мужчина со всеми признаками альфа-самца полностью очаровал тебя. Но помни, дорогая: он петушок, а ты курочка. Он должен догонять, а ты — убегать.

— Какой, на фиг, петушок? — не сразу понимаю я, что хочет донести до меня моя подруга.

— Я хочу тебе сказать, что не пиши ему первая. Подо-

жди. Выдержи паузу. Что будет, если курочка начнёт гоняться за петухом и запрыгивать на него? Правильно, она его отпугнёт. Ну так вот, будь курочкой, — сыпет зоологическими премудростями Ира. — Теперь твоя задача — заманить нашего самца в свои крепкие лапки. И сожрать его. Как паучиха. Или самка богомола, — подытоживает она.

— Но я не хочу жрать его, — оправдываюсь я.

— Да-да, именно, но мы не так далеко ушли от насекомых, поверь, — убеждает меня Пчёлкина. — Поэтому сначала надо его привлечь и заманить, а потом уже решим, что с ним делать, — отдаёт она последние распоряжения.

— Но как? — чуть ли не плачу я в трубку. — Как мне пробиться сквозь плотную толпу желающих его женщин?

Которых у него наверняка миллион? Ровно половина женского населения Питера.

— Я что-нибудь придумаю, — обнадёживает меня Ира, перед тем как отключиться, и я понимаю, что не смогу заснуть.

Потому что как только я закрываю глаза, я вижу перед собой это невозможное божество с розовой собачкой, и чувствую себя героиней самого пошлого, самого приторного и самого похабного романа Алекс Стар

Так, надо как-то отвлечься, я листаю на своём планшете книги и открываю так нашумевший совсем недавно роман Саши Шу, тот самый, который порвал все чарты на *Amazon*:

– Вот, пожалуйста, – вернулся Джон с высоким стака-

ном в руке: даже вода в нем была голубовато-искристая, словно он только что набрал ее в альпийском горном ручье из рекламной картинки.

Я взяла тонкий, как колба, стакан и начала пить из него ледяную воду, и капли тоненькой струйкой потекли по подбородку и шее, ниже к ложбинке между грудей, оставляя мокрую прозрачную дорожку на ткани футболки.

Джон сел в кресло в углу проверять распечатанный макет, а я, чтобы сгладить молчание комнаты, подошла к балкону и выглянула в окно, где на детской площадке одиноко скрипели качели, на которых сидела девочка в платье и белых носочках. «Прямо как у меня», – подумала я перед тем, как комната немного покачнулась, стены сдвинулись в сторону, а заунывный скрип ржавых качелей стал последним звуком в мертвой тишине квартиры, который я услышала

Мне показалось, что я очнулась в другой жизни. Сначала я решила, что уже утро, и я в своей комнате дома, но присмотревшись, поняла, что это чужие белоснежные стены с бесконечным потолком, а я лежу на какой-то огромной кровати с туго натянутыми, словно в операционной, простынями. В голове, словно забитой ватными шариками, медленными ударами стучал пульс.

Во рту было сухо и жестко, словно я прополоскала его песком. По всему телу разлилась такая слабость, что я едва могла пошевелить пальцами рук. Где-то в глубине квар-

тиры играла тихая музыка, и, прислушавшись, я узнала Вагнера: я как любая отличница из интеллигентной семьи регулярно ходила в филармонию.

– Все будет хорошо, малышка, – вдруг я услышала рядом тихий голос, и начала припоминать, где я нахожусь

И я чувствую, как мои глаза начинают потихоньку слипаться от тягуче-приторного текста романа, где бедная Красная Шапочка попадает в лапы к злому Серому Волку

Достаю телефон, захожу в почту и жму кнопку «Отправить». И гори весь тираж синим пламенем. Оставляем гениальные перлы Алекс нетронутыми, и пусть читатели наслаждаются, а я откидываюсь на кожаное сидение и смотрю из окна на вечно текущую реку Невского проспекта: цветную и яркою в любое время года и в любой час суток. Прямо как у Гоголя.

Мой любимый вечно хмурый и угрюмый город плачет осенним дождём, переходящим в противный первый снег, который в этом году выпал невыносимо рано. Скоро Новый год, а до него мне надо организовать кучу встреч и презентаций.

Чудесно. Просто чудесно.

С другой стороны, чем мне ещё заниматься? Дома меня никто не ждёт, и я могу всё своё время посвящать работе.

Поднимаюсь на свой четвёртый этаж, достаю ключи, и

подпрыгиваю от страха, когда из угла на меня начинает кто-то рычать! Отбегаю в дальний угол лестничной клетки, и, вглядевшись, понимаю, что у меня на коврике сидит крошечная кукольная собачка. По крайней мере, выглядит она как игрушка в каком-то неимоверном розовом платьице с кружевами. И стразами!

И хотя она пытается грозно скалить свои зубки, я вижу, как дрожит от страха и холода её маленькое тщедушное тельце. И хотя я просто терпеть не могу собак, мне становится жалко эту крошку, которая продолжает звонко тявкать на меня своим механическим заводным голоском.

Что же мне делать? Оставить её прямо здесь, на лестничной клетке? Пусть посидит на моём коврике, пока я не придумаю, что делать дальше? Именно так я и решаю поступить, переступаю через эту Каштанку и вставляя ключ в замочную скважину.

Как вдруг собачонка начинает плакать. В буквальном смысле этого слова. Садится на свою крошечную пятую точку и, задрав носик-пуговку к потолку, заливается настоящими человеческими рыданиями. Как потерянный малыш. Мать его! Я не могу этого вынести.

И хотя я ненавижу собак, моё сердце не выдерживает этой безудержной тоски, этой мольбы о помощи потерянного ребёнка и я, присев на корточки, бормочу:

— Ну хорошо, тише, не плачь. Мы отыщем твою хозяйку. Как же ты вообще умудрилась сбежать от неё? — я осторож-

но, всё ещё опасаясь, что зверёк тяпнет меня за руку, нащупываю на шее песика ошейник, больше напоминающий ожерелье с брелоком-именем. Барби. Ну конечно же! Чего я ещё ожидала?! — Заходи, — открываю я дверь, и Барби величественно переступает порог, как будто это она соизволила почтить меня своим визитом.

Гордо идёт по коридору, заходит в гостиную и, запрыгнув на диван, ложится прямо поверх моей любимой бархатной подушечки.

— Ира, привет, — звоню я своей лучшей и, пожалуй, единственной подруге Ире Пчёлкиной. Которая по странному совпадению работает собачьим психологом.

И рассказываю ей о своей находке.

— Ну так посмотри внимательнее на ошейнике, — смеётся она в трубку. — Не сомневаюсь, что там должен быть телефон хозяина. Точнее, хозяйки, — авторитетно поправляет она сама себя. И посмотрев на фото моей собачки, которая я ей тут же пересылаю, ещё раз поддакивает в трубку: — Йоркширский терьер, очень популярная сейчас порода среди женщин.

Моя гениальная подруга как всегда оказывается права: тут же, на другом усыпанном стразами и бриллиантами брелоке указан номер телефона. И я набираю сообщение в мессенджере: «Добрый день, нашла вашу собаку».

И я даже не успеваю отправить следующее, как мне тут же пишут в ответ: «Она у вас?! Никуда не уходите! Я бегу!

Скажите только адрес!»

И я со спокойным сердцем пишу в ответ: «Канал Грибоедова 21, 42». Потому что уверена, что сейчас за своей собачкой примчится какая-нибудь блондинка в законе Эль Вудз в розовых пушистых уггах и бархатном золотом костюмчике от Prada. Ну а какая хозяйка может ещё быть у этого крошечного плюшевого монстра, который сейчас спокойно посапывает у меня на подушке? Бесцеремонно. Как будто сделал мне одолжение одним только своим визитом.

Ладно, пойду пока сниму свои безнадёжно усевшие юбку без пуговиц и пиджак. И теперь надо подумать, в чём же мне придётся ходить по всем этим бесконечными презентациям с Алекс Стар и её коллегой по перу Сашей Шу.

Я едва успеваю натянуть на себя свой уютный домашний наряд, как в дверь раздаётся звонок, и я иду открывать. Похоже, хозяйка прилетела сюда на вертолёте. Заметно, что она очень любит свою Барби. Поразительная скорость.

Натягиваю на лицо приветливую улыбку и распахиваю дверь. И у меня просто захватывает дух. К такому я определённо не была готова. К такому вообще никто не может быть готов. На пороге стоит вылитый Райан Гослинг. В молодости. Или Роберт Патиссон? Правда, в нём есть ещё что-то и от Джорджа Клуни. Просто идеальный мужчина, в котором каждая увидела бы отголоски всех своих влажных горячечных фантазий. Одновременно.

Мне приходится задирать голову, потому что моё взгляд

упирается ему примерно в солнечное сплетение, хотя я совсем не коротышка. На такую грудь хочется упасть. Прижаться к ней. Укрыться, как за каменным щитом. Чёрт, да мне просто хочется её потрогать! Положить ладонь на этот скульптурный торс и почувствовать, как бьётся его сердце. Под этой тонкой чёрной футболкой в обтяжку, под расстёгнутой кожаной курткой.

Я могу поклясться, что у него настоящие васильковые глаза! Я думала, такое бывает только в дешёвых бульварных книжонках и в Голливуде! Или в рекламе линз. Но нет, этот красавец сейчас смотрит на меня этими самыми бесподобными синими глазами и улыбается. Самой обаятельной и соблазнительной улыбкой.

Я бы даже сказала, порочной… Потому что в его губы хочется впиться. Прямо здесь, не сходя с порога. Надкусить их, как спелый плод. Почувствовать вкус его крови у себя во рту. Обвить руками эту сильную шею, прижаться всем телом, грудью, животом, бёдрами к нему…

И тут я с ужасом понимаю, что где-то как раз внизу живота у меня горячо и сладко… Что… Ноет?! Прямо как в романе Алекс Стар?! Какая пошлость! Но как же тогда ещё это описать? Трепет мотыльков в стеклянной банке?!

Так, надо взять себя в руки и как минимум спросить, что ему здесь нужно.

— Добрый вечер, — произносит пленительный незнакомец тем низким глубоким голосом, от которого мои бабочки

начинают просто биться в истерике, запертые в моём пустом животе. — Я пришёл за Барби. Где она? — с заботой и лёгкой тревогой вглядывается он мне за спину, словно я держу его собачку в заложниках.

И та, видимо почуяв, почувствовав запах своего хозяина, своего самца, несётся к нему со звонким лаем по коридору, и он, с лёгкостью присев на корточки, ловит её на руки.

Берёт в свои сильные нежные руки, прижимает к себе, и маленькая сучка облизывает его глаза, лицо губы… Я смотрю на эту сцену и вдруг ловлю себя на мысли, что сама сейчас хотела бы сделать то же самое!

Да что это такое со мной происходит, в конце концов! Надо взять себя в руки. Такого просто не бывает. Мы не в дешёвом романчике серии «Шарм». Ну или на худой конец — серии Во власти страсти моего издательства. Мы в Питере — самом унылом городе моей родины, где всегда чувствуется острый недостаток нормальных мужчин и тестостерона.

Да, в моём любимом городе полно фриков, худосочных нервных интеллигентов, полусумасшедших художников и музыкантов, да кого угодно, кроме нормальных настоящих мужиков! Мужчин, которые взяли бы тебя за руку и твёрдо и уверенно повели бы за собой в счастливое, полное любви и гармонии, будущее.

Нет, как раз ровно наоборот: очередной ухажёр проведёт тебя по всем злачным подворотням и закрытым клубам, накормит привокзальной шавермой и расскажет о Кастане-

де на засаленном диванчике в своей комнатке в коммуналке, прежде чем провалится в пьяное забытье. Или наоборот: поужинает тебя в роскошном ресторане, прокатит на своём «Ягуаре» пятидесятого года выпуска и приведёт в свой больше напоминающий замок пентхаус на Крестовском, как раз для того, чтобы приковать тебя наручниками к чугунной антикварной кровати, привезённой прямиком из Франции.

Нет уж, увольте. Я давно накушалась нашими кавалерами, и именно поэтому я до сих пор не замужем и вообще одна. Точнее, свободна. От всяких придурков разного калибра и статуса.

Но сейчас во мне молчит голос разума. Он онемел. Внутри меня «хлопает в ладоши моя внутренняя Богиня», как пишет в своих «Пятидесяти оттенках» в каждом втором предложении Э. Л. Джеймс.

Я смотрю на этого неимоверного красавчика, словно материализовавшегося из влажных фантазий миллиона женщин, и на то, как он нежно прижимает к своему сердцу свою собачонку. Свою Барби.

Хотя, наверняка это питомица его девушки. Потому что такой брутальный на вид мужчина не может так трогательно тетешкаться с игрушечной собачкой. Я бы могла представить его с бультерьером, с мастифом, наконец. Но нет, мой незнакомец поднимается легко на ноги и продолжает:

— Вы не представляете, что вы для меня сделали! Моя домработница сегодня забыла закрыть дверь, и эта хулиган-

ка убежала! Я даже успел расклеить объявления по всему району: я так переживал, вы ведь понимаете, что с такой малышкой может случиться всё, что угодно!

Малышкой… Отмечаю про себя, с какой интонацией он произносит это слово, и чувствую, как у меня буквально подкашиваются ноги. Перехватывает дух. Да я просто не могу стоять рядом с ним, едва сдерживая себя, чтобы не наброситься на него прямо здесь, в подъезде!

Впиться в его сладкие губы, обхватить своими ногами его крепкие бёдра и почувствовать, как он легко подхватывает меня, как пушинку, чтобы прижать к стене и…

Так. Стоп.

— Проходите, пожалуйста, — наконец-то выдавливаю я из себя, делая шаг назад. В свою квартиру. Впуская его внутрь.

Хотя и младенец знает, что никогда нельзя доверять незнакомцам. А уж тем более впускать их в свой дом.

Да плевать, чёрт побери! Даже если он окажется сексуальным маньяком, я всё равно не буду жалеть. Не могу дышать рядом с ним. Не могу стоять. Такое, пожалуй, со мной в первый раз…

— Так как же нам вас отблагодарить? — пристально смотрит мне в глаза мой внезапный принц. И я отмечаю, что он ведёт речь от них двоих. От себя и Барби.

Мне хочется крикнуть ему прямо в лицо: «Возьми меня! Возьми прямо здесь на этом коврике в коридоре! Так, чтобы

у меня свело ноги и руки от сладкой судороги…», но нет, конечно же, я лишь сдержанно улыбаюсь и произношу чуть охрипшим от внутреннего волнения голосом:

— Да что вы, тут не за что благодарить. Вы мне ничего не должны. В конце концов, люди же должны помогать друг другу, правда? — стараюсь улыбнуться я ему своей самой очаровательной и соблазнительной улыбкой, но совсем не уверена, получается это у меня или нет.

Всё-таки годы без практики.

И Барби скалит на меня свои мелкие зубки. Рычит. Ревнует маленькая сучка. Ну что же. Я её по-женски отлично понимаю. Я бы тоже набрасывалась на каждого, кто бы посмел приблизиться к моему хозяину.

— Ах да, простите, — смущённо улыбается мой гость. — Евгений. Можно просто Женя, — и я жму его руку. Крепко обхватив её своей ладонью, и про себя замечаю, как моя рука тонет в его. Как в тёплом полированном кожухе. Какая у него мягкая кожа и длинные утончённые пальцы.

Как у пианиста или контрабасиста.

— Инга, — энергично пожимаю я его руку, боясь оторваться от неё. — Может быть, чаю? — и понимаю, как это, скорее всего, нелепо выглядит со стороны.

Зачем предлагать мужчине, которого ты видишь в первый раз в своей жизни, чай?! Отдала собачку и дело в сторону! Спасибо и до свидания. Но я просто выдумываю, вымучиваю хоть какой-нибудь повод, чтобы побыть ещё совсем немного

рядом с этим красавцем. Женей.

— Спасибо вам огромное ещё раз, Инга, но мы, пожалуй, пойдём, — обращается он к своей Барби. Как-будто спрашивает у неё разрешения. И она покорно лижет его в лицо.

И он протягивает мне квадратик бумаги. И я не сразу соображаю, что это простая визитка!

— Ну конечно, — фальшиво смеюсь я в ответ, и, дотянувшись до своей сумочки, протягиваю ему свою.

— Так вы редактор? — удивлённо поднимает он свою красиво очерченную бровь. Чёрт, даже это он делает прямо как в самом сочном бульварном романе! Как на картинке. — Indigo Publishing? Обожаю ваши книги! Постоянно покупаю их!

Я стою, как громом поражённая, как написала бы моя ненаглядная Алекс. Я не верю своим ушам. Этот невыносимый красавец любит читать книги?! И при этом он не похож на объевшегося галлюциногенными грибами анархиста? Заботливый, нежный, надёжный, судя по его крепкому рукопожатию.

И сейчас он поворачивается ко мне спиной и начинает спускаться вниз по лестнице. Навсегда уходя прочь из моей жизни. Как зимнее питерское солнце: покажется раз в два месяца на пять минут, чтобы навсегда скрыться за вечными свинцовыми тучами.

Моё сердце глухо ухает куда-от вниз, как от безвозвратной утраты, но тут Евгений поворачивает в мою сторону

свою ослепительно-красивое лицо и бросает перед тем, как скрыться за поворотом:

— Инга, если вы не против, давайте я угощу вас как-нибудь кофе? Я вам напишу?

И розовая надежда взрывается в моей душе конфетной пиньятой:

— Конечно не против! Пишите! — с самой приветливой улыбкой бросаю я.

Как будто это в порядке вещей, как будто это случается со мной каждый день: самый красивый и притягательный мужчина с собачкой предлагает угостить меня кофе.

— Успокойся, дыши глубже, — слышу я в трубку голос своей дорогой Пчёлкиной. — Я уже поняла, что этот мужчина со всеми признаками альфа-самца полностью очаровал тебя. Но помни, дорогая: он петушок, а ты курочка. Он должен догонять, а ты — убегать.

— Какой, на фиг, петушок? — не сразу понимаю я, что хочет донести до меня моя подруга.

— Я хочу тебе сказать, что не пиши ему первая. Подожди. Выдержи паузу. Что будет, если курочка начнёт гоняться за петухом и запрыгивать на него? Правильно, она его отпугнёт. Ну так вот, будь курочкой, — сыпет зоологическими премудростями Ира. — Теперь твоя задача — заманить нашего самца в свои крепкие лапки. И сожрать его. Как паучиха. Или самка богомола, — подытоживает она.

— Но я не хочу жрать его, — оправдываюсь я.

— Да-да, именно, но мы не так далеко ушли от насекомых, поверь, — убеждает меня Пчёлкина. — Поэтому сначала надо его привлечь и заманить, а потом уже решим, что с ним делать, — отдаёт она последние распоряжения.

— Но как? — чуть ли не плачу я в трубку. — Как мне пробиться сквозь плотную толпу желающих его женщин?

Которых у него наверняка, миллион? Ровно половина женского населения Питера.

— Я что-нибудь придумаю, — обнадёживает меня Ира, перед тем как отключиться, и я понимаю, что не смогу заснуть.

Потому что как только я закрываю глаза, я вижу перед собой это невозможное божество с розовой собачкой, и чувствую себя героиней самого пошлого, самого приторного и самого похабного романа Алекс Стар…

4

Я просыпаюсь от странного звука, прорезающего тёмный сгусток ночи, как нож разрезает шоколадный фондан.

Кто вообще звонит в такое время?! Я пытаюсь выкарабкаться из оплетающих меня тенёт сна, где смешались в одну сладкую массу обнажённые мускулистые торсы, нежные пальцы контрабасиста, мои ноги, обвивающие мужские напряжённые бёдра и брехливые мелкие собачки в розовом, пытающиеся тяпнуть меня за голую пятку.

Мой телефон продолжает буквально взрываться от залихватской мелодии, которую я как раз установила на ноябрь: что-то балканское, что выскочило первым в поисковике, и я брожу по тёмной комнате в поисках своего телефона, пока не нахожу его рядом со своей подушкой. Я же как раз вчера разговаривала перед сном с Ирой, и так и оставила его здесь.

— Слушаю, — хриплым неприветливым голосом бурчу я в трубку.

— Добрый день! Это Инга? — слышу я радостный мужской голос на другом конце провода.

Он что, идиот? Звонить в такое время! По крайней мере, он точно не из Питера, где звонить людям до двух часов пополудни вообще считается моветоном

— Да, это я, — недовольно бормочу в ответ. — С кем имею честь говорить?

— Др*а*ган. Др*а*ган В*е*скович! — продолжает радостный идиот. — У нас с вами назначена встреча в час дня. Я уже здесь.

— Что?! Какая встреча? — не понимаю я. — В час дня? А сейчас который час?

— Уже час десять! — весело отвечает мужчина.

Я не соображаю, что происходит, и судорожно хватаю свой планшет, валяющийся тут же, на кровати: а как же, я вчера так увлеклась прекрасным незнакомцем, с которым меня свела судьба в виде розовой собачки, что даже не удосужилась проверить почту.

И вот оно, письмо от Бельского: *«Инга, завтра у тебя встреча с агентом Саши Шу – Драганом Весковичем в тринадцать ноль-ноль у Елисеевых»*.

Я мгновенно собираюсь, как натянутая струна ситары, и отвечаю:

— Простите, Дракон, я немного задержалась на встрече в типографии, у меня сдача книги в печать, но я уже в дороге к вам. В такси, — с тревогой выглядываю я на свой плещущийся внизу канал Грибоедова. — Такие ужасные пробки, — напропалую вру я, на бегу стягивая с себя свою пижаму и зарываясь в шкаф в поисках хоть чего-то похожего на приличную одежду.

И, конечно же, не нахожу.

— Но я дико извиняюсь, и чтобы вам было не скучно меня ждать, предлагаю вам пока что-нибудь заказать себе на обед.

У «Елисеевых» подают прекрасные блюда из осетрины, — злорадно предлагаю я.

Пусть мой дорогой начальник сам оплатит чёрную икру из представительских, раз уж назначил мне встречу в такую рань. Хотя я прекрасно понимаю, что Егор ни в чём не виноват: я никогда не пропускала раньше свои рабочие дела, а уж тем более не могла уснуть, не проверив предварительно рабочую почту перед сном.

Во всём виноват прекрасный Женя, всю ночь сжимавший меня в своих сладких мужественных объятиях, и мне становится противно от одних только воспоминаний.

Противно и невыносимо сладко одновременно Так вот, значит, как это работает!

— Навигатор показывает полчаса, и я буду на месте, — проверяю я маршрут на мобильном, уже одной ногой влезая в штанину джинсов. — До встречи! — бодро рапортую в телефон, нажимаю отбой и натягиваю сверху какую-то странную блузку с рюшами, завалявшуюся у меня в шкафу.

Ничего страшного: очень даже современно. Джинсы и блузка, отлично! Подумаешь, литературный агент, это он меня должен угощать обедом, а не я его — чёрной икрой! Таких писак, как его Сашу Шу, на Амазоне пруд пруди!

Я прыгаю в очередное такси, и пока еду мимо родных обшарпанных стен любимого города, размышляю о превратностях судьбы и алгоритмов: ведь это очевидно, что какие-то сбои произошли в великой небесной машине, сместились

мелкие шестерёночки, только для того чтобы вывести на первые страницы поисковиков какой-то посредственный роман очередной посредственной домохозяйки.

И вот он попался на глаза сотням тысяч читателей, или сколько их там на Амазоне ежедневно, и они, как послушные свинки, тыкнулись своими пятачками в посредственную кричащую обложку, закопались в дешёвый пахнущий усилителями вкуса фэстфудный ароматный текст, пропитанный сексом, страхом и вожделением, не смогли оторваться, продираясь сквозь слёзы, боль и оргазмы героини, пока не вынырнули на другой стороне, подтолкнув Сашу Шу на вершины мировых чартов.

Сделали её миллионером. Халифом на час. Какая ирония!

И теперь я еду на встречу с каким-то Драконом, что это вообще ещё за имечко такое, чтобы целовать его в попу, обещать золотые горы и миллионы прибыли на российском рынке. Что, кстати совсем недалеко от истины. Потому что публике уже скормили порцию дымящейся сладкой массы, и она, безусловно, захочет ещё. Ибо здесь есть всё: и хлеб, и зрелища.

И где-то за десятки тысяч километров от меня, прямо сейчас, в районе бульвара Сансет несколько талантливых сценаристов сидят и размышляют, как уместить убогий текст и такую же убогую историю в идеальное ложе хитового сериала *Netflix*

Но вот такси тормозит у прянично-нарядной витрины ма-

газина, в которой пляшут разноцветные фигурки крысочеловечков, и я надеваю на себя вежливую деловую улыбку. В конце концов, я один из ведущих редакторов нашего издательства, и чтобы я не думала о художественной ценности текстов своих авторов, своё мнение я прячу очень глубоко внутри. Никто не должен знать, что подумал Кролик. Это закон.

Прохожу роскошный зал с гигантским раскидистым ананасом в центре, где сухонькие питерские бабуси томно попивают свои молочные коктейли с пирожными, поднимаюсь по дворянской лестнице и проваливаюсь в аристократическую роскошь позапрошлого века: сплошь яйца Фаберже, золото и бархат.

Пытаюсь среди кучки посетителей вычислить загадочного Дракона — наверняка какой-нибудь въедливый противный очкарик, как большинство мужчин в нашем бизнесе. С каким-то странным восточнославянским имечком.

— Меня ожидают, — сдержанно сообщаю подбегающему ко мне официанту.

— Ах, да-да, пройдёмте, — поводит крысиным носиком тонкий официантик и ведёт меня за собой к огромному окну, где меня ждёт загадочный клиент.

— Добрдан, — встаёт он с места, протягивая руку, и я с удивлением про себя отмечаю, что для литературного агента он достаточно длинный. По крайней мере выше ростом всех остальных, с кем мне приходилось общаться за всю мою

долгую карьеру.

Так уж сложилось, что книжки читают хилые мальчики, которые не интересуют девочек, и поэтому им приходится много учиться и становиться самыми умными, успешными и богатыми, чтобы в итоге утереть нос своим рослым тупым сверстникам, которые не способны ни на что другое, как только вызывать дрожь между ног у литературных героинь.

— Господин Дракон? — улыбаюсь я, пожимая руку литературного агента. — Простите, пожалуйста, ради Бога, у меня сдача тиража в печать, надо успеть в новогодние распродажи, — на ходу придумываю я оправдание тому, что бессовестно опоздала на важную деловую встречу, чуть ли не впервые в своей жизни. — Я очень надеюсь, что вы не скучали, и заказали себе что-то из местного меню, — тараторю я. — Оно просто великолепно.

— Инга, я очень рад, — наконец-то усаживаемся мы в мягкие кресла, и я украдкой разглядываю любопытного клиента.

Высокий, стройный брюнет за тридцать. Слегка небритый. Прямой породистый крупный нос. Тёмно-серые глаза. Но есть что-то странное в его чертах: он явно нерусский, но и не похож на какого-нибудь немца, француза или американца Да ещё это имя: Дракон. Может быть, румын? Говорит с каким-то незнакомым, едва уловимым акцентом.

— Мне просто кофе, пожалуйста, без молока, — киваю я нависшему надо мной бестелесной тенью официанту и бро-

саю взгляд на заказ моего визави.

Я твёрдо убеждена: как о книге вполне себе можно судить по обложке, чтобы там не говорила народная мудрость, так и о человеке многое может рассказать то, что он выбирает в ресторанном меню.

А мой Дракон выбрал порцию блинов с чёрной икрой и молочный коктейль. Судя по цвету, шоколадный. И прямо сейчас ловко отправляет в рот кусочек деликатеса. Прожёвывает его, зажмурив глаза от удовольствия, и запивает всё это сладким пойлом. Ничего не скажешь. Какой автор, такой и литературный агент. Наверняка ещё на ночь романы своей Шу перечитывает. Со сценами насилия над невинной но очень сексуальной девушкой главарём мафии. Тоже очень сексуальным и притягательным. Как и все злодеи в этих книжках.

— Я очень рада нашему сотрудничеству, — мягко улыбаюсь я. — Для нашего издательства огромная честь представлять Сашу Шу на российском рынке. И я очень рада, что вы выбрали для презентации нашу страну. Особенно сейчас, когда многие авторы отвернулись от нас, — стараюсь добавить я искренней теплоты в свой голос.

Потому что прекрасно понимаю, что с такими тиражами и продажами в интернете Саша Шу могла выбрать любую другую европейскую столицу для новогодней презентации.

— Ну что вы, мы с моей клиенткой просто обожаем Россию, — уверяет меня с набитым ртом Дракон, и тут я вспо-

минаю о главном:

— Позвольте узнать, а где же наш дорогой автор? Мы всем издательством были бы очень счастливы познакомиться с ней лично.

Я пытаюсь откопать в уголках памяти хоть какие-то публикации о Саше, но не припоминаю ничего

— Дело в том, что она ведёт затворнический образ жизни, — объясняет мне Дракон. — Ну вы понимаете, творческая личность, — подмигивает он мне, доедая второй блин.

И чёрная крошечная икринка застревает у него над верхней губой. Как бархатная мушка.

— Да, конечно понимаю, — серьёзно киваю я своему собеседнику. — Но позвольте, я уже начала разрабатывать план презентаций на весь месяц, а без Саши это будет выглядеть более чем странно, — объясняю я ещё одному придурку, заигравшемуся в шпионские страсти, как работает маркетинг в издательскому бизнесе.

Это Стивен Кинг или Пелевин пусть скрывают свои лица за мужественными интеллектуальными произведениями, а авторицы любовных романов должны представлять товар лицом: в розовом и пудре! Чтобы их ненасытные читатели могли потрогать и пощупать своих кумиров. И никак иначе!

— Вы же сами понимаете, что книги Саши такие жизненные, такие живые, такие близкие людям, — подсыпаю я сиропных эпитетов, — и наши российские читательницы с нетерпением ждут встречи с ней! — восторженно объясняю

я азбучные истины этому довольно жующему свою икру Дракону.

— Ах да, простите, вы меня неправильно поняли, — громко всасывает он свой молочный коктейль через трубочку, как будто пятилетний мальчишка в цирковом буфете.

И я даже не замечаю, как сама начинаю улыбаться. То ли его детской непосредственности, то ли от оглушающего звука.

— Саша Шу будет присутствовать на всех презентациях. Лично. Но я буду всегда рядом с ней, как агент и личный переводчик. Потому что Саша не говорит по-русски. И она очень много работает. Очень, — с победным звуком досасывает он шоколадную пенку и со звонким стуком ставит коктейль на стол. — Обожаю с детства молочные коктейли, а вы? — вдруг спрашивает меня Дракон, и я удивлённо смотрю на него.

— Я так давно их не пила, — пожимаю плечами. — Так давно, что даже успела позабыть их вкус.

— Тогда мы это сейчас легко исправим, — одним щелчком пальцев подзывает мой собеседник пронырливого официанта, и тот с ловкостью крысы подбегает к нам: — Ещё два коктейля, пожалуйста, — просит он. — Господице — ванильный, а мне — клубничный.

— А вы давно в Питере? — вежливо интересуюсь я у этого странного мужчины.

— Всего пару дней, — с блаженным видом откидывается

тот на спинку своего кресла. — Поразительный город. Город мечты, — откровенничает Дракон. — Этот город можно читать как книгу, — наклоняется он ко мне через стол. — И она никогда не наскучит. Как самый увлекательный роман.

— Как поэтично, — хмыкаю я в ответ. Давно я не встречалась с такими восторженными описаниями своего вечно хмурящегося седого старика. — А я бы сама сравнила Санкт-Петербург с дряхлым и помятым жизнью аристократом. В бархатном вытертом фраке. Или даже нет. Вы знаете, этакой напудренной кокетливой разодетой дамой, но в грязном и загаженном исподнем, — загораются у меня самой глаза. — Все эти великолепные грандиозные фасады, которые призваны поразить воображение простого обывателя, но за которыми скрываются обоссанные ободранные подворотни с выселенными домами, — продолжаю я.

— Ну что же, полагаю, вы любите находить во всём тёмные стороны, — смотрит на меня внимательно Дракон, и мне становится почему-от неуютно от его пристального изучающего меня взгляда.

— Отчего же, — нервно кривлюсь я. — Я просто реально смотрю на вещи. И вижу их такими, какие они есть. Вы приезжий, гость столицы, и вполне понятно, что вы не отходите далеко от туристических маршрутов. Но поверьте, наши тёмные колодцы дворов скрывают в себе много страшных секретов, — незаметно понижаю я голос, драматично намекая на тайны Санкт-Петербурга.

— Ваши коктейли, — передо мной ставят высокий хрустальный бокал.

— Пейте, — вдруг совершенно серьёзным тоном приказывает мне Дракон.

— Спасибо за угощение, но я, пожалуй, ограничусь кофе, — начинаю отнекиваться я, но мой собеседник, перебивает меня и пододвигает стакан почти к моим губам:

— Выпейте его, Инга, — и мне вдруг мерещится, что передо мной сидит не молодой мужчина в мягком кашемировом кардигане, а странный незнакомец в белом напудренном парике и с чёрной мушкой над губой. Как из позапрошлого века. Как мой старый Питер в человеческом обличье.

И я даже не контролирую, как мои губы обхватывают тонкую трубочку и начинают всасывать упоительно-ванильную пену.

— У неё вкус детства и облаков, ведь правда? — доносится до меня странный низкий голос, словно гипнотизирующий меня. — Мы все часто забываем, что мы делали и любили, когда были маленькими. А когда мы были маленькими, мы не видели на улицах грязи и мусора, а только бесконечные сокровища, которые мы могли случайно найти под ногами. Каждый день был для нас дверью в новый мир, на который мы смотрели сквозь чистое умытое окошко своего детства.

И пока сливочно-ванильные облака укутывают меня, я слышу, как Дракон продолжает свою речь:

— Но потом мы повзрослели и перестали видеть ежедневные обыденные чудеса вокруг. Перестали радоваться маленьким мелочам. Стали реально смотреть на вещи. И мир вокруг стал невыносимо скучным и предсказуемым. Ну как вам коктейль? — вдруг словно будит он меня от сладкого сна своим вопросом, и я пару мгновений с недоумением смотрю на Дракона, с трудом соображая, как я здесь вообще очутилась.

Вспоминаю. Мне кажется, я просто отключилась на минуту. Задумалась. Унеслась куда-то.

— Спасибо. Действительно очень вкусно, — улыбаюсь я.

— Вот и отлично, — смеётся Дракон. — Так что там у нас с нашим графиком? — вдруг переходит он на деловой тон, и я объясняю:

— Всё в почте. Я выслала всем расписание наших встреч с читателями в нескольких крупных городах страны. С датами и таймингом. У нас запланирован небольшой тур, и мы совместим его с презентацией звезды нашего издательского дома — Алекс Стар, — объясняю я ему. — Она будет у вас на разогреве, — добавляю я. Правда, надеюсь, моя Олеся об этом никогда не узнает. — Она очень популярная писательница любовных романов у нас в стране, публика её просто обожает, и никто лучше неё не представит читателям Сашу Шу, — заканчиваю я свою тираду.

— Это просто отлично! — потирает руки Дракон. — Договорились! Я изучу ваш план, и мы с вами обязательно ещё

встретимся до отъезда!

— Ну конечно, — кисло улыбаюсь я в ответ, понимая, что мне совершенно некогда ходить и развлекать этого Дракона в Питере. Но, видимо, придётся.

И тут мой телефон взрывается весёлой мелодией, и я судорожно нажимаю на экран, чтобы отключить звук.

— Прошу прощения, — бормочу я и вижу незнакомый номер.

Это может быть мой вчерашний принц!

— Ну что вы, ответьте, — предлагает мне Дракон.

— Спасибо, я перезвоню позже, ничего важного, — ну конечно же я даю понять, что для меня не может быть ничего важнее его как клиента в данную секунду!

Даже если мужчина моей мечты сейчас сидит и с замиранием сердца ждёт, что я возьму трубку. Хотя, о чём это я! Разве такие мужчины вообще ждут чего-то с замиранием сердца?

— Поразительно, что у вас на звонке стоит моя любимая мелодия, — замечает мой клиент.

— Да, неужели? — бормочу я, нервно поглядывая в окно. И мне кажется, или на улице, прямо на Невском, я вижу крошечный дрожащий комочек в розовом?

Этого не может быть! Барби?!

— Да, это же песня из фильма Кустурицы «Жизнь как чудо»! — восклицает Драган.

— Ах, вы про это? Вы знаете, я каждый месяц устанавли-

ваю на звонки новую мелодию. Ноябрь — месяц Балкан, в октябре был месяц венского вальса, — бормочу я, всё ещё пытаясь понять, действительно ли там мелькает между топочущих по мостовой прохожих розовое платьице мелкой сучки, или у меня просто уже начинаются галлюцинации, вызванные странным коктейлем?

— Балканы — моя родина, — гордо заявляет мне Дракон. — Я — серб, — чуть ли не бьёт он себя в грудь кулаком, и я с удивлением поворачиваю голову.

Ну да, это тогда многое объясняет: странный акцент, странное имя. Но не странные разговоры Хотя, мало ли что почудится на исходе рыдающей осени в бесконечно тёмном и сумрачном Питере. Не один писатель сошёл здесь с ума: сырость, болота и вечная северная ночь. Вот и у меня уже начинаются странные видения.

Но я стряхиваю с себя этот морок, как тонкую паутину, и, энергично пожимаю руку Дракону:

— Была очень рада с вами познакомиться, Дракон! Обязательно заканчивайте свой обед, я оплачу счёт, и я с вами сегодня же свяжусь! А сейчас, простите, много дел, в том числе и в связи с нашей дорогой Сашей! Надо прочитать переводы и проверить редактуру перед печатью! — встаю я из кресла, собираясь убегать, и Дракон отвечает мне:

— Всё уже оплачено, Инга, не беспокойтесь. Следуйте за розовой собачкой.

— Что?! — переспрашиваю я, ошарашенная.

— Я сказал, что за всё уже заплачено. Жду от вас звонка, — смотрит на меня агент.

Так, я, кажется, начинаю сходить с ума. Что они вообще подмешивают здесь в свои коктейли?!

И я несусь бегом на улицу, где мне померещилась эта проклятая розовая Барби. Я уверена, что я совершенно не в себе.

Кто вообще звонит в такое время?! Я пытаюсь выкарабкаться из оплетающих меня тенёт сна, где смешались в одну сладкую массу обнажённые мускулистые торсы, нежные пальцы контрабасиста, мои ноги, обвивающие мужские напряжённые бёдра и брехливые мелкие собачки в розовом, пытающиеся тяпнуть меня за голую пятку.

Мой телефон продолжает буквально взрываться от залихватской мелодии, которую я как раз установила на ноябрь: что-то балканское, что выскочило первым в поисковике, и я брожу по тёмной комнате в поисках своего телефона, пока не нахожу его рядом со своей подушкой. Я же как раз вчера разговаривала перед сном с Ирой, и так и оставила его здесь.

— Слушаю, — хриплым неприветливым голосом бурчу я в трубку.

— Добрый день! Это Инга? — слышу я радостный мужской голос на другом конце провода.

Он что, идиот? Звонить в такое время! По крайней мере, он точно не из Питера, где звонить людям до двух часов пополудни вообще считается моветоном

— Да, это я, — недовольно бормочу в ответ. — С кем имею честь говорить?

— Дра*а*ган. Дра*а*ган В*е*скович! — продолжает радостный идиот. — У нас с вами назначена встреча в час дня. Я уже здесь.

— Что?! Какая встреча? — не понимаю я. — В час дня? А сейчас который час?

— Уже час десять! — весело отвечает мужчина.

Я не соображаю, что происходит, и судорожно хватаю свой планшет, валяющийся тут же, на кровати: а как же, я вчера так увлеклась прекрасным незнакомцем, с которым меня свела судьба в виде розовой собачки, что даже не удосужилась проверить почту.

И вот оно, письмо от Бельского: *«Инга, завтра у тебя встреча с агентом Саши Шу – Драганом Весковичем в тринадцать ноль-ноль у Елисеевых»*.

Я мгновенно собираюсь, как натянутая струна ситары, и отвечаю:

— Простите, Дракон, я немного задержалась на встрече в типографии, у меня сдача книги в печать, но я уже в дороге к вам. В такси, — с тревогой выглядываю я на свой плещущийся внизу канал Грибоедова. — Такие ужасные пробки, — напропалую вру я, на бегу стягивая с себя свою пижаму и зарываясь в шкаф в поисках хоть чего-то похожего на приличную одежду.

И, конечно же, не нахожу.

— Но я дико извиняюсь, и чтобы вам было не скучно меня ждать, предлагаю вам пока что-нибудь заказать себе на обед. У «Елисеевых» подают прекрасные блюда из осетрины, — злорадно предлагаю я.

Пусть мой дорогой начальник сам оплатит чёрную икру из представительских, раз уж назначил мне встречу в такую рань. Хотя я прекрасно понимаю, что Егор ни в чём не виноват: я никогда не пропускала раньше свои рабочие дела, а уж тем более не могла уснуть, не проверив предварительно рабочую почту перед сном.

Во всём виноват прекрасный Женя, всю ночь сжимавший меня в своих сладких мужественных объятиях, и мне становится противно от одних только воспоминаний.

Противно и невыносимо сладко одновременно Так вот, значит, как это работает!

— Навигатор показывает полчаса, и я буду на месте, — проверяю я маршрут на мобильном, уже одной ногой влезая в штанину джинсов. — До встречи! — бодро рапортую в телефон, нажимаю отбой и натягиваю сверху какую-то странную блузку с рюшами, завалявшуюся у меня в шкафу.

Ничего страшного: очень даже современно. Джинсы и блузка, отлично! Подумаешь, литературный агент, это он меня должен угощать обедом, а не я его — чёрной икрой! Таких писак, как его Сашу Шу, на Амазоне пруд пруди!

Я прыгаю в очередное такси, и пока еду мимо родных обшарпанных стен любимого города, размышляю о превратно-

стях судьбы и алгоритмов: ведь это очевидно, что какие-то сбои произошли в великой небесной машине, сместились мелкие шестерёночки, только для того чтобы вывести на первые страницы поисковиков какой-то посредственный роман очередной посредственной домохозяйки.

И вот он попался на глаза сотням тысяч читателей, или сколько их там на Амазоне ежедневно, и они, как послушные свинки, тыкнулись своими пятачками в посредственную кричащую обложку, закопались в дешёвый пахнущий усилителями вкуса фэстфудный ароматный текст, пропитанный сексом, страхом и вожделением, не смогли оторваться, продираясь сквозь слёзы, боль и оргазмы героини, пока не вынырнули на другой стороне, подтолкнув Сашу Шу на вершины мировых чартов.

Сделали её миллионером. Халифом на час. Какая ирония!

И теперь я еду на встречу с каким-то Драконом, что это вообще ещё за имечко такое, чтобы целовать его в попу, обещать золотые горы и миллионы прибыли на российском рынке. Что, кстати совсем недалеко от истины. Потому что публике уже скормили порцию дымящейся сладкой массы, и она, безусловно, захочет ещё. Ибо здесь есть всё: и хлеб, и зрелища.

И где-то за десятки тысяч километров от меня, прямо сейчас, в районе бульвара Сансет несколько талантливых сценаристов сидят и размышляют, как уместить убогий текст и такую же убогую историю в идеальное ложе хитового сериала

Netflix

Но вот такси тормозит у прянично-нарядной витрины магазина, в которой пляшут разноцветные фигурки крысочеловечков, и я надеваю на себя вежливую деловую улыбку. В конце концов, я один из ведущих редакторов нашего издательства, и чтобы я не думала о художественной ценности текстов своих авторов, своё мнение я прячу очень глубоко внутри. Никто не должен знать, что подумал Кролик. Это закон.

Прохожу роскошный зал с гигантским раскидистым ананасом в центре, где сухонькие питерские бабуси томно попивают свои молочные коктейли с пирожными, поднимаюсь по дворянской лестнице и проваливаюсь в аристократическую роскошь позапрошлого века: сплошь яйца Фаберже, золото и бархат.

Пытаюсь среди кучки посетителей вычислить загадочного Дракона — наверняка какой-нибудь въедливый противный очкарик, как большинство мужчин в нашем бизнесе. С каким-то странным восточнославянским имечком.

— Меня ожидают, — сдержанно сообщаю подбегающему ко мне официанту.

— Ах, да-да, пройдёмте, — поводит крысиным носиком тонкий официантик и ведёт меня за собой к огромному окну, где меня ждёт загадочный клиент.

— Добрдан, — встаёт он с места, протягивая руку, и я с удивлением про себя отмечаю, что для литературного аген-

та он достаточно длинный. По крайней мере выше ростом всех остальных, с кем мне приходилось общаться за всю мою долгую карьеру.

Так уж сложилось, что книжки читают хилые мальчики, которые не интересуют девочек, и поэтому им приходится много учиться и становиться самыми умными, успешными и богатыми, чтобы в итоге утереть нос своим рослым тупым сверстникам, которые не способны ни на что другое, как только вызывать дрожь между ног у литературных героинь.

— Господин Дракон? — улыбаюсь я, пожимая руку литературного агента. — Простите, пожалуйста, ради Бога, у меня сдача тиража в печать, надо успеть в новогодние распродажи, — на ходу придумываю я оправдание тому, что бессовестно опоздала на важную деловую встречу, чуть ли не впервые в своей жизни. — Я очень надеюсь, что вы не скучали, и заказали себе что-то из местного меню, — тараторю я. — Оно просто великолепно.

— Инга, я очень рад, — наконец-то усаживаемся мы в мягкие кресла, и я украдкой разглядываю любопытного клиента.

Высокий, стройный брюнет за тридцать. Слегка небритый. Прямой породистый крупный нос. Тёмно-серые глаза. Но есть что-то странное в его чертах: он явно нерусский, но и не похож на какого-нибудь немца, француза или американца Да ещё это имя: Дракон. Может быть, румын? Говорит с каким-то незнакомым, едва уловимым акцентом.

— Мне просто кофе, пожалуйста, без молока, — киваю я нависшему надо мной бестелесной тенью официанту и бросаю взгляд на заказ моего визави.

Я твёрдо убеждена: как о книге вполне себе можно судить по обложке, чтобы там не говорила народная мудрость, так и о человеке многое может рассказать то, что он выбирает в ресторанном меню.

А мой Дракон выбрал порцию блинов с чёрной икрой и молочный коктейль. Судя по цвету, шоколадный. И прямо сейчас ловко отправляет в рот кусочек деликатеса. Прожёвывает его, зажмурив глаза от удовольствия, и запивает всё это сладким пойлом. Ничего не скажешь. Какой автор, такой и литературный агент. Наверняка ещё на ночь романы своей Шу перечитывает. Со сценами насилия над невинной но очень сексуальной девушкой главарём мафии. Тоже очень сексуальным и притягательным. Как и все злодеи в этих книжках.

— Я очень рада нашему сотрудничеству, — мягко улыбаюсь я. — Для нашего издательства огромная честь представлять Сашу Шу на российском рынке. И я очень рада, что вы выбрали для презентации нашу страну. Особенно сейчас, когда многие авторы отвернулись от нас, — стараюсь добавить я искренней теплоты в свой голос.

Потому что прекрасно понимаю, что с такими тиражами и продажами в интернете Саша Шу могла выбрать любую другую европейскую столицу для новогодней презентации.

— Ну что вы, мы с моей клиенткой просто обожаем Россию, — уверяет меня с набитым ртом Дракон, и тут я вспоминаю о главном:

— Позвольте узнать, а где же наш дорогой автор? Мы всем издательством были бы очень счастливы познакомиться с ней лично.

Я пытаюсь откопать в уголках памяти хоть какие-то публикации о Саше, но не припоминаю ничего

— Дело в том, что она ведёт затворнический образ жизни, — объясняет мне Дракон. — Ну вы понимаете, творческая личность, — подмигивает он мне, доедая второй блин.

И чёрная крошечная икринка застревает у него над верхней губой. Как бархатная мушка.

— Да, конечно понимаю, — серьёзно киваю я своему собеседнику. — Но позвольте, я уже начала разрабатывать план презентаций на весь месяц, а без Саши это будет выглядеть более чем странно, — объясняю я ещё одному придурку, заигравшемуся в шпионские страсти, как работает маркетинг в издательскому бизнесе.

Это Стивен Кинг или Пелевин пусть скрывают свои лица за мужественными интеллектуальными произведениями, а авторицы любовных романов должны представлять товар лицом: в розовом и пудре! Чтобы их ненасытные читатели могли потрогать и пощупать своих кумиров. И никак иначе!

— Вы же сами понимаете, что книги Саши такие жизненные, такие живые, такие близкие людям, — подсыпаю я

сиропных эпитетов, — и наши российские читательницы с нетерпением ждут встречи с ней! — восторженно объясняю я азбучные истины этому довольно жующему свою икру Дракону.

— Ах да, простите, вы меня неправильно поняли, — громко всасывает он свой молочный коктейль через трубочку, как будто пятилетний мальчишка в цирковом буфете.

И я даже не замечаю, как сама начинаю улыбаться. То ли его детской непосредственности, то ли от оглушающего звука.

— Саша Шу будет присутствовать на всех презентациях. Лично. Но я буду всегда рядом с ней, как агент и личный переводчик. Потому что Саша не говорит по-русски. И она очень много работает. Очень, — с победным звуком досасывает он шоколадную пенку и со звонким стуком ставит коктейль на стол. — Обожаю с детства молочные коктейли, а вы? — вдруг спрашивает меня Дракон, и я удивлённо смотрю на него.

— Я так давно их не пила, — пожимаю плечами. — Так давно, что даже успела позабыть их вкус.

— Тогда мы это сейчас легко исправим, — одним щелчком пальцев подзывает мой собеседник пронырливого официанта, и тот с ловкостью крысы подбегает к нам: — Ещё два коктейля, пожалуйста, — просит он. — Господице — ванильный, а мне — клубничный.

— А вы давно в Питере? — вежливо интересуюсь я у этого

странного мужчины.

— Всего пару дней, — с блаженным видом откидывается тот на спинку своего кресла. — Поразительный город. Город мечты, — откровенничает Дракон. — Этот город можно читать как книгу, — наклоняется он ко мне через стол. — И она никогда не наскучит. Как самый увлекательный роман.

— Как поэтично, — хмыкаю я в ответ. Давно я не встречалась с такими восторженными описаниями своего вечно хмурящегося седого старика. — А я бы сама сравнила Санкт-Петербург с дряхлым и помятым жизнью аристократом. В бархатном вытертом фраке. Или даже нет. Вы знаете, этакой напудренной кокетливой разодетой дамой, но в грязном и загаженном исподнем, — загораются у меня самой глаза. — Все эти великолепные грандиозные фасады, которые призваны поразить воображение простого обывателя, но за которыми скрываются обоссанные ободранные подворотни с выселенными домами, — продолжаю я.

— Ну что же, полагаю, вы любите находить во всём тёмные стороны, — смотрит на меня внимательно Дракон, и мне становится почему-от неуютно от его пристального изучающего меня взгляда.

— Отчего же, — нервно кривлюсь я. — Я просто реально смотрю на вещи. И вижу их такими, какие они есть. Вы приезжий, гость столицы, и вполне понятно, что вы не отходите далеко от туристических маршрутов. Но поверьте, наши тёмные колодцы дворов скрывают в себе много страшных

секретов, — незаметно понижаю я голос, драматично намекая на тайны Санкт-Петербурга.

— Ваши коктейли, — передо мной ставят высокий хрустальный бокал.

— Пейте, — вдруг совершенно серьёзным тоном приказывает мне Дракон.

— Спасибо за угощение, но я, пожалуй, ограничусь кофе, — начинаю отнекиваться я, но мой собеседник, перебивает меня и пододвигает стакан почти к моим губам:

— Выпейте его, Инга, — и мне вдруг мерещится, что передо мной сидит не молодой мужчина в мягком кашемировом кардигане, а странный незнакомец в белом напудренном парике и с чёрной мушкой над губой. Как из позапрошлого века. Как мой старый Питер в человеческом обличье.

И я даже не контролирую, как мои губы обхватывают тонкую трубочку и начинают всасывать упоительно-ванильную пену.

— У неё вкус детства и облаков, ведь правда? — доносится до меня странный низкий голос, словно гипнотизирующий меня. — Мы все часто забываем, что мы делали и любили, когда были маленькими. А когда мы были маленькими, мы не видели на улицах грязи и мусора, а только бесконечные сокровища, которые мы могли случайно найти под ногами. Каждый день был для нас дверью в новый мир, на который мы смотрели сквозь чистое умытое окошко своего детства.

И пока сливочно-ванильные облака укутывают меня, я слышу, как Дракон продолжает свою речь:

— Но потом мы повзрослели и перестали видеть ежедневные обыденные чудеса вокруг. Перестали радоваться маленьким мелочам. Стали реально смотреть на вещи. И мир вокруг стал невыносимо скучным и предсказуемым. Ну как вам коктейль? — вдруг словно будит он меня от сладкого сна своим вопросом, и я пару мгновений с недоумением смотрю на Дракона, с трудом соображая, как я здесь вообще очутилась.

Вспоминаю. Мне кажется, я просто отключилась на минуту. Задумалась. Унеслась куда-то.

— Спасибо. Действительно очень вкусно, — улыбаюсь я.

— Вот и отлично, — смеётся Дракон. — Так что там у нас с нашим графиком? — вдруг переходит он на деловой тон, и я объясняю:

— Всё в почте. Я выслала всем расписание наших встреч с читателями в нескольких крупных городах страны. С датами и таймингом. У нас запланирован небольшой тур, и мы совместим его с презентацией звезды нашего издательского дома — Алекс Стар, — объясняю я ему. — Она будет у вас на разогреве, — добавляю я. Правда, надеюсь, моя Олеся об этом никогда не узнает. — Она очень популярная писательница любовных романов у нас в стране, публика её просто обожает, и никто лучше неё не представит читателям Сашу Шу, — заканчиваю я свою тираду.

— Это просто отлично! — потирает руки Дракон. — Договорились! Я изучу ваш план, и мы с вами обязательно ещё встретимся до отъезда!

— Ну конечно, — кисло улыбаюсь я в ответ, понимая, что мне совершенно некогда ходить и развлекать этого Дракона в Питере. Но, видимо, придётся.

И тут мой телефон взрывается весёлой мелодией, и я судорожно нажимаю на экран, чтобы отключить звук.

— Прошу прощения, — бормочу я и вижу незнакомый номер.

Это может быть мой вчерашний принц!

— Ну что вы, ответьте, — предлагает мне Дракон.

— Спасибо, я перезвоню позже, ничего важного, — ну конечно же я даю понять, что для меня не может быть ничего важнее его как клиента в данную секунду!

Даже если мужчина моей мечты сейчас сидит и с замиранием сердца ждёт, что я возьму трубку. Хотя, о чём это я! Разве такие мужчины вообще ждут чего-то с замиранием сердца?

— Поразительно, что у вас на звонке стоит моя любимая мелодия, — замечает мой клиент.

— Да, неужели? — бормочу я, нервно поглядывая в окно. И мне кажется, или на улице, прямо на Невском, я вижу крошечный дрожащий комочек в розовом?

Этого не может быть! Барби?!

— Да, это же песня из фильма Кустурицы «Жизнь как чу-

до»! — восклицает Драган.

— Ах, вы про это? Вы знаете, я каждый месяц устанавливаю на звонки новую мелодию. Ноябрь — месяц Балкан, в октябре был месяц венского вальса, — бормочу я, всё ещё пытаясь понять, действительно ли там мелькает между топочущих по мостовой прохожих розовое платьице мелкой сучки, или у меня просто уже начинаются галлюцинации, вызванные странным коктейлем?

— Балканы — моя родина, — гордо заявляет мне Дракон. — Я — серб, — чуть ли не бьёт он себя в грудь кулаком, и я с удивлением поворачиваю голову.

Ну да, это тогда многое объясняет: странный акцент, странное имя. Но не странные разговоры Хотя, мало ли что почудится на исходе рыдающей осени в бесконечно тёмном и сумрачном Питере. Не один писатель сошёл здесь с ума: сырость, болота и вечная северная ночь. Вот и у меня уже начинаются странные видения.

Но я стряхиваю с себя этот морок, как тонкую паутину, и, энергично пожимаю руку Дракону:

— Была очень рада с вами познакомиться, Дракон! Обязательно заканчивайте свой обед, я оплачу счёт, и я с вами сегодня же свяжусь! А сейчас, простите, много дел, в том числе и в связи с нашей дорогой Сашей! Надо прочитать переводы и проверить редактуру перед печатью! — встаю я из кресла, собираясь убегать, и Дракон отвечает мне:

— Всё уже оплачено, Инга, не беспокойтесь. Следуйте за

розовой собачкой.

— Что?! — переспрашиваю я, ошарашенная.

— Я сказал, что за всё уже заплачено. Жду от вас звонка, — смотрит на меня агент.

Так, я, кажется, начинаю сходить с ума. Что они вообще подмешивают здесь в свои коктейли?!

И я несусь бегом на улицу, где мне померещилась эта проклятая розовая Барби. Я уверена, что я совершенно не в себе.

Кто вообще звонит в такое время?! Я пытаюсь выкарабкаться из оплетающих меня тенёт сна, где смешались в одну сладкую массу обнажённые мускулистые торсы, нежные пальцы контрабасиста, мои ноги, обвивающие мужские напряжённые бёдра и брехливые мелкие собачки в розовом, пытающиеся тяпнуть меня за голую пятку.

Мой телефон продолжает буквально взрываться от залихватской мелодии, которую я как раз установила на ноябрь: что-то балканское, что выскочило первым в поисковике, и я брожу по тёмной комнате в поисках своего телефона, пока не нахожу его рядом со своей подушкой. Я же как раз вчера разговаривала перед сном с Ирой, и так и оставила его здесь.

— Слушаю, — хриплым неприветливым голосом бурчу я в трубку.

— Добрый день! Это Инга? — слышу я радостный мужской голос на другом конце провода.

Он что, идиот? Звонить в такое время! По крайней мере,

он точно не из Питера, где звонить людям до двух часов пополудни вообще считается моветоном

— Да, это я, — недовольно бормочу в ответ. — С кем имею честь говорить?

— Др*а*ган. Др*а*ган В*е*скович! — продолжает радостный идиот. — У нас с вами назначена встреча в час дня. Я уже здесь.

— Что?! Какая встреча? — не понимаю я. — В час дня? А сейчас который час?

— Уже час десять! — весело отвечает мужчина.

Я не соображаю, что происходит, и судорожно хватаю свой планшет, валяющийся тут же, на кровати: а как же, я вчера так увлеклась прекрасным незнакомцем, с которым меня свела судьба в виде розовой собачки, что даже не удосужилась проверить почту.

И вот оно, письмо от Бельского: *«Инга, завтра у тебя встреча с агентом Саши Шу – Драганом Весковичем в тринадцать ноль-ноль у Елисеевых»*.

Я мгновенно собираюсь, как натянутая струна ситары, и отвечаю:

— Простите, Дракон, я немного задержалась на встрече в типографии, у меня сдача книги в печать, но я уже в дороге к вам. В такси, — с тревогой выглядываю я на свой плещущийся внизу канал Грибоедова. — Такие ужасные пробки, — напропалую вру я, на бегу стягивая с себя свою пижаму и зарываясь в шкаф в поисках хоть чего-то похожего на при-

личную одежду.

И, конечно же, не нахожу.

— Но я дико извиняюсь, и чтобы вам было не скучно меня ждать, предлагаю вам пока что-нибудь заказать себе на обед. У «Елисеевых» подают прекрасные блюда из осетрины, — злорадно предлагаю я.

Пусть мой дорогой начальник сам оплатит чёрную икру из представительских, раз уж назначил мне встречу в такую рань. Хотя я прекрасно понимаю, что Егор ни в чём не виноват: я никогда не пропускала раньше свои рабочие дела, а уж тем более не могла уснуть, не проверив предварительно рабочую почту перед сном.

Во всём виноват прекрасный Женя, всю ночь сжимавший меня в своих сладких мужественных объятиях, и мне становится противно от одних только воспоминаний.

Противно и невыносимо сладко одновременно Так вот, значит, как это работает!

— Навигатор показывает полчаса, и я буду на месте, — проверяю я маршрут на мобильном, уже одной ногой влезая в штанину джинсов. — До встречи! — бодро рапортую в телефон, нажимаю отбой и натягиваю сверху какую-то странную блузку с рюшами, завалявшуюся у меня в шкафу.

Ничего страшного: очень даже современно. Джинсы и блузка, отлично! Подумаешь, литературный агент, это он меня должен угощать обедом, а не я его — чёрной икрой! Таких писак, как его Сашу Шу, на Амазоне пруд пруди!

Я прыгаю в очередное такси, и пока еду мимо родных обшарпанных стен любимого города, размышляю о превратностях судьбы и алгоритмов: ведь это очевидно, что какие-то сбои произошли в великой небесной машине, сместились мелкие шестерёночки, только для того чтобы вывести на первые страницы поисковиков какой-то посредственный роман очередной посредственной домохозяйки.

И вот он попался на глаза сотням тысяч читателей, или сколько их там на Амазоне ежедневно, и они, как послушные свинки, тыкнулись своими пятачками в посредственную кричащую обложку, закопались в дешёвый пахнущий усилителями вкуса фэстфудный ароматный текст, пропитанный сексом, страхом и вожделением, не смогли оторваться, продираясь сквозь слёзы, боль и оргазмы героини, пока не вынырнули на другой стороне, подтолкнув Сашу Шу на вершины мировых чартов.

Сделали её миллионером. Халифом на час. Какая ирония!

И теперь я еду на встречу с каким-то Драконом, что это вообще ещё за имечко такое, чтобы целовать его в попу, обещать золотые горы и миллионы прибыли на российском рынке. Что, кстати совсем недалеко от истины. Потому что публике уже скормили порцию дымящейся сладкой массы, и она, безусловно, захочет ещё. Ибо здесь есть всё: и хлеб, и зрелища.

И где-то за десятки тысяч километров от меня, прямо сейчас, в районе бульвара Сансет несколько талантливых сцена-

ристов сидят и размышляют, как уместить убогий текст и такую же убогую историю в идеальное ложе хитового сериала *Netflix*

Но вот такси тормозит у прянично-нарядной витрины магазина, в которой пляшут разноцветные фигурки крысочеловечков, и я надеваю на себя вежливую деловую улыбку. В конце концов, я один из ведущих редакторов нашего издательства, и чтобы я не думала о художественной ценности текстов своих авторов, своё мнение я прячу очень глубоко внутри. Никто не должен знать, что подумал Кролик. Это закон.

Прохожу роскошный зал с гигантским раскидистым ананасом в центре, где сухонькие питерские бабуси томно попивают свои молочные коктейли с пирожными, поднимаюсь по дворянской лестнице и проваливаюсь в аристократическую роскошь позапрошлого века: сплошь яйца Фаберже, золото и бархат.

Пытаюсь среди кучки посетителей вычислить загадочного Дракона — наверняка какой-нибудь въедливый противный очкарик, как большинство мужчин в нашем бизнесе. С каким-то странным восточнославянским имечком.

— Меня ожидают, — сдержанно сообщаю подбегающему ко мне официанту.

— Ах, да-да, пройдёмте, — поводит крысиным носиком тонкий официантик и ведёт меня за собой к огромному окну, где меня ждёт загадочный клиент.

— Добрдан, — встаёт он с места, протягивая руку, и я с удивлением про себя отмечаю, что для литературного агента он достаточно длинный. По крайней мере выше ростом всех остальных, с кем мне приходилось общаться за всю мою долгую карьеру.

Так уж сложилось, что книжки читают хилые мальчики, которые не интересуют девочек, и поэтому им приходится много учиться и становиться самыми умными, успешными и богатыми, чтобы в итоге утереть нос своим рослым тупым сверстникам, которые не способны ни на что другое, как только вызывать дрожь между ног у литературных героинь.

— Господин Дракон? — улыбаюсь я, пожимая руку литературного агента. — Простите, пожалуйста, ради Бога, у меня сдача тиража в печать, надо успеть в новогодние распродажи, — на ходу придумываю я оправдание тому, что бессовестно опоздала на важную деловую встречу, чуть ли не впервые в своей жизни. — Я очень надеюсь, что вы не скучали, и заказали себе что-то из местного меню, — тараторю я. — Оно просто великолепно.

— Инга, я очень рад, — наконец-то усаживаемся мы в мягкие кресла, и я украдкой разглядываю любопытного клиента.

Высокий, стройный брюнет за тридцать. Слегка небритый. Прямой породистый крупный нос. Тёмно-серые глаза. Но есть что-то странное в его чертах: он явно нерусский, но и не похож на какого-нибудь немца, француза или американ-

ца Да ещё это имя: Дракон. Может быть, румын? Говорит с каким-то незнакомым, едва уловимым акцентом.

— Мне просто кофе, пожалуйста, без молока, — киваю я нависшему надо мной бестелесной тенью официанту и бросаю взгляд на заказ моего визави.

Я твёрдо убеждена: как о книге вполне себе можно судить по обложке, чтобы там не говорила народная мудрость, так и о человеке многое может рассказать то, что он выбирает в ресторанном меню.

А мой Дракон выбрал порцию блинов с чёрной икрой и молочный коктейль. Судя по цвету, шоколадный. И прямо сейчас ловко отправляет в рот кусочек деликатеса. Прожёвывает его, зажмурив глаза от удовольствия, и запивает всё это сладким пойлом. Ничего не скажешь. Какой автор, такой и литературный агент. Наверняка ещё на ночь романы своей Шу перечитывает. Со сценами насилия над невинной но очень сексуальной девушкой главарём мафии. Тоже очень сексуальным и притягательным. Как и все злодеи в этих книжках.

— Я очень рада нашему сотрудничеству, — мягко улыбаюсь я. — Для нашего издательства огромная честь представлять Сашу Шу на российском рынке. И я очень рада, что вы выбрали для презентации нашу страну. Особенно сейчас, когда многие авторы отвернулись от нас, — стараюсь добавить я искренней теплоты в свой голос.

Потому что прекрасно понимаю, что с такими тиражами

и продажами в интернете Саша Шу могла выбрать любую другую европейскую столицу для новогодней презентации.

— Ну что вы, мы с моей клиенткой просто обожаем Россию, — уверяет меня с набитым ртом Дракон, и тут я вспоминаю о главном:

— Позвольте узнать, а где же наш дорогой автор? Мы всем издательством были бы очень счастливы познакомиться с ней лично.

Я пытаюсь откопать в уголках памяти хоть какие-то публикации о Саше, но не припоминаю ничего

— Дело в том, что она ведёт затворнический образ жизни, — объясняет мне Дракон. — Ну вы понимаете, творческая личность, — подмигивает он мне, доедая второй блин.

И чёрная крошечная икринка застревает у него над верхней губой. Как бархатная мушка.

— Да, конечно понимаю, — серьёзно киваю я своему собеседнику. — Но позвольте, я уже начала разрабатывать план презентаций на весь месяц, а без Саши это будет выглядеть более чем странно, — объясняю я ещё одному придурку, заигравшемуся в шпионские страсти, как работает маркетинг в издательскому бизнесе.

Это Стивен Кинг или Пелевин пусть скрывают свои лица за мужественными интеллектуальными произведениями, а авторицы любовных романов должны представлять товар лицом: в розовом и пудре! Чтобы их ненасытные читатели могли потрогать и пощупать своих кумиров. И никак иначе!

— Вы же сами понимаете, что книги Саши такие жизненные, такие живые, такие близкие людям, — подсыпаю я сиропных эпитетов, — и наши российские читательницы с нетерпением ждут встречи с ней! — восторженно объясняю я азбучные истины этому довольно жующему свою икру Дракону.

— Ах да, простите, вы меня неправильно поняли, — громко всасывает он свой молочный коктейль через трубочку, как будто пятилетний мальчишка в цирковом буфете.

И я даже не замечаю, как сама начинаю улыбаться. То ли его детской непосредственности, то ли от оглушающего звука.

— Саша Шу будет присутствовать на всех презентациях. Лично. Но я буду всегда рядом с ней, как агент и личный переводчик. Потому что Саша не говорит по-русски. И она очень много работает. Очень, — с победным звуком досасывает он шоколадную пенку и со звонким стуком ставит коктейль на стол. — Обожаю с детства молочные коктейли, а вы? — вдруг спрашивает меня Дракон, и я удивлённо смотрю на него.

— Я так давно их не пила, — пожимаю плечами. — Так давно, что даже успела позабыть их вкус.

— Тогда мы это сейчас легко исправим, — одним щелчком пальцев подзывает мой собеседник пронырливого официанта, и тот с ловкостью крысы подбегает к нам: — Ещё два коктейля, пожалуйста, — просит он. — Господице — ва-

нильный, а мне — клубничный.

— А вы давно в Питере? — вежливо интересуюсь я у этого странного мужчины.

— Всего пару дней, — с блаженным видом откидывается тот на спинку своего кресла. — Поразительный город. Город мечты, — откровенничает Дракон. — Этот город можно читать как книгу, — наклоняется он ко мне через стол. — И она никогда не наскучит. Как самый увлекательный роман.

— Как поэтично, — хмыкаю я в ответ. Давно я не встречалась с такими восторженными описаниями своего вечно хмурящегося седого старика. — А я бы сама сравнила Санкт-Петербург с дряхлым и помятым жизнью аристократом. В бархатном вытертом фраке. Или даже нет. Вы знаете, этакой напудренной кокетливой разодетой дамой, но в грязном и загаженном исподнем, — загораются у меня самой глаза. — Все эти великолепные грандиозные фасады, которые призваны поразить воображение простого обывателя, но за которыми скрываются обоссанные ободранные подворотни с выселенными домами, — продолжаю я.

— Ну что же, полагаю, вы любите находить во всём тёмные стороны, — смотрит на меня внимательно Дракон, и мне становится почему-от неуютно от его пристального изучающего меня взгляда.

— Отчего же, — нервно кривлюсь я. — Я просто реально смотрю на вещи. И вижу их такими, какие они есть. Вы приезжий, гость столицы, и вполне понятно, что вы не отходи-

те далеко от туристических маршрутов. Но поверьте, наши тёмные колодцы дворов скрывают в себе много страшных секретов, — незаметно понижаю я голос, драматично намекая на тайны Санкт-Петербурга.

— Ваши коктейли, — передо мной ставят высокий хрустальный бокал.

— Пейте, — вдруг совершенно серьёзным тоном приказывает мне Дракон.

— Спасибо за угощение, но я, пожалуй, ограничусь кофе, — начинаю отнекиваться я, но мой собеседник, перебивает меня и пододвигает стакан почти к моим губам:

— Выпейте его, Инга, — и мне вдруг мерещится, что передо мной сидит не молодой мужчина в мягком кашемировом кардигане, а странный незнакомец в белом напудренном парике и с чёрной мушкой над губой. Как из позапрошлого века. Как мой старый Питер в человеческом обличье.

И я даже не контролирую, как мои губы обхватывают тонкую трубочку и начинают всасывать упоительно-ванильную пену.

— У неё вкус детства и облаков, ведь правда? — доносится до меня странный низкий голос, словно гипнотизирующий меня. — Мы все часто забываем, что мы делали и любили, когда были маленькими. А когда мы были маленькими, мы не видели на улицах грязи и мусора, а только бесконечные сокровища, которые мы могли случайно найти под ногами. Каждый день был для нас дверью в новый мир, на

который мы смотрели сквозь чистое умытое окошко своего детства.

И пока сливочно-ванильные облака укутывают меня, я слышу, как Дракон продолжает свою речь:

— Но потом мы повзрослели и перестали видеть ежедневные обыденные чудеса вокруг. Перестали радоваться маленьким мелочам. Стали реально смотреть на вещи. И мир вокруг стал невыносимо скучным и предсказуемым. Ну как вам коктейль? — вдруг словно будит он меня от сладкого сна своим вопросом, и я пару мгновений с недоумением смотрю на Дракона, с трудом соображая, как я здесь вообще очутилась.

Вспоминаю. Мне кажется, я просто отключилась на минуту. Задумалась. Унеслась куда-то.

— Спасибо. Действительно очень вкусно, — улыбаюсь я.

— Вот и отлично, — смеётся Дракон. — Так что там у нас с нашим графиком? — вдруг переходит он на деловой тон, и я объясняю:

— Всё в почте. Я выслала всем расписание наших встреч с читателями в нескольких крупных городах страны. С датами и таймингом. У нас запланирован небольшой тур, и мы совместим его с презентацией звезды нашего издательского дома — Алекс Стар, — объясняю я ему. — Она будет у вас на разогреве, — добавляю я. Правда, надеюсь, моя Олеся об этом никогда не узнает. — Она очень популярная писательница любовных романов у нас в стране, публика её просто

обожает, и никто лучше неё не представит читателям Сашу Шу, — заканчиваю я свою тираду.

— Это просто отлично! — потирает руки Дракон. — Договорились! Я изучу ваш план, и мы с вами обязательно ещё встретимся до отъезда!

— Ну конечно, — кисло улыбаюсь я в ответ, понимая, что мне совершенно некогда ходить и развлекать этого Дракона в Питере. Но, видимо, придётся.

И тут мой телефон взрывается весёлой мелодией, и я судорожно нажимаю на экран, чтобы отключить звук.

— Прошу прощения, — бормочу я и вижу незнакомый номер.

Это может быть мой вчерашний принц!

— Ну что вы, ответьте, — предлагает мне Дракон.

— Спасибо, я перезвоню позже, ничего важного, — ну конечно же я даю понять, что для меня не может быть ничего важнее его как клиента в данную секунду!

Даже если мужчина моей мечты сейчас сидит и с замиранием сердца ждёт, что я возьму трубку. Хотя, о чём это я! Разве такие мужчины вообще ждут чего-то с замиранием сердца?

— Поразительно, что у вас на звонке стоит моя любимая мелодия, — замечает мой клиент.

— Да, неужели? — бормочу я, нервно поглядывая в окно. И мне кажется, или на улице, прямо на Невском, я вижу крошечный дрожащий комочек в розовом?

Этого не может быть! Барби?!

— Да, это же песня из фильма Кустурицы «Жизнь как чудо»! — восклицает Драган.

— Ах, вы про это? Вы знаете, я каждый месяц устанавливаю на звонки новую мелодию. Ноябрь — месяц Балкан, в октябре был месяц венского вальса, — бормочу я, всё ещё пытаясь понять, действительно ли там мелькает между топочущих по мостовой прохожих розовое платьице мелкой сучки, или у меня просто уже начинаются галлюцинации, вызванные странным коктейлем?

— Балканы — моя родина, — гордо заявляет мне Дракон. — Я — серб, — чуть ли не бьёт он себя в грудь кулаком, и я с удивлением поворачиваю голову.

Ну да, это тогда многое объясняет: странный акцент, странное имя. Но не странные разговоры Хотя, мало ли что почудится на исходе рыдающей осени в бесконечно тёмном и сумрачном Питере. Не один писатель сошёл здесь с ума: сырость, болота и вечная северная ночь. Вот и у меня уже начинаются странные видения.

Но я стряхиваю с себя этот морок, как тонкую паутину, и, энергично пожимаю руку Дракону:

— Была очень рада с вами познакомиться, Дракон! Обязательно заканчивайте свой обед, я оплачу счёт, и я с вами сегодня же свяжусь! А сейчас, простите, много дел, в том числе и в связи с нашей дорогой Сашей! Надо прочитать переводы и проверить редактуру перед печатью! — встаю я из

кресла, собираясь убегать, и Дракон отвечает мне:

— Всё уже оплачено, Инга, не беспокойтесь. Следуйте за розовой собачкой.

— Что?! — переспрашиваю я, ошарашенная.

— Я сказал, что за всё уже заплачено. Жду от вас звонка, — смотрит на меня агент.

Так, я, кажется, начинаю сходить с ума. Что они вообще подмешивают здесь в свои коктейли?!

И я несусь бегом на улицу, где мне померещилась эта проклятая розовая Барби. Я уверена, что я совершенно не в себе.

Кто вообще звонит в такое время?! Я пытаюсь выкарабкаться из оплетающих меня тенёт сна, где смешались в одну сладкую массу обнажённые мускулистые торсы, нежные пальцы контрабасиста, мои ноги, обвивающие мужские напряжённые бёдра и брехливые мелкие собачки в розовом, пытающиеся тяпнуть меня за голую пятку.

Мой телефон продолжает буквально взрываться от залихватской мелодии, которую я как раз установила на ноябрь: что-то балканское, что выскочило первым в поисковике, и я брожу по тёмной комнате в поисках своего телефона, пока не нахожу его рядом со своей подушкой. Я же как раз вчера разговаривала перед сном с Ирой, и так и оставила его здесь.

— Слушаю, — хриплым неприветливым голосом бурчу я в трубку.

— Добрый день! Это Инга? — слышу я радостный муж-

ской голос на другом конце провода.

Он что, идиот? Звонить в такое время! По крайней мере, он точно не из Питера, где звонить людям до двух часов пополудни вообще считается моветоном

— Да, это я, — недовольно бормочу в ответ. — С кем имею честь говорить?

— Дра*а*ган. Дра*а*ган В*е*скович! — продолжает радостный идиот. — У нас с вами назначена встреча в час дня. Я уже здесь.

— Что?! Какая встреча? — не понимаю я. — В час дня? А сейчас который час?

— Уже час десять! — весело отвечает мужчина.

Я не соображаю, что происходит, и судорожно хватаю свой планшет, валяющийся тут же, на кровати: а как же, я вчера так увлеклась прекрасным незнакомцем, с которым меня свела судьба в виде розовой собачки, что даже не удосужилась проверить почту.

И вот оно, письмо от Бельского: *«Инга, завтра у тебя встреча с агентом Саши Шу – Драганом Весковичем в тринадцать ноль-ноль у Елисеевых»*.

Я мгновенно собираюсь, как натянутая струна ситары, и отвечаю:

— Простите, Дракон, я немного задержалась на встрече в типографии, у меня сдача книги в печать, но я уже в дороге к вам. В такси, — с тревогой выглядываю я на свой плещущийся внизу канал Грибоедова. — Такие ужасные пробки,

— напропалую вру я, на бегу стягивая с себя свою пижаму и зарываясь в шкаф в поисках хоть чего-то похожего на приличную одежду.

И, конечно же, не нахожу.

— Но я дико извиняюсь, и чтобы вам было не скучно меня ждать, предлагаю вам пока что-нибудь заказать себе на обед. У «Елисеевых» подают прекрасные блюда из осетрины, — злорадно предлагаю я.

Пусть мой дорогой начальник сам оплатит чёрную икру из представительских, раз уж назначил мне встречу в такую рань. Хотя я прекрасно понимаю, что Егор ни в чём не виноват: я никогда не пропускала раньше свои рабочие дела, а уж тем более не могла уснуть, не проверив предварительно рабочую почту перед сном.

Во всём виноват прекрасный Женя, всю ночь сжимавший меня в своих сладких мужественных объятиях, и мне становится противно от одних только воспоминаний.

Противно и невыносимо сладко одновременно Так вот, значит, как это работает!

— Навигатор показывает полчаса, и я буду на месте, — проверяю я маршрут на мобильном, уже одной ногой влезая в штанину джинсов. — До встречи! — бодро рапортую в телефон, нажимаю отбой и натягиваю сверху какую-то странную блузку с рюшами, завалявшуюся у меня в шкафу.

Ничего страшного: очень даже современно. Джинсы и блузка, отлично! Подумаешь, литературный агент, это он ме-

ня должен угощать обедом, а не я его — чёрной икрой! Таких писак, как его Сашу Шу, на Амазоне пруд пруди!

Я прыгаю в очередное такси, и пока еду мимо родных обшарпанных стен любимого города, размышляю о превратностях судьбы и алгоритмов: ведь это очевидно, что какие-то сбои произошли в великой небесной машине, сместились мелкие шестерёночки, только для того чтобы вывести на первые страницы поисковиков какой-то посредственный роман очередной посредственной домохозяйки.

И вот он попался на глаза сотням тысяч читателей, или сколько их там на Амазоне ежедневно, и они, как послушные свинки, тыкнулись своими пятачками в посредственную кричащую обложку, закопались в дешёвый пахнущий усилителями вкуса фэстфудный ароматный текст, пропитанный сексом, страхом и вожделением, не смогли оторваться, продираясь сквозь слёзы, боль и оргазмы героини, пока не вынырнули на другой стороне, подтолкнув Сашу Шу на вершины мировых чартов.

Сделали её миллионером. Халифом на час. Какая ирония!

И теперь я еду на встречу с каким-то Драконом, что это вообще ещё за имечко такое, чтобы целовать его в попу, обещать золотые горы и миллионы прибыли на российском рынке. Что, кстати совсем недалеко от истины. Потому что публике уже скормили порцию дымящейся сладкой массы, и она, безусловно, захочет ещё. Ибо здесь есть всё: и хлеб, и зрелища.

И где-то за десятки тысяч километров от меня, прямо сейчас, в районе бульвара Сансет несколько талантливых сценаристов сидят и размышляют, как уместить убогий текст и такую же убогую историю в идеальное ложе хитового сериала *Netflix*

Но вот такси тормозит у прянично-нарядной витрины магазина, в которой пляшут разноцветные фигурки крысочеловечков, и я надеваю на себя вежливую деловую улыбку. В конце концов, я один из ведущих редакторов нашего издательства, и чтобы я не думала о художественной ценности текстов своих авторов, своё мнение я прячу очень глубоко внутри. Никто не должен знать, что подумал Кролик. Это закон.

Прохожу роскошный зал с гигантским раскидистым ананасом в центре, где сухонькие питерские бабуси томно попивают свои молочные коктейли с пирожными, поднимаюсь по дворянской лестнице и проваливаюсь в аристократическую роскошь позапрошлого века: сплошь яйца Фаберже, золото и бархат.

Пытаюсь среди кучки посетителей вычислить загадочного Дракона — наверняка какой-нибудь въедливый противный очкарик, как большинство мужчин в нашем бизнесе. С каким-то странным восточнославянским имечком.

— Меня ожидают, — сдержанно сообщаю подбегающему ко мне официанту.

— Ах, да-да, пройдёмте, — поводит крысиным носиком

тонкий официантик и ведёт меня за собой к огромному окну, где меня ждёт загадочный клиент.

— Добрдан, — встаёт он с места, протягивая руку, и я с удивлением про себя отмечаю, что для литературного агента он достаточно длинный. По крайней мере выше ростом всех остальных, с кем мне приходилось общаться за всю мою долгую карьеру.

Так уж сложилось, что книжки читают хилые мальчики, которые не интересуют девочек, и поэтому им приходится много учиться и становиться самыми умными, успешными и богатыми, чтобы в итоге утереть нос своим рослым тупым сверстникам, которые не способны ни на что другое, как только вызывать дрожь между ног у литературных героинь.

— Господин Дракон? — улыбаюсь я, пожимая руку литературного агента. — Простите, пожалуйста, ради Бога, у меня сдача тиража в печать, надо успеть в новогодние распродажи, — на ходу придумываю я оправдание тому, что бессовестно опоздала на важную деловую встречу, чуть ли не впервые в своей жизни. — Я очень надеюсь, что вы не скучали, и заказали себе что-то из местного меню, — тараторю я. — Оно просто великолепно.

— Инга, я очень рад, — наконец-то усаживаемся мы в мягкие кресла, и я украдкой разглядываю любопытного клиента.

Высокий, стройный брюнет за тридцать. Слегка небритый. Прямой породистый крупный нос. Тёмно-серые глаза.

Но есть что-то странное в его чертах: он явно нерусский, но и не похож на какого-нибудь немца, француза или американца Да ещё это имя: Дракон. Может быть, румын? Говорит с каким-то незнакомым, едва уловимым акцентом.

— Мне просто кофе, пожалуйста, без молока, — киваю я нависшему надо мной бестелесной тенью официанту и бросаю взгляд на заказ моего визави.

Я твёрдо убеждена: как о книге вполне себе можно судить по обложке, чтобы там не говорила народная мудрость, так и о человеке многое может рассказать то, что он выбирает в ресторанном меню.

А мой Дракон выбрал порцию блинов с чёрной икрой и молочный коктейль. Судя по цвету, шоколадный. И прямо сейчас ловко отправляет в рот кусочек деликатеса. Прожёвывает его, зажмурив глаза от удовольствия, и запивает всё это сладким пойлом. Ничего не скажешь. Какой автор, такой и литературный агент. Наверняка ещё на ночь романы своей Шу перечитывает. Со сценами насилия над невинной но очень сексуальной девушкой главарём мафии. Тоже очень сексуальным и притягательным. Как и все злодеи в этих книжках.

— Я очень рада нашему сотрудничеству, — мягко улыбаюсь я. — Для нашего издательства огромная честь представлять Сашу Шу на российском рынке. И я очень рада, что вы выбрали для презентации нашу страну. Особенно сейчас, когда многие авторы отвернулись от нас, — стараюсь доба-

вить я искренней теплоты в свой голос.

Потому что прекрасно понимаю, что с такими тиражами и продажами в интернете Саша Шу могла выбрать любую другую европейскую столицу для новогодней презентации.

— Ну что вы, мы с моей клиенткой просто обожаем Россию, — уверяет меня с набитым ртом Дракон, и тут я вспоминаю о главном:

— Позвольте узнать, а где же наш дорогой автор? Мы всем издательством были бы очень счастливы познакомиться с ней лично.

Я пытаюсь откопать в уголках памяти хоть какие-то публикации о Саше, но не припоминаю ничего

— Дело в том, что она ведёт затворнический образ жизни, — объясняет мне Дракон. — Ну вы понимаете, творческая личность, — подмигивает он мне, доедая второй блин.

И чёрная крошечная икринка застревает у него над верхней губой. Как бархатная мушка.

— Да, конечно понимаю, — серьёзно киваю я своему собеседнику. — Но позвольте, я уже начала разрабатывать план презентаций на весь месяц, а без Саши это будет выглядеть более чем странно, — объясняю я ещё одному придурку, заигравшемуся в шпионские страсти, как работает маркетинг в издательскому бизнесе.

Это Стивен Кинг или Пелевин пусть скрывают свои лица за мужественными интеллектуальными произведениями, а авторицы любовных романов должны представлять товар

лицом: в розовом и пудре! Чтобы их ненасытные читатели могли потрогать и пощупать своих кумиров. И никак иначе!

— Вы же сами понимаете, что книги Саши такие жизненные, такие живые, такие близкие людям, — подсыпаю я сиропных эпитетов, — и наши российские читательницы с нетерпением ждут встречи с ней! — восторженно объясняю я азбучные истины этому довольно жующему свою икру Дракону.

— Ах да, простите, вы меня неправильно поняли, — громко всасывает он свой молочный коктейль через трубочку, как будто пятилетний мальчишка в цирковом буфете.

И я даже не замечаю, как сама начинаю улыбаться. То ли его детской непосредственности, то ли от оглушающего звука.

— Саша Шу будет присутствовать на всех презентациях. Лично. Но я буду всегда рядом с ней, как агент и личный переводчик. Потому что Саша не говорит по-русски. И она очень много работает. Очень, — с победным звуком досасывает он шоколадную пенку и со звонким стуком ставит коктейль на стол. — Обожаю с детства молочные коктейли, а вы? — вдруг спрашивает меня Дракон, и я удивлённо смотрю на него.

— Я так давно их не пила, — пожимаю плечами. — Так давно, что даже успела позабыть их вкус.

— Тогда мы это сейчас легко исправим, — одним щелчком пальцев подзывает мой собеседник пронырливого офи-

цианта, и тот с ловкостью крысы подбегает к нам: — Ещё два коктейля, пожалуйста, — просит он. — Господице — ванильный, а мне — клубничный.

— А вы давно в Питере? — вежливо интересуюсь я у этого странного мужчины.

— Всего пару дней, — с блаженным видом откидывается тот на спинку своего кресла. — Поразительный город. Город мечты, — откровенничает Дракон. — Этот город можно читать как книгу, — наклоняется он ко мне через стол. — И она никогда не наскучит. Как самый увлекательный роман.

— Как поэтично, — хмыкаю я в ответ. Давно я не встречалась с такими восторженными описаниями своего вечно хмурящегося седого старика. — А я бы сама сравнила Санкт-Петербург с дряхлым и помятым жизнью аристократом. В бархатном вытертом фраке. Или даже нет. Вы знаете, этакой напудренной кокетливой разодетой дамой, но в грязном и загаженном исподнем, — загораются у меня самой глаза. — Все эти великолепные грандиозные фасады, которые призваны поразить воображение простого обывателя, но за которыми скрываются обоссанные ободранные подворотни с выселенными домами, — продолжаю я.

— Ну что же, полагаю, вы любите находить во всём тёмные стороны, — смотрит на меня внимательно Дракон, и мне становится почему-от неуютно от его пристального изучающего меня взгляда.

— Отчего же, — нервно кривлюсь я. — Я просто реально

смотрю на вещи. И вижу их такими, какие они есть. Вы приезжий, гость столицы, и вполне понятно, что вы не отходите далеко от туристических маршрутов. Но поверьте, наши тёмные колодцы дворов скрывают в себе много страшных секретов, — незаметно понижаю я голос, драматично намекая на тайны Санкт-Петербурга.

— Ваши коктейли, — передо мной ставят высокий хрустальный бокал.

— Пейте, — вдруг совершенно серьёзным тоном приказывает мне Дракон.

— Спасибо за угощение, но я, пожалуй, ограничусь кофе, — начинаю отнекиваться я, но мой собеседник, перебивает меня и пододвигает стакан почти к моим губам:

— Выпейте его, Инга, — и мне вдруг мерещится, что передо мной сидит не молодой мужчина в мягком кашемировом кардигане, а странный незнакомец в белом напудренном парике и с чёрной мушкой над губой. Как из позапрошлого века. Как мой старый Питер в человеческом обличье.

И я даже не контролирую, как мои губы обхватывают тонкую трубочку и начинают всасывать упоительно-ванильную пену.

— У неё вкус детства и облаков, ведь правда? — доносится до меня странный низкий голос, словно гипнотизирующий меня. — Мы все часто забываем, что мы делали и любили, когда были маленькими. А когда мы были маленькими, мы не видели на улицах грязи и мусора, а только беско-

нечные сокровища, которые мы могли случайно найти под ногами. Каждый день был для нас дверью в новый мир, на который мы смотрели сквозь чистое умытое окошко своего детства.

И пока сливочно-ванильные облака укутывают меня, я слышу, как Дракон продолжает свою речь:

— Но потом мы повзрослели и перестали видеть ежедневные обыденные чудеса вокруг. Перестали радоваться маленьким мелочам. Стали реально смотреть на вещи. И мир вокруг стал невыносимо скучным и предсказуемым. Ну как вам коктейль? — вдруг словно будит он меня от сладкого сна своим вопросом, и я пару мгновений с недоумением смотрю на Дракона, с трудом соображая, как я здесь вообще очутилась.

Вспоминаю. Мне кажется, я просто отключилась на минуту. Задумалась. Унеслась куда-то.

— Спасибо. Действительно очень вкусно, — улыбаюсь я.

— Вот и отлично, — смеётся Дракон. — Так что там у нас с нашим графиком? — вдруг переходит он на деловой тон, и я объясняю:

— Всё в почте. Я выслала всем расписание наших встреч с читателями в нескольких крупных городах страны. С датами и таймингом. У нас запланирован небольшой тур, и мы совместим его с презентацией звезды нашего издательского дома — Алекс Стар, — объясняю я ему. — Она будет у вас на разогреве, — добавляю я. Правда, надеюсь, моя Олеся об

этом никогда не узнает. — Она очень популярная писательница любовных романов у нас в стране, публика её просто обожает, и никто лучше неё не представит читателям Сашу Шу, — заканчиваю я свою тираду.

— Это просто отлично! — потирает руки Дракон. — Договорились! Я изучу ваш план, и мы с вами обязательно ещё встретимся до отъезда!

— Ну конечно, — кисло улыбаюсь я в ответ, понимая, что мне совершенно некогда ходить и развлекать этого Дракона в Питере. Но, видимо, придётся.

И тут мой телефон взрывается весёлой мелодией, и я судорожно нажимаю на экран, чтобы отключить звук.

— Прошу прощения, — бормочу я и вижу незнакомый номер.

Это может быть мой вчерашний принц!

— Ну что вы, ответьте, — предлагает мне Дракон.

— Спасибо, я перезвоню позже, ничего важного, — ну конечно же я даю понять, что для меня не может быть ничего важнее его как клиента в данную секунду!

Даже если мужчина моей мечты сейчас сидит и с замиранием сердца ждёт, что я возьму трубку. Хотя, о чём это я! Разве такие мужчины вообще ждут чего-то с замиранием сердца?

— Поразительно, что у вас на звонке стоит моя любимая мелодия, — замечает мой клиент.

— Да, неужели?— бормочу я, нервно поглядывая в окно.

И мне кажется, или на улице, прямо на Невском, я вижу крошечный дрожащий комочек в розовом?

Этого не может быть! Барби?!

— Да, это же песня из фильма Кустурицы «Жизнь как чудо»! — восклицает Драган.

— Ах, вы про это? Вы знаете, я каждый месяц устанавливаю на звонки новую мелодию. Ноябрь — месяц Балкан, в октябре был месяц венского вальса, — бормочу я, всё ещё пытаясь понять, действительно ли там мелькает между топочущих по мостовой прохожих розовое платьице мелкой сучки, или у меня просто уже начинаются галлюцинации, вызванные странным коктейлем?

— Балканы — моя родина, — гордо заявляет мне Дракон. — Я — серб, — чуть ли не бьёт он себя в грудь кулаком, и я с удивлением поворачиваю голову.

Ну да, это тогда многое объясняет: странный акцент, странное имя. Но не странные разговоры Хотя, мало ли что почудится на исходе рыдающей осени в бесконечно тёмном и сумрачном Питере. Не один писатель сошёл здесь с ума: сырость, болота и вечная северная ночь. Вот и у меня уже начинаются странные видения.

Но я стряхиваю с себя этот морок, как тонкую паутину, и, энергично пожимаю руку Дракону:

— Была очень рада с вами познакомиться, Дракон! Обязательно заканчивайте свой обед, я оплачу счёт, и я с вами сегодня же свяжусь! А сейчас, простите, много дел, в том

числе и в связи с нашей дорогой Сашей! Надо прочитать переводы и проверить редактуру перед печатью! — встаю я из кресла, собираясь убегать, и Дракон отвечает мне:

— Всё уже оплачено, Инга, не беспокойтесь. Следуйте за розовой собачкой.

— Что?! — переспрашиваю я, ошарашенная.

— Я сказал, что за всё уже заплачено. Жду от вас звонка, — смотрит на меня агент.

Так, я, кажется, начинаю сходить с ума. Что они вообще подмешивают здесь в свои коктейли?!

И я несусь бегом на улицу, где мне померещилась эта проклятая розовая Барби. Я уверена, что я совершенно не в себе.

Кто вообще звонит в такое время?! Я пытаюсь выкарабкаться из оплетающих меня тенёт сна, где смешались в одну сладкую массу обнажённые мускулистые торсы, нежные пальцы контрабасиста, мои ноги, обвивающие мужские напряжённые бёдра и брехливые мелкие собачки в розовом, пытающиеся тяпнуть меня за голую пятку.

Мой телефон продолжает буквально взрываться от залихватской мелодии, которую я как раз установила на ноябрь: что-то балканское, что выскочило первым в поисковике, и я брожу по тёмной комнате в поисках своего телефона, пока не нахожу его рядом со своей подушкой. Я же как раз вчера разговаривала перед сном с Ирой, и так и оставила его здесь.

— Слушаю, — хриплым неприветливым голосом бурчу я

в трубку.

— Добрый день! Это Инга? — слышу я радостный мужской голос на другом конце провода.

Он что, идиот? Звонить в такое время! По крайней мере, он точно не из Питера, где звонить людям до двух часов пополудни вообще считается моветоном…

— Да, это я, — недовольно бормочу в ответ. — С кем имею честь говорить?

— Драган. Драган Вескович! — продолжает радостный идиот. — У нас с вами назначена встреча в час дня. Я уже здесь.

— Что?! Какая встреча? — не понимаю я. — В час дня? А сейчас который час?

— Уже час десять! — весело отвечает мужчина.

Я не соображаю, что происходит, и судорожно хватаю свой планшет, валяющийся тут же, на кровати: а как же, я вчера так увлеклась прекрасным незнакомцем, с которым меня свела судьба в виде розовой собачки, что даже не удосужилась проверить почту.

И вот оно, письмо от Бельского: «Инга, завтра у тебя встреча с агентом Саши Шу – Драганом Весковичем в тринадцать ноль-ноль у Елисеевых».

Я мгновенно собираюсь, как натянутая струна ситары, и отвечаю:

— Простите, Дракон, я немного задержалась на встрече в типографии, у меня сдача книги в печать, но я уже в дороге

к вам. В такси, — с тревогой выглядываю я на свой плещущийся внизу канал Грибоедова. — Такие ужасные пробки, — напропалую вру я, на бегу стягивая с себя свою пижаму и зарываясь в шкаф в поисках хоть чего-то похожего на приличную одежду.

И, конечно же, не нахожу.

— Но я дико извиняюсь, и чтобы вам было не скучно меня ждать, предлагаю вам пока что-нибудь заказать себе на обед. У «Елисеевых» подают прекрасные блюда из осетрины, — злорадно предлагаю я.

Пусть мой дорогой начальник сам оплатит чёрную икру из представительских, раз уж назначил мне встречу в такую рань. Хотя я прекрасно понимаю, что Егор ни в чём не виноват: я никогда не пропускала раньше свои рабочие дела, а уж тем более не могла уснуть, не проверив предварительно рабочую почту перед сном.

Во всём виноват прекрасный Женя, всю ночь сжимавший меня в своих сладких мужественных объятиях, и мне становится противно от одних только воспоминаний.

Противно и невыносимо сладко одновременно… Так вот, значит, как это работает!

— Навигатор показывает полчаса, и я буду на месте, — проверяю я маршрут на мобильном, уже одной ногой влезая в штанину джинсов. — До встречи! — бодро рапортую в телефон, нажимаю отбой и натягиваю сверху какую-то странную блузку с рюшами, завалявшуюся у меня в шкафу.

Ничего страшного: очень даже современно. Джинсы и блузка, отлично! Подумаешь, литературный агент, это он меня должен угощать обедом, а не я его — чёрной икрой! Таких писак, как его Сашу Шу, на Амазоне пруд пруди!

Я прыгаю в очередное такси, и пока еду мимо родных обшарпанных стен любимого города, размышляю о превратностях судьбы и алгоритмов: ведь это очевидно, что какие-то сбои произошли в великой небесной машине, сместились мелкие шестерёночки, только для того, чтобы вывести на первые страницы поисковиков какой-то посредственный роман очередной посредственной домохозяйки.

И вот он попался на глаза сотням тысяч читателей, или сколько их там на Амазоне ежедневно, и они, как послушные свинки, тыкнулись своими пятачками в посредственную кричащую обложку, закопались в дешёвый пахнущий усилителями вкуса фэстфудный ароматный текст, пропитанный сексом, страхом и вожделением, не смогли оторваться, продираясь сквозь слёзы, боль и оргазмы героини, пока не вынырнули на другой стороне, подтолкнув Сашу Шу на вершины мировых чартов.

Сделали её миллионером. Халифом на час. Какая ирония!

И теперь я еду на встречу с каким-то Драконом, что это вообще ещё за имечко такое, чтобы целовать его в попу, обещать золотые горы и миллионы прибыли на российском рынке. Что, кстати совсем недалеко от истины. Потому что публике уже скормили порцию дымящейся сладкой массы,

и она, безусловно, захочет ещё. Ибо здесь есть всё: и хлеб и зрелища.

И где-то за десятки тысяч километров от меня, прямо сейчас, в районе бульвара Сансет несколько талантливых сценаристов сидят и размышляют, как уместить убогий текст и такую же убогую историю в идеальное ложе хитового сериала Netflix…

Но вот такси тормозит у прянично-нарядной витрины магазина, в которой пляшут разноцветные фигурки крысочеловечков, и я надеваю на себя вежливую деловую улыбку. В конце концов, я один из ведущих редакторов нашего издательства, и чтобы я не думала о художественной ценности текстов своих авторов, своё мнение я прячу очень глубоко внутри. Никто не должен знать, что подумал Кролик. Это закон.

Прохожу роскошный зал с гигантским раскидистым ананасом в центре, где сухонькие питерские бабуси томно попивают свои молочные коктейли с пирожными, поднимаюсь по дворянской лестнице и проваливаюсь в аристократическую роскошь позапрошлого века: сплошь яйца Фаберже, золото и бархат.

Пытаюсь среди кучки посетителей вычислить загадочного Дракона — наверняка какой-нибудь въедливый противный очкарик, как большинство мужчин в нашем бизнесе. С каким-то странным восточнославянским имечком.

— Меня ожидают, — сдержанно сообщаю подбегающему

ко мне официанту.

— Ах, да-да, пройдёмте, — поводит крысиным носиком тонкий официантик и ведёт меня за собой к огромному окну, где меня ждёт загадочный клиент.

— Добрдан, — встаёт он с места, протягивая руку, и я с удивлением про себя отмечаю, что для литературного агента он достаточно длинный. По крайней мере выше ростом всех остальных. С кем мне приходилось общаться за всю мою долгую карьеру.

Так уж сложилось, что книжки читают хилые мальчики, которые не интересуют девочек, и поэтому им приходится много учиться и становиться самыми умными, успешными и богатыми, чтобы в итоге утереть нос своим рослым тупым сверстникам, которые не способны ни на что другое, как только вызывать дрожь между ног у литературных героинь.

— Господин Дракон?— улыбаюсь я, пожимая руку литературного агента. — Простите, пожалуйста, ради Бога, у меня сдача тиража в печать, надо успеть в новогодние распродажи, — на ходу придумываю я оправдание тому, что бессовестно опоздала на важную деловую встречу, чуть ли не впервые в своей жизни. — Я очень надеюсь, что вы не скучали, и заказали себе что-то из местного меню, — тараторю я. — Оно просто великолепно.

— Инга, я очень рад, — наконец-то усаживаемся мы в мягкие кресла, и я украдкой разглядываю любопытного клиента.

Высокий, стройный брюнет за тридцать. Слегка небритый. Прямой породистый крупный нос. Тёмно-серые глаза. Но есть что-то странное в его чертах: он явно не русский, но и не похож на какого-нибудь немца, француза или американца… Да ещё это имя: Дракон. Может быть, румын? Говорит с каким-то незнакомым, едва уловимым акцентом.

— Мне просто кофе, пожалуйста, без молока, — киваю я нависшему надо мной бестелесной тенью официанту и бросаю взгляд на заказ моего визави.

Я твёрдо убеждена: как о книге вполне себе можно судить по обложке, чтобы там не говорила народная мудрость, так и о человеке многое может рассказать то, что он выбирает в ресторанном меню.

А мой Дракон выбрал порцию блинов с чёрной икрой и молочный коктейль. Судя по цвету, шоколадный. И прямо сейчас ловко отправляет в рот кусочек деликатеса. Прожёвывает его, зажмурив глаза от удовольствия, и запивает всё это сладким пойлом. Ничего не скажешь. Какой автор, такой и литературный агент. Наверняка ещё на ночь романы своей Шу перечитывает. Со сценами насилия над невинной но очень сексуальной девушкой главарём мафии. Тоже очень сексуальным и притягательным. Как и все злодеи в этих книжках.

— Я очень рада нашему сотрудничеству, — мягко улыбаюсь я. — Для нашего издательства — огромная честь представлять Сашу Шу на российском рынке. И я очень рада, что

вы выбрали для презентации нашу страну. Особенно сейчас, когда многие авторы отвернулись от нас, — стараюсь добавить я искренней теплоты в свой голос.

Потому что прекрасно понимаю, что с такими тиражами и продажами в интернете Саша Шу могла выбрать любую другую европейскую столицу для новогодней презентации.

— Ну что вы, мы с моей клиенткой просто обожаем Россию, — уверяет меня с набитым ртом Дракон, и тут я вспоминаю о главном:

— Позвольте узнать, а где же наш дорогой автор? Мы всем издательством были бы очень счастливы познакомиться с ней лично.

Я пытаюсь откопать в уголках памяти хоть какие-то публикации о Саше, но не припоминаю ничего…

— Дело в том, что она ведёт затворнический образ жизни, — объясняет мне Дракон. — Ну вы понимаете, творческая личность, — подмигивает он мне, доедая второй блин.

И чёрная крошечная икринка застревает у него над верхней губой. Как бархатная мушка.

— Да, конечно понимаю, — серьёзно киваю я своему собеседнику. — Но позвольте, я уже начала разрабатывать план презентаций на весь месяц, а без Саши это будет выглядеть более чем странно, — объясняю я ещё одному придурку, заигравшемуся в шпионские страсти, как работает маркетинг в издательскому бизнесе.

Это Стивен Кинг или Пелевин пусть скрывают свои ли-

ца за мужественными интеллектуальными произведениями, а авторицы любовных романов должны представлять товар лицом: в розовом и пудре! Чтобы их ненасытные читатели могли потрогать и пощупать своих кумиров. И никак иначе!

— Вы же сами понимаете, что книги Саши такие жизненные, такие живые, такие близкие людям, — подсыпаю я сиропных эпитетов, — и наши российские читательницы с нетерпением ждут встречи с ней! — восторженно объясняю я азбучные истины этому довольно жующему свою икру Дракону.

— Ах да, простите, вы меня неправильно поняли, — громко всасывает он свой молочный коктейль через трубочку, как будто пятилетний мальчишка в цирковом буфете.

И я даже не замечаю, как сама начинаю улыбаться. То ли его детской непосредственности, то ли от оглушающего звука.

— Саша Шу будет присутствовать на всех презентациях. Лично. Но я буду всегда рядом с ней, как агент и личный переводчик. Потому что Саша не говорит по-русски. И она очень много работает. Очень, — с победным звуком досасывает он шоколадную пенку и со звонким стуком ставит коктейль на стол. — Обожаю с детства молочные коктейли, а вы? — вдруг спрашивает меня Дракон, и я удивлённо смотрю на него.

— Я так давно их не пила, — пожимаю плечами. — Так давно, что даже успела позабыть их вкус.

— Тогда мы это сейчас легко исправим, — одним щелчком пальцев подзывает мой собеседник пронырливого официанта, и тот с ловкостью крысы подбегает к нам: — Ещё два коктейля, пожалуйста, — просит он. — Господице — ванильный, а мне — клубничный.

— А вы давно в Питере? — вежливо интересуюсь я у этого странного мужчины.

— Всего пару дней, — с блаженным видом откидывается тот на спинку своего кресла. — Поразительный город. Город мечты, — откровенничает Дракон. — Этот город можно читать как книгу, — наклоняется он ко мне через стол. — И она никогда не наскучит. Как самый увлекательный роман.

— Как поэтично, — хмыкаю я в ответ. Давно я не встречалась с такими восторженными описаниями своего вечно хмурящегося седого старика. — А я бы сама сравнила Санкт-Петербург с дряхлым и помятым жизнью аристократом. В бархатном вытертом фраке. Или даже нет. Вы знаете, с этакой напудренной кокетливой разодетой дамой, но в грязном и загаженном исподнем, — загораются у меня самой глаза. — Все эти великолепные грандиозные фасады, которые призваны поразить воображение простого обывателя, но за которыми скрываются обоссанные ободранные подворотни с выселенными домами, — продолжаю я.

— Ну что же, полагаю, вы любите находить во всём тёмные стороны, — смотрит на меня внимательно Дракон, и мне становится почему-от неуютно от его пристального изучаю-

щего меня взгляда.

— Отчего же, — нервно кривлюсь я. — Я просто реально смотрю на вещи. И вижу их такими, какие они есть. Вы приезжий, гость столицы, и вполне понятно, что вы не отходите далеко от туристических маршрутов. Но поверьте, наши тёмные колодцы дворов скрывают в себе много страшных тайн, — незаметно понижаю я голос, драматично намекая на тайны Санкт-Петербурга.

— Ваши коктейли, — передо мной ставят высокий хрустальный бокал.

— Пейте, — вдруг совершенно серьёзным тоном приказывает мне Дракон.

— Спасибо за угощение, но я, пожалуй, ограничусь кофе, — начинаю отнекиваться я, но мой собеседник, перебивает меня и пододвигает стакан почти к моим губам:

— Выпейте его, Инга, — и мне вдруг мерещится, что передо мной сидит не молодой мужчина в мягком кашемировом кардигане, а странный незнакомец в белом напудренном парике и с чёрной мушкой над губой. Как из позапрошлого века. Как мой старый Питер в человеческом обличье.

И я даже не контролирую, как мои губы обхватывают тонкую трубочку и начинают всасывать упоительно-ванильную пену.

— У неё вкус детства и облаков, ведь правда? — доносится до меня странный низкий голос, словно гипнотизирующий меня. — Мы все часто забываем, что мы делали и лю-

били, когда были маленькими. А когда мы были маленькими, мы не видели на улицах грязи и мусора, а только бесконечные сокровища, которые мы могли случайно найти под ногами. Каждый день был для нас дверью в новый мир, на который мы смотрели сквозь чистое умытое окошко своего детства.

И пока сливочно-ванильные облака укутывают меня, я слышу, как Дракон продолжает свою речь:

— Но потом мы повзрослели и перестали видеть ежедневные обыденные чудеса вокруг. Перестали радоваться маленьким мелочам. Стали реально смотреть на вещи. И мир вокруг стал невыносимо скучным и предсказуемым. Ну как вам коктейль? — вдруг словно будит он меня от сладкого сна своим вопросом, и я пару мгновений с недоумением смотрю на Драгана, с трудом соображая, как я здесь вообще очутилась.

Вспоминаю. Мне кажется, я просто отключилась на минуту. Задумалась. Унеслась куда-то.

— Спасибо. Действительно очень вкусно, — улыбаюсь я.

— Вот и отлично, — смеётся Драган. — Так что там у нас с нашим графиком? — вдруг переходит он на деловой тон, и я объясняю:

— Всё в почте. Я выслала всем расписание наших встреч с читателями в нескольких крупных городах страны. С датами и таймингом. У нас будет небольшой тур, и мы совместим его с презентацией звезды нашего издательского дома

— Алекс Стар, — объясняю я ему. — Она будет у вас на разогреве, — добавляю я. Правда, надеюсь, моя Олеся об этом никогда не догадается. — Она очень популярная писательница любовных романов у нас в стране, публика её просто обожает, и никто лучше неё не представит читателям Сашу Шу, — заканчиваю я свою тираду.

— Это просто отлично! — потирает руки Дракон. — Договорились! Я изучу ваш план, и мы с вами обязательно ещё встретимся до отъезда!

— Ну конечно, — кисло улыбаюсь я в ответ, понимая, что мне совершенно некогда ходить и развлекать этого Дракона в Питере. Но, видимо, придётся.

И тут мой телефон взрывается весёлой мелодией, и я судорожно нажимаю на экран, чтобы отключить звук.

— Прошу прощения, — бормочу я, и вижу незнакомый номер.

Это может быть мой вчерашний принц!

— Ну что вы, ответьте, — предлагает мне Дракон.

— Спасибо, я перезвоню, ничего важного, — ну конечно же я даю ему понять, что для меня не может быть ничего важнее моего клиента в данную секунду!

Даже если мужчина моей мечты сейчас сидит и с замиранием сердца ждёт, что я возьму трубку. Хотя, о чём это я! Разве такие мужчины вообще ждут чего-то с замиранием сердца?

— Поразительно, что у вас на звонке стоит моя любимая

мелодия, — замечает мой клиент.

— Да, неужели? — замечаю я, нервно поглядывая в окно. И мне кажется, или на улице, прямо на Невском, я вижу крошечный дрожащий комочек в розовом?

Этого не может быть! Барби?!

— Да, это же песня из фильма Кустурицы «Жизнь как чудо»! — восклицает Драган.

— Ах, вы про это? Вы знаете, я каждый месяц устанавливаю на звонки новую мелодию. Ноябрь — месяц Балкан, в октябре был месяц венского вальса, — бормочу я, всё ещё пытаясь понять, действительно ли там мелькает между топочущих по мостовой прохожих розовое платьице мелкой сучки, или у меня просто уже начинаются галлюцинации, вызванные странным коктейлем?

— Балканы — моя родина, — гордо заявляет мне Дракон. — Я — серб, — чуть ли не бьёт он себя в грудь кулаком, и я с удивлением поворачиваю голову.

Ну да, это тогда многое объясняет: странный акцент, странное имя. Но не странные разговоры… Хотя, мало ли что почудится на исходе рыдающей осени в бесконечно тёмном и сумрачном Питере. Не один писатель сошёл здесь с ума: сырость, болота и вечная северная ночь. Вот и у меня уже начинаются странные видения.

Но я стряхиваю с себя этот морок, как тонкую паутину, и, энергично пожимаю руку Дракону:

— Была очень рада с вами познакомиться, Дракон! Обя-

зательно заканчивайте свой обед, я оплачу счёт, и я с вами сегодня же свяжусь! А сейчас, простите, много дел, в том числе и в связи с нашей дорогой Сашей! Надо прочитать переводы и проверить редактуру перед печатью! — встаю я из кресла, собираясь убегать, и Дракон отвечает мне:

— Всё уже оплачено, Инга, не беспокойтесь. Следуйте за розовой собачкой.

— Что?! — переспрашиваю я, ошарашенная.

— Я сказал, что за всё уже заплачено. Жду от вас звонка, — смотрит на меня агент.

Так, я, кажется, начинаю сходить с ума. Что они вообще подмешивают здесь в свои коктейли?!

И я несусь бегом на улицу, где мне померещилась эта проклятая розовая Барби. Я уверена, что я совершенно не в себе.

5

Я выскакиваю в уже начинающий угасать день: северные дни такие слепые и короткие, и к моим ногам подкатывается розовый комочек. Этого не может быть!

— Барби? — окликаю я игрушечную собачку, и она вопросительно смотрит на меня.

Узнала, сучка.

— Ты опять сбежала? Второй раз за сутки? — спрашиваю я её, словно она сейчас мне подробно объяснит, как оказалась здесь.

Сбежала, чтобы оказаться за пару километров от дома, именно в том месте, где я должна встречаться с агентом? Всё это попахивает какой-то гоголевской чертовщиной, но я покорно беру собачонку на руки, и достаю заветную визитку.

Перед этим проверяю ошейник. На всякий случай. Золотой брелок с именем на месте. Ошибки быть не может: это именно моя собачка. И что там бормотал этот Дракон? Хотя, впрочем, мне кажется, что у меня уже просто галлюцинации.

— Женя, это Инга, — начинаю объясняться я, как только слышу чарующий низкий голос. Который переворачивает у меня всё внутри.

Это надо прекращать!

— Инга?! — радостно восклицает он в трубку, как будто он уже не ожидал меня услышать. Как будто сидел и специ-

ально ждал моего звонка. — Я как раз вам только что набирал!

— Да, извините, я была на важной встрече, — оправдываюсь я.

— Встречались с писателем? — переспрашивает красавчик.

— Почти. С литературным агентом. Но это неважно, — перебиваю я его восторженные вскрики. — Вы не представляете, кого я только что встретила сейчас на Невском, — бормочу я. — Вашу Барби!

— Барби?! Что с ней?! — мгновенно меняется его голос, словно ему сообщили, что его мама умерла, а дом сгорел.

— Не беспокойтесь, она со мной. Точнее, у меня на руках, — объясняю я ему. — Просто ума не приложу, как она здесь очутилась.

— Стойте там! — слышу я Женин голос. — Я еду, никуда не уходите! Сейчас буду! — кричит он мне. — Скажите только адрес!

Я оглядываюсь по сторонам. Такое ощущение, что я очутилась в дешёвом водевиле. Или прямо в одном из романов моей дорогой Алекс.

Как он там назывался? «Принц с собачкой»? Только там, кажется, был как раз мастиф Или всё-таки овчарка? Этого просто не может быть! Я сплю, мой Питер навевает на меня морок, и всё, что происходит вокруг — всего лишь плод мо-

его больного воображения.

Точнее, больного воображения Олеси Ивановой.

— Ты не поверишь, что со мной сейчас случилось, — начинаю я надиктовывать сообщение в мессенджер своей лучшей подруге. У нас с ней так принято: я ей не звоню и не пишу, а просто записываю ей голосовухи, когда у меня есть минутка, а она мне отвечает, когда у неё появляется окно между её многочисленными собачьими клиентами.

Но я не успеваю даже рассказать ей и половины всего, как сзади меня раздаётся тихий гудок, и Барби у меня на руках заливается диким визгливым лаем. Поворачиваю голову: у обочины стоит какой-то умопомрачительный спорткар цвета переливающегося на солнце изумруда, и из него уже легко и непринуждённо выскакивает мой прекрасный Женя.

У меня захватывает дух от одного его вида: он выглядит так неуместно в этом сером дне, как прекрасный распустившийся бутон розы в грязном подтаявшем снеге. Высокий, цветущий и мужественный, он подходит ко мне в два шага, и Барби прыгает ему на грудь.

— Как ты снова могла сбежать? — ласково выговаривает он своей питомице. И уже обращает на меня свой пленительный взгляд, от которого у меня внутри начинают бурлить пузырьки радости. — Я в неоплатном долгу перед вами, — начинает он. — Если бы вы только знали, что эта собачка значит для меня, — и Барби снова начинает вылизывать его

лицо. — Как я могу вас отблагодарить? Только скажите! — умоляет меня Евгений.

И мне хочется сказать ему: возьми меня здесь, прямо на капоте своей великолепной голливудской тачки, разложи меня, как последнюю шлюху, задери мою юбку и трахни прямо на глазах у этой угрюмой публики! Но вместо этого, конечно же, я, просто скромно потупив глаза в пол, отвечаю:

— Ну что вы, чашки кофе будет более чем достаточно.

Ну и к тому же я помню чёткие инструкции своей Иры Пчёлкиной: дай ему за тобой поохотиться. Женщина — всегда дичь, а мужчина — охотник.

— Да, конечно! У вас есть сейчас время? — с озабоченным видом спрашивает Евгений, и хотя у меня для него есть вся жизнь, которую я готова провести вместе с ним, валяясь в его жарких пряных объятиях, я, кинув беглый деловой взгляд на наручные часы, отвечаю:

— Пожалуй, полчаса. А потом надо снова бежать по делам.

Евгений галантно подставляет мне свой локоть, не отпуская из своих объятий розовую Барби, и я продеваю свою руку в его. Он идёт гордо по Невскому, и холодный ветер улиц развевает его густые каштановые волосы. Мой спутник такой неимоверно красивый в своём элегантном английском пальто и чёрных узких брюках, что чувство необъяснимой тайной гордости переполняет всю мою душу.

Я не без победного удовольствия и злорадства ловлю на себе завистливые взгляды проходящих мимо женщин и мужчин, и частичка сияющей красоты прекрасного принца словно переходит и на меня: мои плечи расправляются, подбородок сам собой задирается вверх, а поступь делается увереннее и пластичнее. Ещё немного, и я сама поверю в то, что я неимоверная красавица, достойная такого мужчины.

— К Елисеевым? — спрашивает меня мой спутник, и я тут же яростно мотаю головой.

Не хватало мне ещё наткнуться там снова на этого странного Дракона. Заколдовавшего меня. Нагнавшего на меня морок старинных питерских болот

— А давайте лучше в «Север-Метрополь»? — предлагаю я, уводя подальше Женю от моего странного нового знакомого.

Мы усаживаемся с ним в бархатные кресла, и я про себя отмечаю, что никто даже слова не посмел сказать моему статному красавцу по поводу его собачонки. Хотя с животными вход запрещён.

Но стоило ему только открыть рот: «Будьте добры, два пирожных *Алые паруса* и два больших капучино, пожалуйста», — и лицо продавщицы расплывается в приветливой улыбке, озаряющей все её эклеры на витрине. И только в ответ: «Присаживайтесь, сейчас всё принесём! Какой милый пёсик!», и Барби скалит в ответ свои крошечные белоснежные зубки.

Не удивлюсь, если он ей чистит их каждый день зубной

щёткой и нитью. Какая поразительная забота!

Но факт остаётся фактом: я утопаю в бархатном золочёном кресле, пока самый красивый мужчина северной столицы угощает меня кофе с пирожными. И моё сердце в груди прыгает от одной его близости как бешеный заяц, но я стараюсь вести себя сдержанно и скромно, чтобы никто даже и не догадался, какой дремлющий вулкан вдруг проснулся во мне.

— Простите, что снова отвлекли вас от очень важных дел, — извиняется Женя, ласково поглядывая на Барби, устроившуюся на его коленях. На которых я и сама бы сейчас не отказалась посидеть. Чтобы почувствовать под тонкими слоями ткани его твёрдый стальной — Вы, наверное, встречались с каким-нибудь известным писателем? — прерывает он мои липкие фантазии, и я пожимаю плечами, вспоминая странного Дракона.

— Да нет, с литературным агентом. Можно сказать, с клиентом, — объясняю я. — Известные авторы, особенно зарубежные, как правило имеют собственных агентов, которые и представляют все их интересы в издательствах. Своего рода прослойка. Прокладка, — мстительно добавляю я.

Потому что эта прокладка собирает слишком много денег, на сумму которых вырастает часть гонорара. С другой стороны, наша талантливая Олеся Иванова предпочитает работать без агента, и поэтому все её причуды приходится терпеть мне. Зато никаких процентов.

Я отламываю вилкой кусочек пирожного с романтическим названием *Алые паруса* и чувствую на языке вкус сливочного крема и варёной сгущенки: прямо как в детстве. И лёгкая кислинка брусники с горечью миндаля. И вспоминаю странный заколдованный коктейль у Елисеевых. Наверняка этот Дракон подсунул в него что-то, надо быть с ним начеку, — проносится у меня в голове. И ещё этот официант странный, прямо как из балета «Щелкунчик»

— Такое интересное название, — разбавляю я тишину ценным замечанием. — У пирожного. Прямо, как у книги

— А вы любите «Алые паруса»? — спрашивает меня мой принц. Который и сам как невиданный капитан Грей, словно приплыл ко мне из волшебной страны.

— Ну, знаете ли, — мнусь я. — Конечно же, это считается бесспорной классикой. Но по сути, это вся та же сказка про Золушку, только в других декорациях, вы не находите? — отхлёбываю я свой капучино и рассматриваю прекрасное лицо, спрятавшись за молочную шапку пены.

— Ну тогда практически любую книгу можно назвать сказкой про Золушку, — со смехом отвечает Женя.

И даже смех у него такой грудной. Манящий. Призывный. И я замечаю, как несколько посетительниц оборачиваются на этот чарующий звук и застывают, не в состоянии отвести взгляда от нас. Точнее, от него.

— Возьмите любую историю, и там будет обязательно принц и простая девушка. Да хоть эти, как их, — морщит он

свой высокий лоб, припоминая, — «Пятьдесят оттенков»! — радостно восклицает он. — И даже имя главного героя – Грей.

— Да, вы правы, — вынуждена согласиться я. — Наверное, потому что девочек с пелёнок воспитывают на этих простеньких сказках, из которых всем бы пора уже вырасти, и стоит им только хоть немного повзрослеть, они пересаживаются на какие-нибудь «Сумерки» или те же самые «Оттенки», — кривлюсь я, как от кислого лимона.

— А что в этом плохого? — вдруг задаёт резонный вопрос Евгений. — Что плохого в принцах?

Действительно, что же в них плохого? Учитывая, что сейчас один из них как раз сидит прямо напротив? Я смотрю на серый день за окном, которому осталось совсем немного, и, наконец-то, отвечаю:

— Возможно, потому что принцев катастрофически мало? Не хватает на всех? — выдаю я. Капитан Очевидность.

— Я думаю, если ты настоящая принцесса, и тебе даже горошинка — булыжник, то твой принц обязательно найдёт тебя, — глубокомысленно добавляет Женя и смотрит на меня своими сказочными синими глазами.

— А чем вы занимаетесь, Евгений? — перевожу я разговор в другое русло. А то что-то слишком много волшебства для меня на сегодня.

— А я вам не говорил? — спохватывается он. — Я адвокат. Специализируюсь на семейном и гражданском праве.

Развожу людей. Делю имущество, — ухмыляется он в свой кофе.

— Как интересно, — бормочу я.

И в самом деле: всё интереснее и интереснее. Какой экземпляр. Какой самец. Так и съела бы его. Как самка богомола. Или паучиха.

Но я не подаю и вида, а словно невзначай спрашиваю:

— А ваша жена кто по профессии? — и сразу же отправляю в рот кусок шоколада. Если он скажет, что женат, то я хотя бы смягчу эту горечь.

— У меня нет жены, — отвечает он. — Развёлся.

И я с наслаждением жую свой кусочек. Никогда не ела таких вкусных десертов!

— Мне жаль, — вежливо добавляю я, опустив глаза в свою чашку, хотя мне совершенно не жаль! Я просто на седьмом небе от счастья! По крайне мере, дорога чиста.

— Ничего страшного, спасибо. Я уже пережил это, — неужели его вообще способен кто-то бросить?! — Вы знаете, я даже завёл себе хобби. Я ведь президент питерского Клуба холостяков.

— Что?! — вылетают у меня изо рта обломок миндаля.

— Просто клуб, куда мы приглашаем всех одиноких мужчин нашего города. В этом что-то есть, согласитесь?

— Определённо, — вежливо отвечаю я. — И что в вашем уставе, позвольте узнать? Вы не приветствуете браки? Запрещаете их? Или избегаете женщин?

— Да нет, что вы! Всё не так запущенно, — улыбается Женя. — Я просто ещё пока не встретил свою принцессу. Но первым же распущу свой клуб, если это со мной случится, — доверительно сообщает он мне, и моё сердце превращается в клубок шёлковых ниток.

Нежных, мягких, крепких.

Я его принцесса. Его Ассоль. Ему только надо это наконец-то дать понять.

И маленькая Барби, сидящая на коленях своего хозяина, вдруг начинает рычать на меня.

«Инга, жду тебя через час», — моргает мой телефон сообщением от босса, и я начинаю вежливо прощаться со своим кавалером. Хотя мне не хочется расставаться с ним даже на минуту. Мне надо срочно придумать очередной предлог, чтобы ещё раз с ним встретиться, но не думаю, что его Барби сбежит от своего хозяина в очередной раз.

— Что, уже пора на работу? — кивает на мой мобильный Женя, и я отвечаю:

— К сожалению, мне надо бежать. Неотложные дела. Книги не ждут! — виновато улыбаюсь я.

Знал бы Евгений, какие книги мне приходится подписывать в печать! Это тебе не «Алые паруса» Александра Грина. А пошлые, потные и влажные любовные романчики, которые втихаря читают под прилавком продавщицы «Ленты». Или женщины, едущие в метро с работы. Или затраханные жиз-

нью мамочки, выкраивающие вечером для себя пять минут блаженства в мире сверкающих миллионеров, пока их заляпанные молочной смесью детишки посапывают в кроватках.

— А какую книгу вы сейчас готовите в печать? — с неподдельным интересом спрашивает этот брутальный красавец, и я, словно извиняясь, выдавливаю из себя:

— Вот сейчас как раз уходит в типографию новый бестселлер топового автора *Amazon*Саши Шу «Двести дней у мафии», — потупив глазки в свой недопитый капучино, скрепя сердце признаюсь я.

Хотя, конечно же, с большим бы удовольствием сообщила, что я выпускающий редактор Ханьи Янагихары. Или Селесты Инг. Видимо, пора уже соглашаться на Достоевского.

И тут глаза моего собеседника загораются настоящим небесным светом, и он с искренним восхищением переспрашивает:

— Самой Саши Шу? Не могу поверить! Я же читал её в оригинале и не смог оторваться! Прочитал за одну ночь! — с воодушевлением рассказывает он мне, и я с недоверием смотрю на Женю.

Про ту ли Сашу Шу он говорит?

— «Двести дней у мафии»! Да это же просто новая классика любовного романа, — продолжает мой принц, и Барби тихонько поскуливает ему в такт. — И вы будете работать с самой Сашей?! — недоверчиво смотрит он на меня, как будто я только что объявила ему, что я — высшая жрица культа

Ктулху.

Загадочная и недосягаемая. Имеющая прямой доступ к божественному телу. И теперь я ловлю в его взгляде толику обожания. Она перешла и на меня.

И это мне нравится. Согревает. Возносит. Покрывает меня волшебной пыльцой феи Динь-Динь.

— А вы знали, что ходят слухи, что Саша на самом деле состояла в преступной группировке? Была её членом? И она скрывает свою личность, потому что боится быть раскрытой? Опасается, что её найдут? — переспрашивает меня Женя, а мне стыдно признаться ему, что я даже не читала её бессмертные романы.

И вообще до вчерашнего дня не подозревала, что когда-нибудь с ней буду иметь дело. Но сейчас я, приосанившись и подняв на него взгляд, твёрдо и уверено отвечаю:

— Ну конечно. И мы даже через пару дней отправляемся в небольшой рекламный тур по стране с Сашей Шу и Алекс Стар, чтобы представить читателям их новинки.

— Какая у вас интересная работа! — в восхищении взирает на меня Евгений. — Знаменитые писатели! Туры! Бестселлеры! И с самой Сашей Шу! Никто же даже не знает, как она выглядит!

Ну что же, я не хочу разочаровывать своего собеседника и высказывать ему свои предположения, что, скорее всего, она выглядит как девяносто процентов всех авторов женских романов: неприметных женщины за сорок, немного по-

мятых и лицом, и одеждой, как правило в очках и с фиолетовыми волосами в косичках. Портрет среднестатистической современной писательницы. Правда, иногда встречаются яркие исключения, как наша Алекс Стар. И поэтому я улыбаюсь и скромно отвечаю:

— Хотите, я вас как-нибудь познакомлю? — и вижу, как разливается тёмно-синее небо в лучезарных глазах Евгения.

— Барби? — окликаю я игрушечную собачку, и она вопросительно смотрит на меня.

Узнала, сучка.

— Ты опять сбежала? Второй раз за сутки? — спрашиваю я её, словно она сейчас мне подробно объяснит, как оказалась здесь.

Сбежала, чтобы оказаться за пару километров от дома, именно в том месте, где я должна встречаться с агентом? Всё это попахивает какой-то гоголевской чертовщиной, но я покорно беру собачонку на руки, и достаю заветную визитку.

Перед этим проверяю ошейник. На всякий случай. Золотой брелок с именем на месте. Ошибки быть не может: это именно моя собачка. И что там бормотал этот Дракон? Хотя, впрочем, мне кажется, что у меня уже просто галлюцинации.

— Женя, это Инга, — начинаю объясняться я, как только слышу чарующий низкий голос. Который переворачивает у меня всё внутри.

Это надо прекращать!

— Инга?! — радостно восклицает он в трубку, как будто

он уже не ожидал меня услышать. Как будто сидел и специально ждал моего звонка. — Я как раз вам только что набирал!

— Да, извините, я была на важной встрече, — оправдываюсь я.

— Встречались с писателем? — переспрашивает красавчик.

— Почти. С литературным агентом. Но это неважно, — перебиваю я его восторженные вскрики. — Вы не представляете, кого я только что встретила сейчас на Невском, — бормочу я. — Вашу Барби!

— Барби?! Что с ней?! — мгновенно меняется его голос, словно ему сообщили, что его мама умерла, а дом сгорел.

— Не беспокойтесь, она со мной. Точнее, у меня на руках, — объясняю я ему. — Просто ума не приложу, как она здесь очутилась.

— Стойте там! — слышу я Женин голос. — Я еду, никуда не уходите! Сейчас буду! — кричит он мне. — Скажите только адрес!

Я оглядываюсь по сторонам. Такое ощущение, что я очутилась в дешёвом водевиле. Или прямо в одном из романов моей дорогой Алекс.

Как он там назывался? «Принц с собачкой»? Только там, кажется, был как раз мастиф Или всё-таки овчарка? Этого просто не может быть! Я сплю, мой Питер навевает на меня

морок, и всё, что происходит вокруг — всего лишь плод моего больного воображения.

Точнее, больного воображения Олеси Ивановой.

— Ты не поверишь, что со мной сейчас случилось, — начинаю я надиктовывать сообщение в мессенджер своей лучшей подруге. У нас с ней так принято: я ей не звоню и не пишу, а просто записываю ей голосовухи, когда у меня есть минутка, а она мне отвечает, когда у неё появляется окно между её многочисленными собачьими клиентами.

Но я не успеваю даже рассказать ей и половины всего, как сзади меня раздаётся тихий гудок, и Барби у меня на руках заливается диким визгливым лаем. Поворачиваю голову: у обочины стоит какой-то умопомрачительный спорткар цвета переливающегося на солнце изумруда, и из него уже легко и непринуждённо выскакивает мой прекрасный Женя.

У меня захватывает дух от одного его вида: он выглядит так неуместно в этом сером дне, как прекрасный распустившийся бутон розы в грязном подтаявшем снеге. Высокий, цветущий и мужественный, он подходит ко мне в два шага, и Барби прыгает ему на грудь.

— Как ты снова могла сбежать? — ласково выговаривает он своей питомице. И уже обращает на меня свой пленительный взгляд, от которого у меня внутри начинают бурлить пузырьки радости. — Я в неоплатном долгу перед вами, — начинает он. — Если бы вы только знали, что эта собачка

значит для меня, — и Барби снова начинает вылизывать его лицо. — Как я могу вас отблагодарить? Только скажите! — умоляет меня Евгений.

И мне хочется сказать ему: возьми меня здесь, прямо на капоте своей великолепной голливудской тачки, разложи меня, как последнюю шлюху, задери мою юбку и трахни прямо на глазах у этой угрюмой публики! Но вместо этого, конечно же, я, просто скромно потупив глаза в пол, отвечаю:

— Ну что вы, чашки кофе будет более чем достаточно.

Ну и к тому же я помню чёткие инструкции своей Иры Пчёлкиной: дай ему за тобой поохотиться. Женщина — всегда дичь, а мужчина — охотник.

— Да, конечно! У вас есть сейчас время? — с озабоченным видом спрашивает Евгений, и хотя у меня для него есть вся жизнь, которую я готова провести вместе с ним, валяясь в его жарких пряных объятиях, я, кинув беглый деловой взгляд на наручные часы, отвечаю:

— Пожалуй, полчаса. А потом надо снова бежать по делам.

Евгений галантно подставляет мне свой локоть, не отпуская из своих объятий розовую Барби, и я продеваю свою руку в его. Он идёт гордо по Невскому, и холодный ветер улиц развевает его густые каштановые волосы. Мой спутник такой неимоверно красивый в своём элегантном английском пальто и чёрных узких брюках, что чувство необъяснимой тай-

ной гордости переполняет всю мою душу.

Я не без победного удовольствия и злорадства ловлю на себе завистливые взгляды проходящих мимо женщин и мужчин, и частичка сияющей красоты прекрасного принца словно переходит и на меня: мои плечи расправляются, подбородок сам собой задирается вверх, а поступь делается увереннее и пластичнее. Ещё немного, и я сама поверю в то, что я неимоверная красавица, достойная такого мужчины.

— К Елисеевым? — спрашивает меня мой спутник, и я тут же яростно мотаю головой.

Не хватало мне ещё наткнуться там снова на этого странного Дракона. Заколдовавшего меня. Нагнавшего на меня морок старинных питерских болот

— А давайте лучше в «Север-Метрополь»? — предлагаю я, уводя подальше Женю от моего странного нового знакомого.

Мы усаживаемся с ним в бархатные кресла, и я про себя отмечаю, что никто даже слова не посмел сказать моему статному красавцу по поводу его собачонки. Хотя с животными вход запрещён.

Но стоило ему только открыть рот: «Будьте добры, два пирожных *Алые паруса* и два больших капучино, пожалуйста», — и лицо продавщицы расплывается в приветливой улыбке, озаряющей все её эклеры на витрине. И только в ответ: «Присаживайтесь, сейчас всё принесём! Какой милый пёсик!», и Барби скалит в ответ свои крошечные белоснежные зубки.

Не удивлюсь, если он ей чистит их каждый день зубной щёткой и нитью. Какая поразительная забота!

Но факт остаётся фактом: я утопаю в бархатном золочёном кресле, пока самый красивый мужчина северной столицы угощает меня кофе с пирожными. И моё сердце в груди прыгает от одной его близости как бешеный заяц, но я стараюсь вести себя сдержанно и скромно, чтобы никто даже и не догадался, какой дремлющий вулкан вдруг проснулся во мне.

— Простите, что снова отвлекли вас от очень важных дел, — извиняется Женя, ласково поглядывая на Барби, устроившуюся на его коленях. На которых я и сама бы сейчас не отказалась посидеть. Чтобы почувствовать под тонкими слоями ткани его твёрдый стальной — Вы, наверное, встречались с каким-нибудь известным писателем? — прерывает он мои липкие фантазии, и я пожимаю плечами, вспоминая странного Дракона.

— Да нет, с литературным агентом. Можно сказать, с клиентом, — объясняю я. — Известные авторы, особенно зарубежные, как правило имеют собственных агентов, которые и представляют все их интересы в издательствах. Своего рода прослойка. Прокладка, — мстительно добавляю я.

Потому что эта прокладка собирает слишком много денег, на сумму которых вырастает часть гонорара. С другой стороны, наша талантливая Олеся Иванова предпочитает работать без агента, и поэтому все её причуды приходится тер-

петь мне. Зато никаких процентов.

Я отламываю вилкой кусочек пирожного с романтическим названием *Алые паруса* и чувствую на языке вкус сливочного крема и варёной сгущенки: прямо как в детстве. И лёгкая кислинка брусники с горечью миндаля. И вспоминаю странный заколдованный коктейль у Елисеевых. Наверняка этот Дракон подсунул в него что-то, надо быть с ним начеку, — проносится у меня в голове. И ещё этот официант странный, прямо как из балета «Щелкунчик»

— Такое интересное название, — разбавляю я тишину ценным замечанием. — У пирожного. Прямо, как у книги

— А вы любите «Алые паруса»? — спрашивает меня мой принц. Который и сам как невиданный капитан Грей, словно приплыл ко мне из волшебной страны.

— Ну, знаете ли, — мнусь я. — Конечно же, это считается бесспорной классикой. Но по сути, это вся та же сказка про Золушку, только в других декорациях, вы не находите? — отхлёбываю я свой капучино и рассматриваю прекрасное лицо, спрятавшись за молочную шапку пены.

— Ну тогда практически любую книгу можно назвать сказкой про Золушку, — со смехом отвечает Женя.

И даже смех у него такой грудной. Манящий. Призывный. И я замечаю, как несколько посетительниц оборачиваются на этот чарующий звук и застывают, не в состоянии отвести взгляда от нас. Точнее, от него.

— Возьмите любую историю, и там будет обязательно

принц и простая девушка. Да хоть эти, как их, — морщит он свой высокий лоб, припоминая, — «Пятьдесят оттенков»! — радостно восклицает он. — И даже имя главного героя – Грей.

— Да, вы правы, — вынуждена согласиться я. — Наверное, потому что девочек с пелёнок воспитывают на этих простеньких сказках, из которых всем бы пора уже вырасти, и стоит им только хоть немного повзрослеть, они пересаживаются на какие-нибудь «Сумерки» или те же самые «Оттенки», — кривлюсь я, как от кислого лимона.

— А что в этом плохого? — вдруг задаёт резонный вопрос Евгений. — Что плохого в принцах?

Действительно, что же в них плохого? Учитывая, что сейчас один из них как раз сидит прямо напротив? Я смотрю на серый день за окном, которому осталось совсем немного, и, наконец-то, отвечаю:

— Возможно, потому что принцев катастрофически мало? Не хватает на всех? — выдаю я. Капитан Очевидность.

— Я думаю, если ты настоящая принцесса, и тебе даже горошинка — булыжник, то твой принц обязательно найдёт тебя, — глубокомысленно добавляет Женя и смотрит на меня своими сказочными синими глазами.

— А чем вы занимаетесь, Евгений? — перевожу я разговор в другое русло. А то что-то слишком много волшебства для меня на сегодня.

— А я вам не говорил? — спохватывается он. — Я ад-

вокат. Специализируюсь на семейном и гражданском праве. Развожу людей. Делю имущество, — ухмыляется он в свой кофе.

— Как интересно, — бормочу я.

И в самом деле: всё интереснее и интереснее. Какой экземпляр. Какой самец. Так и съела бы его. Как самка богомола. Или паучиха.

Но я не подаю и вида, а словно невзначай спрашиваю:

— А ваша жена кто по профессии? — и сразу же отправляю в рот кусок шоколада. Если он скажет, что женат, то я хотя бы смягчу эту горечь.

— У меня нет жены, — отвечает он. — Развёлся.

И я с наслаждением жую свой кусочек. Никогда не ела таких вкусных десертов!

— Мне жаль, — вежливо добавляю я, опустив глаза в свою чашку, хотя мне совершенно не жаль! Я просто на седьмом небе от счастья! По крайне мере, дорога чиста.

— Ничего страшного, спасибо. Я уже пережил это, — неужели его вообще способен кто-то бросить?! — Вы знаете, я даже завёл себе хобби. Я ведь президент питерского Клуба холостяков.

— Что?! — вылетают у меня изо рта обломок миндаля.

— Просто клуб, куда мы приглашаем всех одиноких мужчин нашего города. В этом что-то есть, согласитесь?

— Определённо, — вежливо отвечаю я. — И что в вашем уставе, позвольте узнать? Вы не приветствуете браки? Запре-

щаете их? Или избегаете женщин?

— Да нет, что вы! Всё не так запущенно, — улыбается Женя. — Я просто ещё пока не встретил свою принцессу. Но первым же распущу свой клуб, если это со мной случится, — доверительно сообщает он мне, и моё сердце превращается в клубок шёлковых ниток.

Нежных, мягких, крепких.

Я его принцесса. Его Ассоль. Ему только надо это наконец-то дать понять.

И маленькая Барби, сидящая на коленях своего хозяина, вдруг начинает рычать на меня.

«Инга, жду тебя через час», — моргает мой телефон сообщением от босса, и я начинаю вежливо прощаться со своим кавалером. Хотя мне не хочется расставаться с ним даже на минуту. Мне надо срочно придумать очередной предлог, чтобы ещё раз с ним встретиться, но не думаю, что его Барби сбежит от своего хозяина в очередной раз.

— Что, уже пора на работу? — кивает на мой мобильный Женя, и я отвечаю:

— К сожалению, мне надо бежать. Неотложные дела. Книги не ждут! — виновато улыбаюсь я.

Знал бы Евгений, какие книги мне приходится подписывать в печать! Это тебе не «Алые паруса» Александра Грина. А пошлые, потные и влажные любовные романчики, которые втихаря читают под прилавком продавщицы «Ленты». Или

женщины, едущие в метро с работы. Или затраханные жизнью мамочки, выкраивающие вечером для себя пять минут блаженства в мире сверкающих миллионеров, пока их заляпанные молочной смесью детишки посапывают в кроватках.

— А какую книгу вы сейчас готовите в печать? — с неподдельным интересом спрашивает этот брутальный красавец, и я, словно извиняясь, выдавливаю из себя:

— Вот сейчас как раз уходит в типографию новый бестселлер топового автора *Amazon*Саши Шу «Двести дней у мафии», — потупив глазки в свой недопитый капучино, скрепя сердце признаюсь я.

Хотя, конечно же, с большим бы удовольствием сообщила, что я выпускающий редактор Ханьи Янагихары. Или Селесты Инг. Видимо, пора уже соглашаться на Достоевского.

И тут глаза моего собеседника загораются настоящим небесным светом, и он с искренним восхищением переспрашивает:

— Самой Саши Шу? Не могу поверить! Я же читал её в оригинале и не смог оторваться! Прочитал за одну ночь! — с воодушевлением рассказывает он мне, и я с недоверием смотрю на Женю.

Про ту ли Сашу Шу он говорит?

— «Двести дней у мафии»! Да это же просто новая классика любовного романа, — продолжает мой принц, и Барби тихонько поскуливает ему в такт. — И вы будете работать с самой Сашей?! — недоверчиво смотрит он на меня, как буд-

то я только что объявила ему, что я — высшая жрица культа Ктулху.

Загадочная и недосягаемая. Имеющая прямой доступ к божественному телу. И теперь я ловлю в его взгляде толику обожания. Она перешла и на меня.

И это мне нравится. Согревает. Возносит. Покрывает меня волшебной пыльцой феи Динь-Динь.

— А вы знали, что ходят слухи, что Саша на самом деле состояла в преступной группировке? Была её членом? И она скрывает свою личность, потому что боится быть раскрытой? Опасается, что её найдут? — переспрашивает меня Женя, а мне стыдно признаться ему, что я даже не читала её бессмертные романы.

И вообще до вчерашнего дня не подозревала, что когда-нибудь с ней буду иметь дело. Но сейчас я, приосанившись и подняв на него взгляд, твёрдо и уверено отвечаю:

— Ну конечно. И мы даже через пару дней отправляемся в небольшой рекламный тур по стране с Сашей Шу и Алекс Стар, чтобы представить читателям их новинки.

— Какая у вас интересная работа! — в восхищении взирает на меня Евгений. — Знаменитые писатели! Туры! Бестселлеры! И с самой Сашей Шу! Никто же даже не знает, как она выглядит!

Ну что же, я не хочу разочаровывать своего собеседника и высказывать ему свои предположения, что, скорее всего, она выглядит как девяносто процентов всех авторов жен-

ских романов: неприметных женщины за сорок, немного помятых и лицом, и одеждой, как правило в очках и с фиолетовыми волосами в косичках. Портрет среднестатистической современной писательницы. Правда, иногда встречаются яркие исключения, как наша Алекс Стар. И поэтому я улыбаюсь и скромно отвечаю:

— Хотите, я вас как-нибудь познакомлю? — и вижу, как разливается тёмно-синее небо в лучезарных глазах Евгения.

— Барби? — окликаю я игрушечную собачку, и она вопросительно смотрит на меня.

Узнала, сучка.

— Ты опять сбежала? Второй раз за сутки? — спрашиваю я её, словно она сейчас мне подробно объяснит, как оказалась здесь.

Сбежала, чтобы оказаться за пару километров от дома, именно в том месте, где я должна встречаться с агентом? Всё это попахивает какой-то гоголевской чертовщиной, но я покорно беру собачонку на руки, и достаю заветную визитку.

Перед этим проверяю ошейник. На всякий случай. Золотой брелок с именем на месте. Ошибки быть не может: это именно моя собачка. И что там бормотал этот Дракон? Хотя, впрочем, мне кажется, что у меня уже просто галлюцинации.

— Женя, это Инга, — начинаю объясняться я, как только слышу чарующий низкий голос. Который переворачивает у меня всё внутри.

Это надо прекращать!

— Инга?! — радостно восклицает он в трубку, как будто он уже не ожидал меня услышать. Как будто сидел и специально ждал моего звонка. — Я как раз вам только что набирал!

— Да, извините, я была на важной встрече, — оправдываюсь я.

— Встречались с писателем? — переспрашивает красавчик.

— Почти. С литературным агентом. Но это неважно, — перебиваю я его восторженные вскрики. — Вы не представляете, кого я только что встретила сейчас на Невском, — бормочу я. — Вашу Барби!

— Барби?! Что с ней?! — мгновенно меняется его голос, словно ему сообщили, что его мама умерла, а дом сгорел.

— Не беспокойтесь, она со мной. Точнее, у меня на руках, — объясняю я ему. — Просто ума не приложу, как она здесь очутилась.

— Стойте там! — слышу я Женин голос. — Я еду, никуда не уходите! Сейчас буду! — кричит он мне. — Скажите только адрес!

Я оглядываюсь по сторонам. Такое ощущение, что я очутилась в дешёвом водевиле. Или прямо в одном из романов моей дорогой Алекс.

Как он там назывался? «Принц с собачкой»? Только там, кажется, был как раз мастиф Или всё-таки овчарка? Этого

просто не может быть! Я сплю, мой Питер навевает на меня морок, и всё, что происходит вокруг — всего лишь плод моего больного воображения.

Точнее, больного воображения Олеси Ивановой.

— Ты не поверишь, что со мной сейчас случилось, — начинаю я надиктовывать сообщение в мессенджер своей лучшей подруге. У нас с ней так принято: я ей не звоню и не пишу, а просто записываю ей голосовухи, когда у меня есть минутка, а она мне отвечает, когда у неё появляется окно между её многочисленными собачьими клиентами.

Но я не успеваю даже рассказать ей и половины всего, как сзади меня раздаётся тихий гудок, и Барби у меня на руках заливается диким визгливым лаем. Поворачиваю голову: у обочины стоит какой-то умопомрачительный спорткар цвета переливающегося на солнце изумруда, и из него уже легко и непринуждённо выскакивает мой прекрасный Женя.

У меня захватывает дух от одного его вида: он выглядит так неуместно в этом сером дне, как прекрасный распустившийся бутон розы в грязном подтаявшем снеге. Высокий, цветущий и мужественный, он подходит ко мне в два шага, и Барби прыгает ему на грудь.

— Как ты снова могла сбежать? — ласково выговаривает он своей питомице. И уже обращает на меня свой пленительный взгляд, от которого у меня внутри начинают бурлить пузырьки радости. — Я в неоплатном долгу перед вами, —

начинает он. — Если бы вы только знали, что эта собачка значит для меня, — и Барби снова начинает вылизывать его лицо. — Как я могу вас отблагодарить? Только скажите! — умоляет меня Евгений.

И мне хочется сказать ему: возьми меня здесь, прямо на капоте своей великолепной голливудской тачки, разложи меня, как последнюю шлюху, задери мою юбку и трахни прямо на глазах у этой угрюмой публики! Но вместо этого, конечно же, я, просто скромно потупив глаза в пол, отвечаю:

— Ну что вы, чашки кофе будет более чем достаточно.

Ну и к тому же я помню чёткие инструкции своей Иры Пчёлкиной: дай ему за тобой поохотиться. Женщина — всегда дичь, а мужчина — охотник.

— Да, конечно! У вас есть сейчас время? — с озабоченным видом спрашивает Евгений, и хотя у меня для него есть вся жизнь, которую я готова провести вместе с ним, валяясь в его жарких пряных объятиях, я, кинув беглый деловой взгляд на наручные часы, отвечаю:

— Пожалуй, полчаса. А потом надо снова бежать по делам.

Евгений галантно подставляет мне свой локоть, не отпуская из своих объятий розовую Барби, и я продеваю свою руку в его. Он идёт гордо по Невскому, и холодный ветер улиц развевает его густые каштановые волосы. Мой спутник такой неимоверно красивый в своём элегантном английском паль-

то и чёрных узких брюках, что чувство необъяснимой тайной гордости переполняет всю мою душу.

Я не без победного удовольствия и злорадства ловлю на себе завистливые взгляды проходящих мимо женщин и мужчин, и частичка сияющей красоты прекрасного принца словно переходит и на меня: мои плечи расправляются, подбородок сам собой задирается вверх, а поступь делается увереннее и пластичнее. Ещё немного, и я сама поверю в то, что я неимоверная красавица, достойная такого мужчины.

— К Елисеевым? — спрашивает меня мой спутник, и я тут же яростно мотаю головой.

Не хватало мне ещё наткнуться там снова на этого странного Дракона. Заколдовавшего меня. Нагнавшего на меня морок старинных питерских болот

— А давайте лучше в «Север-Метрополь»? — предлагаю я, уводя подальше Женю от моего странного нового знакомого.

Мы усаживаемся с ним в бархатные кресла, и я про себя отмечаю, что никто даже слова не посмел сказать моему статному красавцу по поводу его собачонки. Хотя с животными вход запрещён.

Но стоило ему только открыть рот: «Будьте добры, два пирожных *Алые паруса* и два больших капучино, пожалуйста», — и лицо продавщицы расплывается в приветливой улыбке, озаряющей все её эклеры на витрине. И только в ответ: «Присаживайтесь, сейчас всё принесём! Какой милый пёсик!», и

Барби скалит в ответ свои крошечные белоснежные зубки.

Не удивлюсь, если он ей чистит их каждый день зубной щёткой и нитью. Какая поразительная забота!

Но факт остаётся фактом: я утопаю в бархатном золочёном кресле, пока самый красивый мужчина северной столицы угощает меня кофе с пирожными. И моё сердце в груди прыгает от одной его близости как бешеный заяц, но я стараюсь вести себя сдержанно и скромно, чтобы никто даже и не догадался, какой дремлющий вулкан вдруг проснулся во мне.

— Простите, что снова отвлекли вас от очень важных дел, — извиняется Женя, ласково поглядывая на Барби, устроившуюся на его коленях. На которых я и сама бы сейчас не отказалась посидеть. Чтобы почувствовать под тонкими слоями ткани его твёрдый стальной — Вы, наверное, встречались с каким-нибудь известным писателем? — прерывает он мои липкие фантазии, и я пожимаю плечами, вспоминая странного Дракона.

— Да нет, с литературным агентом. Можно сказать, с клиентом, — объясняю я. — Известные авторы, особенно зарубежные, как правило имеют собственных агентов, которые и представляют все их интересы в издательствах. Своего рода прослойка. Прокладка, — мстительно добавляю я.

Потому что эта прокладка собирает слишком много денег, на сумму которых вырастает часть гонорара. С другой стороны, наша талантливая Олеся Иванова предпочитает рабо-

тать без агента, и поэтому все её причуды приходится терпеть мне. Зато никаких процентов.

Я отламываю вилкой кусочек пирожного с романтическим названием *Алые паруса* и чувствую на языке вкус сливочного крема и варёной сгущенки: прямо как в детстве. И лёгкая кислинка брусники с горечью миндаля. И вспоминаю странный заколдованный коктейль у Елисеевых. Наверняка этот Дракон подсунул в него что-то, надо быть с ним начеку, — проносится у меня в голове. И ещё этот официант странный, прямо как из балета «Щелкунчик»

— Такое интересное название, — разбавляю я тишину ценным замечанием. — У пирожного. Прямо, как у книги

— А вы любите «Алые паруса»? — спрашивает меня мой принц. Который и сам как невиданный капитан Грей, словно приплыл ко мне из волшебной страны.

— Ну, знаете ли, — мнусь я. — Конечно же, это считается бесспорной классикой. Но по сути, это вся та же сказка про Золушку, только в других декорациях, вы не находите? — отхлёбываю я свой капучино и рассматриваю прекрасное лицо, спрятавшись за молочную шапку пены.

— Ну тогда практически любую книгу можно назвать сказкой про Золушку, — со смехом отвечает Женя.

И даже смех у него такой грудной. Манящий. Призывный. И я замечаю, как несколько посетительниц оборачиваются на этот чарующий звук и застывают, не в состоянии отвести взгляда от нас. Точнее, от него.

— Возьмите любую историю, и там будет обязательно принц и простая девушка. Да хоть эти, как их, — морщит он свой высокий лоб, припоминая, — «Пятьдесят оттенков»! — радостно восклицает он. — И даже имя главного героя – Грей.

— Да, вы правы, — вынуждена согласиться я. — Наверное, потому что девочек с пелёнок воспитывают на этих простеньких сказках, из которых всем бы пора уже вырасти, и стоит им только хоть немного повзрослеть, они пересаживаются на какие-нибудь «Сумерки» или те же самые «Оттенки», — кривлюсь я, как от кислого лимона.

— А что в этом плохого? — вдруг задаёт резонный вопрос Евгений. — Что плохого в принцах?

Действительно, что же в них плохого? Учитывая, что сейчас один из них как раз сидит прямо напротив? Я смотрю на серый день за окном, которому осталось совсем немного, и, наконец-то, отвечаю:

— Возможно, потому что принцев катастрофически мало? Не хватает на всех? — выдаю я. Капитан Очевидность.

— Я думаю, если ты настоящая принцесса, и тебе даже горошинка — булыжник, то твой принц обязательно найдёт тебя, — глубокомысленно добавляет Женя и смотрит на меня своими сказочными синими глазами.

— А чем вы занимаетесь, Евгений? — перевожу я разговор в другое русло. А то что-то слишком много волшебства для меня на сегодня.

— А я вам не говорил? — спохватывается он. — Я адвокат. Специализируюсь на семейном и гражданском праве. Развожу людей. Делю имущество, — ухмыляется он в свой кофе.

— Как интересно, — бормочу я.

И в самом деле: всё интереснее и интереснее. Какой экземпляр. Какой самец. Так и съела бы его. Как самка богомола. Или паучиха.

Но я не подаю и вида, а словно невзначай спрашиваю:

— А ваша жена кто по профессии? — и сразу же отправляю в рот кусок шоколада. Если он скажет, что женат, то я хотя бы смягчу эту горечь.

— У меня нет жены, — отвечает он. — Развёлся.

И я с наслаждением жую свой кусочек. Никогда не ела таких вкусных десертов!

— Мне жаль, — вежливо добавляю я, опустив глаза в свою чашку, хотя мне совершенно не жаль! Я просто на седьмом небе от счастья! По крайне мере, дорога чиста.

— Ничего страшного, спасибо. Я уже пережил это, — неужели его вообще способен кто-то бросить?! — Вы знаете, я даже завёл себе хобби. Я ведь президент питерского Клуба холостяков.

— Что?! — вылетают у меня изо рта обломок миндаля.

— Просто клуб, куда мы приглашаем всех одиноких мужчин нашего города. В этом что-то есть, согласитесь?

— Определённо, — вежливо отвечаю я. — И что в вашем

уставе, позвольте узнать? Вы не приветствуете браки? Запрещаете их? Или избегаете женщин?

— Да нет, что вы! Всё не так запущенно, — улыбается Женя. — Я просто ещё пока не встретил свою принцессу. Но первым же распущу свой клуб, если это со мной случится, — доверительно сообщает он мне, и моё сердце превращается в клубок шёлковых ниток.

Нежных, мягких, крепких.

Я его принцесса. Его Ассоль. Ему только надо это наконец-то дать понять.

И маленькая Барби, сидящая на коленях своего хозяина, вдруг начинает рычать на меня.

«Инга, жду тебя через час», — моргает мой телефон сообщением от босса, и я начинаю вежливо прощаться со своим кавалером. Хотя мне не хочется расставаться с ним даже на минуту. Мне надо срочно придумать очередной предлог, чтобы ещё раз с ним встретиться, но не думаю, что его Барби сбежит от своего хозяина в очередной раз.

— Что, уже пора на работу? — кивает на мой мобильный Женя, и я отвечаю:

— К сожалению, мне надо бежать. Неотложные дела. Книги не ждут! — виновато улыбаюсь я.

Знал бы Евгений, какие книги мне приходится подписывать в печать! Это тебе не «Алые паруса» Александра Грина. А пошлые, потные и влажные любовные романчики, которые

втихаря читают под прилавком продавщицы «Ленты». Или женщины, едущие в метро с работы. Или затраханные жизнью мамочки, выкраивающие вечером для себя пять минут блаженства в мире сверкающих миллионеров, пока их заляпанные молочной смесью детишки посапывают в кроватках.

— А какую книгу вы сейчас готовите в печать? — с неподдельным интересом спрашивает этот брутальный красавец, и я, словно извиняясь, выдавливаю из себя:

— Вот сейчас как раз уходит в типографию новый бестселлер топового автора *Amazon*Саши Шу «Двести дней у мафии», — потупив глазки в свой недопитый капучино, скрепя сердце признаюсь я.

Хотя, конечно же, с большим бы удовольствием сообщила, что я выпускающий редактор Ханьи Янагихары. Или Селесты Инг. Видимо, пора уже соглашаться на Достоевского.

И тут глаза моего собеседника загораются настоящим небесным светом, и он с искренним восхищением переспрашивает:

— Самой Саши Шу? Не могу поверить! Я же читал её в оригинале и не смог оторваться! Прочитал за одну ночь! — с воодушевлением рассказывает он мне, и я с недоверием смотрю на Женю.

Про ту ли Сашу Шу он говорит?

— «Двести дней у мафии»! Да это же просто новая классика любовного романа, — продолжает мой принц, и Барби тихонько поскуливает ему в такт. — И вы будете работать с

самой Сашей?! — недоверчиво смотрит он на меня, как будто я только что объявила ему, что я — высшая жрица культа Ктулху.

Загадочная и недосягаемая. Имеющая прямой доступ к божественному телу. И теперь я ловлю в его взгляде толику обожания. Она перешла и на меня.

И это мне нравится. Согревает. Возносит. Покрывает меня волшебной пыльцой феи Динь-Динь.

— А вы знали, что ходят слухи, что Саша на самом деле состояла в преступной группировке? Была её членом? И она скрывает свою личность, потому что боится быть раскрытой? Опасается, что её найдут? — переспрашивает меня Женя, а мне стыдно признаться ему, что я даже не читала её бессмертные романы.

И вообще до вчерашнего дня не подозревала, что когда-нибудь с ней буду иметь дело. Но сейчас я, приосанившись и подняв на него взгляд, твёрдо и уверено отвечаю:

— Ну конечно. И мы даже через пару дней отправляемся в небольшой рекламный тур по стране с Сашей Шу и Алекс Стар, чтобы представить читателям их новинки.

— Какая у вас интересная работа! — в восхищении взирает на меня Евгений. — Знаменитые писатели! Туры! Бестселлеры! И с самой Сашей Шу! Никто же даже не знает, как она выглядит!

Ну что же, я не хочу разочаровывать своего собеседника и высказывать ему свои предположения, что, скорее все-

го, она выглядит как девяносто процентов всех авторов женских романов: неприметных женщины за сорок, немного помятых и лицом, и одеждой, как правило в очках и с фиолетовыми волосами в косичках. Портрет среднестатистической современной писательницы. Правда, иногда встречаются яркие исключения, как наша Алекс Стар. И поэтому я улыбаюсь и скромно отвечаю:

— Хотите, я вас как-нибудь познакомлю? — и вижу, как разливается тёмно-синее небо в лучезарных глазах Евгения.

— Барби? — окликаю я игрушечную собачку, и она вопросительно смотрит на меня.

Узнала, сучка.

— Ты опять сбежала? Второй раз за сутки? — спрашиваю я её, словно она сейчас мне подробно объяснит, как оказалась здесь.

Сбежала, чтобы оказаться за пару километров от дома, именно в том месте, где я должна встречаться с агентом? Всё это попахивает какой-то гоголевской чертовщиной, но я покорно беру собачонку на руки, и достаю заветную визитку.

Перед этим проверяю ошейник. На всякий случай. Золотой брелок с именем на месте. Ошибки быть не может: это именно моя собачка. И что там бормотал этот Дракон? Хотя, впрочем, мне кажется, что у меня уже просто галлюцинации.

— Женя, это Инга, — начинаю объясняться я, как только слышу чарующий низкий голос. Который переворачивает у меня всё внутри.

Это надо прекращать!

— Инга?! — радостно восклицает он в трубку, как будто он уже не ожидал меня услышать. Как будто сидел и специально ждал моего звонка. — Я как раз вам только что набирал!

— Да, извините, я была на важной встрече, — оправдываюсь я.

— Встречались с писателем? — переспрашивает красавчик.

— Почти. С литературным агентом. Но это неважно, — перебиваю я его восторженные вскрики. — Вы не представляете, кого я только что встретила сейчас на Невском, — бормочу я. — Вашу Барби!

— Барби?! Что с ней?! — мгновенно меняется его голос, словно ему сообщили, что его мама умерла, а дом сгорел.

— Не беспокойтесь, она со мной. Точнее, у меня на руках, — объясняю я ему. — Просто ума не приложу, как она здесь очутилась.

— Стойте там! — слышу я Женин голос. — Я еду, никуда не уходите! Сейчас буду! — кричит он мне. — Скажите только адрес!

Я оглядываюсь по сторонам. Такое ощущение, что я очутилась в дешёвом водевиле. Или прямо в одном из романов моей дорогой Алекс.

Как он там назывался? «Принц с собачкой»? Только там,

кажется, был как раз мастиф Или всё-таки овчарка? Этого просто не может быть! Я сплю, мой Питер навевает на меня морок, и всё, что происходит вокруг — всего лишь плод моего больного воображения.

Точнее, больного воображения Олеси Ивановой.

— Ты не поверишь, что со мной сейчас случилось, — начинаю я надиктовывать сообщение в мессенджер своей лучшей подруге. У нас с ней так принято: я ей не звоню и не пишу, а просто записываю ей голосовухи, когда у меня есть минутка, а она мне отвечает, когда у неё появляется окно между её многочисленными собачьими клиентами.

Но я не успеваю даже рассказать ей и половины всего, как сзади меня раздаётся тихий гудок, и Барби у меня на руках заливается диким визгливым лаем. Поворачиваю голову: у обочины стоит какой-то умопомрачительный спорткар цвета переливающегося на солнце изумруда, и из него уже легко и непринуждённо выскакивает мой прекрасный Женя.

У меня захватывает дух от одного его вида: он выглядит так неуместно в этом сером дне, как прекрасный распустившийся бутон розы в грязном подтаявшем снеге. Высокий, цветущий и мужественный, он подходит ко мне в два шага, и Барби прыгает ему на грудь.

— Как ты снова могла сбежать? — ласково выговаривает он своей питомице. И уже обращает на меня свой пленительный взгляд, от которого у меня внутри начинают бурлить

пузырьки радости. — Я в неоплатном долгу перед вами, — начинает он. — Если бы вы только знали, что эта собачка значит для меня, — и Барби снова начинает вылизывать его лицо. — Как я могу вас отблагодарить? Только скажите! — умоляет меня Евгений.

И мне хочется сказать ему: возьми меня здесь, прямо на капоте своей великолепной голливудской тачки, разложи меня, как последнюю шлюху, задери мою юбку и трахни прямо на глазах у этой угрюмой публики! Но вместо этого, конечно же, я, просто скромно потупив глаза в пол, отвечаю:

— Ну что вы, чашки кофе будет более чем достаточно.

Ну и к тому же я помню чёткие инструкции своей Иры Пчёлкиной: дай ему за тобой поохотиться. Женщина — всегда дичь, а мужчина — охотник.

— Да, конечно! У вас есть сейчас время? — с озабоченным видом спрашивает Евгений, и хотя у меня для него есть вся жизнь, которую я готова провести вместе с ним, валяясь в его жарких пряных объятиях, я, кинув беглый деловой взгляд на наручные часы, отвечаю:

— Пожалуй, полчаса. А потом надо снова бежать по делам.

Евгений галантно подставляет мне свой локоть, не отпуская из своих объятий розовую Барби, и я продеваю свою руку в его. Он идёт гордо по Невскому, и холодный ветер улиц развевает его густые каштановые волосы. Мой спутник такой

неимоверно красивый в своём элегантном английском пальто и чёрных узких брюках, что чувство необъяснимой тайной гордости переполняет всю мою душу.

Я не без победного удовольствия и злорадства ловлю на себе завистливые взгляды проходящих мимо женщин и мужчин, и частичка сияющей красоты прекрасного принца словно переходит и на меня: мои плечи расправляются, подбородок сам собой задирается вверх, а поступь делается увереннее и пластичнее. Ещё немного, и я сама поверю в то, что я неимоверная красавица, достойная такого мужчины.

— К Елисеевым? — спрашивает меня мой спутник, и я тут же яростно мотаю головой.

Не хватало мне ещё наткнуться там снова на этого странного Дракона. Заколдовавшего меня. Нагнавшего на меня морок старинных питерских болот

— А давайте лучше в «Север-Метрополь»? — предлагаю я, уводя подальше Женю от моего странного нового знакомого.

Мы усаживаемся с ним в бархатные кресла, и я про себя отмечаю, что никто даже слова не посмел сказать моему статному красавцу по поводу его собачонки. Хотя с животными вход запрещён.

Но стоило ему только открыть рот: «Будьте добры, два пирожных *Алые паруса* и два больших капучино, пожалуйста», — и лицо продавщицы расплывается в приветливой улыбке, озаряющей все её эклеры на витрине. И только в ответ: «При-

саживайтесь, сейчас всё принесём! Какой милый пёсик!», и Барби скалит в ответ свои крошечные белоснежные зубки.

Не удивлюсь, если он ей чистит их каждый день зубной щёткой и нитью. Какая поразительная забота!

Но факт остаётся фактом: я утопаю в бархатном золочёном кресле, пока самый красивый мужчина северной столицы угощает меня кофе с пирожными. И моё сердце в груди прыгает от одной его близости как бешеный заяц, но я стараюсь вести себя сдержанно и скромно, чтобы никто даже и не догадался, какой дремлющий вулкан вдруг проснулся во мне.

— Простите, что снова отвлекли вас от очень важных дел, — извиняется Женя, ласково поглядывая на Барби, устроившуюся на его коленях. На которых я и сама бы сейчас не отказалась посидеть. Чтобы почувствовать под тонкими слоями ткани его твёрдый стальной — Вы, наверное, встречались с каким-нибудь известным писателем? — прерывает он мои липкие фантазии, и я пожимаю плечами, вспоминая странного Дракона.

— Да нет, с литературным агентом. Можно сказать, с клиентом, — объясняю я. — Известные авторы, особенно зарубежные, как правило имеют собственных агентов, которые и представляют все их интересы в издательствах. Своего рода прослойка. Прокладка, — мстительно добавляю я.

Потому что эта прокладка собирает слишком много денег, на сумму которых вырастает часть гонорара. С другой сто-

роны, наша талантливая Олеся Иванова предпочитает работать без агента, и поэтому все её причуды приходится терпеть мне. Зато никаких процентов.

Я отламываю вилкой кусочек пирожного с романтическим названием *Алые паруса* и чувствую на языке вкус сливочного крема и варёной сгущенки: прямо как в детстве. И лёгкая кислинка брусники с горечью миндаля. И вспоминаю странный заколдованный коктейль у Елисеевых. Наверняка этот Дракон подсунул в него что-то, надо быть с ним начеку, — проносится у меня в голове. И ещё этот официант странный, прямо как из балета «Щелкунчик»

— Такое интересное название, — разбавляю я тишину ценным замечанием. — У пирожного. Прямо, как у книги

— А вы любите «Алые паруса»? — спрашивает меня мой принц. Который и сам как невиданный капитан Грей, словно приплыл ко мне из волшебной страны.

— Ну, знаете ли, — мнусь я. — Конечно же, это считается бесспорной классикой. Но по сути, это вся та же сказка про Золушку, только в других декорациях, вы не находите? — отхлёбываю я свой капучино и рассматриваю прекрасное лицо, спрятавшись за молочную шапку пены.

— Ну тогда практически любую книгу можно назвать сказкой про Золушку, — со смехом отвечает Женя.

И даже смех у него такой грудной. Манящий. Призывный. И я замечаю, как несколько посетительниц оборачиваются на этот чарующий звук и застывают, не в состоянии отвести

взгляда от нас. Точнее, от него.

— Возьмите любую историю, и там будет обязательно принц и простая девушка. Да хоть эти, как их, — морщит он свой высокий лоб, припоминая, — «Пятьдесят оттенков»! — радостно восклицает он. — И даже имя главного героя – Грей.

— Да, вы правы, — вынуждена согласиться я. — Наверное, потому что девочек с пелёнок воспитывают на этих простеньких сказках, из которых всем бы пора уже вырасти, и стоит им только хоть немного повзрослеть, они пересаживаются на какие-нибудь «Сумерки» или те же самые «Оттенки», — кривлюсь я, как от кислого лимона.

— А что в этом плохого? — вдруг задаёт резонный вопрос Евгений. — Что плохого в принцах?

Действительно, что же в них плохого? Учитывая, что сейчас один из них как раз сидит прямо напротив? Я смотрю на серый день за окном, которому осталось совсем немного, и, наконец-то, отвечаю:

— Возможно, потому что принцев катастрофически мало? Не хватает на всех? — выдаю я. Капитан Очевидность.

— Я думаю, если ты настоящая принцесса, и тебе даже горошинка — булыжник, то твой принц обязательно найдёт тебя, — глубокомысленно добавляет Женя и смотрит на меня своими сказочными синими глазами.

— А чем вы занимаетесь, Евгений? — перевожу я разговор в другое русло. А то что-то слишком много волшебства

для меня на сегодня.

— А я вам не говорил? — спохватывается он. — Я адвокат. Специализируюсь на семейном и гражданском праве. Развожу людей. Делю имущество, — ухмыляется он в свой кофе.

— Как интересно, — бормочу я.

И в самом деле: всё интереснее и интереснее. Какой экземпляр. Какой самец. Так и съела бы его. Как самка богомола. Или паучиха.

Но я не подаю и вида, а словно невзначай спрашиваю:

— А ваша жена кто по профессии? — и сразу же отправляю в рот кусок шоколада. Если он скажет, что женат, то я хотя бы смягчу эту горечь.

— У меня нет жены, — отвечает он. — Развёлся.

И я с наслаждением жую свой кусочек. Никогда не ела таких вкусных десертов!

— Мне жаль, — вежливо добавляю я, опустив глаза в свою чашку, хотя мне совершенно не жаль! Я просто на седьмом небе от счастья! По крайне мере, дорога чиста.

— Ничего страшного, спасибо. Я уже пережил это, — неужели его вообще способен кто-то бросить?! — Вы знаете, я даже завёл себе хобби. Я ведь президент питерского Клуба холостяков.

— Что?! — вылетают у меня изо рта обломок миндаля.

— Просто клуб, куда мы приглашаем всех одиноких мужчин нашего города. В этом что-то есть, согласитесь?

— Определённо, — вежливо отвечаю я. — И что в вашем уставе, позвольте узнать? Вы не приветствуете браки? Запрещаете их? Или избегаете женщин?

— Да нет, что вы! Всё не так запущенно, — улыбается Женя. — Я просто ещё пока не встретил свою принцессу. Но первым же распущу свой клуб, если это со мной случится, — доверительно сообщает он мне, и моё сердце превращается в клубок шёлковых ниток.

Нежных, мягких, крепких.

Я его принцесса. Его Ассоль. Ему только надо это наконец-то дать понять.

И маленькая Барби, сидящая на коленях своего хозяина, вдруг начинает рычать на меня.

«Инга, жду тебя через час», — моргает мой телефон сообщением от босса, и я начинаю вежливо прощаться со своим кавалером. Хотя мне не хочется расставаться с ним даже на минуту. Мне надо срочно придумать очередной предлог, чтобы ещё раз с ним встретиться, но не думаю, что его Барби сбежит от своего хозяина в очередной раз.

— Что, уже пора на работу? — кивает на мой мобильный Женя, и я отвечаю:

— К сожалению, мне надо бежать. Неотложные дела. Книги не ждут! — виновато улыбаюсь я.

Знал бы Евгений, какие книги мне приходится подписывать в печать! Это тебе не «Алые паруса» Александра Грина.

А пошлые, потные и влажные любовные романчики, которые втихаря читают под прилавком продавщицы «Ленты». Или женщины, едущие в метро с работы. Или затраханные жизнью мамочки, выкраивающие вечером для себя пять минут блаженства в мире сверкающих миллионеров, пока их заляпанные молочной смесью детишки посапывают в кроватках.

— А какую книгу вы сейчас готовите в печать? — с неподдельным интересом спрашивает этот брутальный красавец, и я, словно извиняясь, выдавливаю из себя:

— Вот сейчас как раз уходит в типографию новый бестселлер топового автора *Amazon*Саши Шу «Двести дней у мафии», — потупив глазки в свой недопитый капучино, скрепя сердце признаюсь я.

Хотя, конечно же, с большим бы удовольствием сообщила, что я выпускающий редактор Ханьи Янагихары. Или Селесты Инг. Видимо, пора уже соглашаться на Достоевского.

И тут глаза моего собеседника загораются настоящим небесным светом, и он с искренним восхищением переспрашивает:

— Самой Саши Шу? Не могу поверить! Я же читал её в оригинале и не смог оторваться! Прочитал за одну ночь! — с воодушевлением рассказывает он мне, и я с недоверием смотрю на Женю.

Про ту ли Сашу Шу он говорит?

— «Двести дней у мафии»! Да это же просто новая классика любовного романа, — продолжает мой принц, и Барби

тихонько поскуливает ему в такт. — И вы будете работать с самой Сашей?! — недоверчиво смотрит он на меня, как будто я только что объявила ему, что я — высшая жрица культа Ктулху.

Загадочная и недосягаемая. Имеющая прямой доступ к божественному телу. И теперь я ловлю в его взгляде толику обожания. Она перешла и на меня.

И это мне нравится. Согревает. Возносит. Покрывает меня волшебной пыльцой феи Динь-Динь.

— А вы знали, что ходят слухи, что Саша на самом деле состояла в преступной группировке? Была её членом? И она скрывает свою личность, потому что боится быть раскрытой? Опасается, что её найдут? — переспрашивает меня Женя, а мне стыдно признаться ему, что я даже не читала её бессмертные романы.

И вообще до вчерашнего дня не подозревала, что когда-нибудь с ней буду иметь дело. Но сейчас я, приосанившись и подняв на него взгляд, твёрдо и уверено отвечаю:

— Ну конечно. И мы даже через пару дней отправляемся в небольшой рекламный тур по стране с Сашей Шу и Алекс Стар, чтобы представить читателям их новинки.

— Какая у вас интересная работа! — в восхищении взирает на меня Евгений. — Знаменитые писатели! Туры! Бестселлеры! И с самой Сашей Шу! Никто же даже не знает, как она выглядит!

Ну что же, я не хочу разочаровывать своего собеседни-

ка и высказывать ему свои предположения, что, скорее всего, она выглядит как девяносто процентов всех авторов женских романов: неприметных женщины за сорок, немного помятых и лицом, и одеждой, как правило в очках и с фиолетовыми волосами в косичках. Портрет среднестатистической современной писательницы. Правда, иногда встречаются яркие исключения, как наша Алекс Стар. И поэтому я улыбаюсь и скромно отвечаю:

— Хотите, я вас как-нибудь познакомлю? — и вижу, как разливается тёмно-синее небо в лучезарных глазах Евгения.

— Барби? — окликаю я игрушечную собачку, и она вопросительно смотрит на меня.

Узнала, сучка.

— Ты опять сбежала? Второй раз за сутки? — спрашиваю я её, словно она сейчас мне подробно объяснит, как оказалась здесь.

Сбежала, чтобы оказаться за пару километров от дома, именно в том месте, где я должна встречаться с агентом? Всё это попахивает какой-то гоголевской чертовщиной, но я покорно беру собачонку на руки, и достаю заветную визитку.

Перед этим проверяю ошейник. На всякий случай. Золотой брелок с именем на месте. Ошибки быть не может: это именно моя собачка. И что там бормотал этот Дракон? Хотя, впрочем, мне кажется, что у меня уже просто галлюцинации.

— Женя, это Инга, — начинаю объясняться я, как только слышу чарующий низкий голос. Который переворачивает у

меня всё внутри.

Это надо прекращать!

— Инга?! — радостно восклицает он в трубку, как будто он уже не ожидал меня услышать. Как будто сидел и специально ждал моего звонка. — Я как раз вам только что набирал!

— Да, извините, я была на важной встрече, — оправдываюсь я.

— Встречались с писателем? — переспрашивает красавчик.

— Почти. С литературным агентом. Но это неважно, — перебиваю я его восторженные вскрики. — Вы не представляете, кого я только что встретила сейчас на Невском, — бормочу я. — Вашу Барби!

— Барби?! Что с ней?! — мгновенно меняется его голос, словно ему сообщили, что его мама умерла, а дом сгорел.

— Не беспокойтесь, она со мной. Точнее, у меня на руках, — объясняю я ему. — Просто ума не приложу, как она здесь очутилась.

— Стойте там! — слышу я Женин голос. — Я еду, никуда не уходите! Сейчас буду! — кричит он мне. — Скажите только адрес!

Я оглядываюсь по сторонам. Такое ощущение, что я очутилась в дешёвом водевиле. Или прямо в одном из романов моей дорогой Алекс.

Как он там назывался? «Принц с собачкой»? Только там, кажется, был как раз мастиф Или всё-таки овчарка? Этого просто не может быть! Я сплю, мой Питер навевает на меня морок, и всё, что происходит вокруг — всего лишь плод моего больного воображения.

Точнее, больного воображения Олеси Ивановой.

— Ты не поверишь, что со мной сейчас случилось, — начинаю я надиктовывать сообщение в мессенджер своей лучшей подруге. У нас с ней так принято: я ей не звоню и не пишу, а просто записываю ей голосовухи, когда у меня есть минутка, а она мне отвечает, когда у неё появляется окно между её многочисленными собачьими клиентами.

Но я не успеваю даже рассказать ей и половины всего, как сзади меня раздаётся тихий гудок, и Барби у меня на руках заливается диким визгливым лаем. Поворачиваю голову: у обочины стоит какой-то умопомрачительный спорткар цвета переливающегося на солнце изумруда, и из него уже легко и непринуждённо выскакивает мой прекрасный Женя.

У меня захватывает дух от одного его вида: он выглядит так неуместно в этом сером дне, как прекрасный распустившийся бутон розы в грязном подтаявшем снеге. Высокий, цветущий и мужественный, он подходит ко мне в два шага, и Барби прыгает ему на грудь.

— Как ты снова могла сбежать? — ласково выговаривает он своей питомице. И уже обращает на меня свой плени-

тельный взгляд, от которого у меня внутри начинают бурлить пузырьки радости. — Я в неоплатном долгу перед вами, — начинает он. — Если бы вы только знали, что эта собачка значит для меня, — и Барби снова начинает вылизывать его лицо. — Как я могу вас отблагодарить? Только скажите! — умоляет меня Евгений.

И мне хочется сказать ему: возьми меня здесь, прямо на капоте своей великолепной голливудской тачки, разложи меня, как последнюю шлюху, задери мою юбку и трахни прямо на глазах у этой угрюмой публики! Но вместо этого, конечно же, я, просто скромно потупив глаза в пол, отвечаю:

— Ну что вы, чашки кофе будет более чем достаточно.

Ну и к тому же я помню чёткие инструкции своей Иры Пчёлкиной: дай ему за тобой поохотиться. Женщина — всегда дичь, а мужчина — охотник.

— Да, конечно! У вас есть сейчас время? — с озабоченным видом спрашивает Евгений, и хотя у меня для него есть вся жизнь, которую я готова провести вместе с ним, валяясь в его жарких пряных объятиях, я, кинув беглый деловой взгляд на наручные часы, отвечаю:

— Пожалуй, полчаса. А потом надо снова бежать по делам.

Евгений галантно подставляет мне свой локоть, не отпуская из своих объятий розовую Барби, и я продеваю свою руку в его. Он идёт гордо по Невскому, и холодный ветер улиц

развевает его густые каштановые волосы. Мой спутник такой неимоверно красивый в своём элегантном английском пальто и чёрных узких брюках, что чувство необъяснимой тайной гордости переполняет всю мою душу.

Я не без победного удовольствия и злорадства ловлю на себе завистливые взгляды проходящих мимо женщин и мужчин, и частичка сияющей красоты прекрасного принца словно переходит и на меня: мои плечи расправляются, подбородок сам собой задирается вверх, а поступь делается увереннее и пластичнее. Ещё немного, и я сама поверю в то, что я неимоверная красавица, достойная такого мужчины.

— К Елисеевым? — спрашивает меня мой спутник, и я тут же яростно мотаю головой.

Не хватало мне ещё наткнуться там снова на этого странного Дракона. Заколдовавшего меня. Нагнавшего на меня морок старинных питерских болот

— А давайте лучше в «Север-Метрополь»? — предлагаю я, уводя подальше Женю от моего странного нового знакомого.

Мы усаживаемся с ним в бархатные кресла, и я про себя отмечаю, что никто даже слова не посмел сказать моему статному красавцу по поводу его собачонки. Хотя с животными вход запрещён.

Но стоило ему только открыть рот: «Будьте добры, два пирожных *Алые паруса* и два больших капучино, пожалуйста», — и лицо продавщицы расплывается в приветливой улыбке,

озаряющей все её эклеры на витрине. И только в ответ: «Присаживайтесь, сейчас всё принесём! Какой милый пёсик!», и Барби скалит в ответ свои крошечные белоснежные зубки.

Не удивлюсь, если он ей чистит их каждый день зубной щёткой и нитью. Какая поразительная забота!

Но факт остаётся фактом: я утопаю в бархатном золочёном кресле, пока самый красивый мужчина северной столицы угощает меня кофе с пирожными. И моё сердце в груди прыгает от одной его близости как бешеный заяц, но я стараюсь вести себя сдержанно и скромно, чтобы никто даже и не догадался, какой дремлющий вулкан вдруг проснулся во мне.

— Простите, что снова отвлекли вас от очень важных дел, — извиняется Женя, ласково поглядывая на Барби, устроившуюся на его коленях. На которых я и сама бы сейчас не отказалась посидеть. Чтобы почувствовать под тонкими слоями ткани его твёрдый стальной — Вы, наверное, встречались с каким-нибудь известным писателем? — прерывает он мои липкие фантазии, и я пожимаю плечами, вспоминая странного Дракона.

— Да нет, с литературным агентом. Можно сказать, с клиентом, — объясняю я. — Известные авторы, особенно зарубежные, как правило имеют собственных агентов, которые и представляют все их интересы в издательствах. Своего рода прослойка. Прокладка, — мстительно добавляю я.

Потому что эта прокладка собирает слишком много денег,

на сумму которых вырастает часть гонорара. С другой стороны, наша талантливая Олеся Иванова предпочитает работать без агента, и поэтому все её причуды приходится терпеть мне. Зато никаких процентов.

Я отламываю вилкой кусочек пирожного с романтическим названием *Алые паруса* и чувствую на языке вкус сливочного крема и варёной сгущенки: прямо как в детстве. И лёгкая кислинка брусники с горечью миндаля. И вспоминаю странный заколдованный коктейль у Елисеевых. Наверняка этот Дракон подсунул в него что-то, надо быть с ним начеку, — проносится у меня в голове. И ещё этот официант странный, прямо как из балета «Щелкунчик»

— Такое интересное название, — разбавляю я тишину ценным замечанием. — У пирожного. Прямо, как у книги

— А вы любите «Алые паруса»? — спрашивает меня мой принц. Который и сам как невиданный капитан Грей, словно приплыл ко мне из волшебной страны.

— Ну, знаете ли, — мнусь я. — Конечно же, это считается бесспорной классикой. Но по сути, это вся та же сказка про Золушку, только в других декорациях, вы не находите? — отхлёбываю я свой капучино и рассматриваю прекрасное лицо, спрятавшись за молочную шапку пены.

— Ну тогда практически любую книгу можно назвать сказкой про Золушку, — со смехом отвечает Женя.

И даже смех у него такой грудной. Манящий. Призывный. И я замечаю, как несколько посетительниц оборачиваются

на этот чарующий звук и застывают, не в состоянии отвести взгляда от нас. Точнее, от него.

— Возьмите любую историю, и там будет обязательно принц и простая девушка. Да хоть эти, как их, — морщит он свой высокий лоб, припоминая, — «Пятьдесят оттенков»! — радостно восклицает он. — И даже имя главного героя – Грей.

— Да, вы правы, — вынуждена согласиться я. — Наверное, потому что девочек с пелёнок воспитывают на этих простеньких сказках, из которых всем бы пора уже вырасти, и стоит им только хоть немного повзрослеть, они пересаживаются на какие-нибудь «Сумерки» или те же самые «Оттенки», — кривлюсь я, как от кислого лимона.

— А что в этом плохого? — вдруг задаёт резонный вопрос Евгений. — Что плохого в принцах?

Действительно, что же в них плохого? Учитывая, что сейчас один из них как раз сидит прямо напротив? Я смотрю на серый день за окном, которому осталось совсем немного, и, наконец-то, отвечаю:

— Возможно, потому что принцев катастрофически мало? Не хватает на всех? — выдаю я. Капитан Очевидность.

— Я думаю, если ты настоящая принцесса, и тебе даже горошинка — булыжник, то твой принц обязательно найдёт тебя, — глубокомысленно добавляет Женя и смотрит на меня своими сказочными синими глазами.

— А чем вы занимаетесь, Евгений? — перевожу я разго-

вор в другое русло. А то что-то слишком много волшебства для меня на сегодня.

— А я вам не говорил? — спохватывается он. — Я адвокат. Специализируюсь на семейном и гражданском праве. Развожу людей. Делю имущество, — ухмыляется он в свой кофе.

— Как интересно, — бормочу я.

И в самом деле: всё интереснее и интереснее. Какой экземпляр. Какой самец. Так и съела бы его. Как самка богомола. Или паучиха.

Но я не подаю и вида, а словно невзначай спрашиваю:

— А ваша жена кто по профессии? — и сразу же отправляю в рот кусок шоколада. Если он скажет, что женат, то я хотя бы смягчу эту горечь.

— У меня нет жены, — отвечает он. — Развёлся.

И я с наслаждением жую свой кусочек. Никогда не ела таких вкусных десертов!

— Мне жаль, — вежливо добавляю я, опустив глаза в свою чашку, хотя мне совершенно не жаль! Я просто на седьмом небе от счастья! По крайне мере, дорога чиста.

— Ничего страшного, спасибо. Я уже пережил это, — неужели его вообще способен кто-то бросить?! — Вы знаете, я даже завёл себе хобби. Я ведь президент питерского Клуба холостяков.

— Что?! — вылетают у меня изо рта обломок миндаля.

— Просто клуб, куда мы приглашаем всех одиноких муж-

чин нашего города. В этом что-то есть, согласитесь?

— Определённо, — вежливо отвечаю я. — И что в вашем уставе, позвольте узнать? Вы не приветствуете браки? Запрещаете их? Или избегаете женщин?

— Да нет, что вы! Всё не так запущенно, — улыбается Женя. — Я просто ещё пока не встретил свою принцессу. Но первым же распущу свой клуб, если это со мной случится, — доверительно сообщает он мне, и моё сердце превращается в клубок шёлковых ниток.

Нежных, мягких, крепких.

Я его принцесса. Его Ассоль. Ему только надо это наконец-то дать понять.

И маленькая Барби, сидящая на коленях своего хозяина, вдруг начинает рычать на меня.

«Инга, жду тебя через час», — моргает мой телефон сообщением от босса, и я начинаю вежливо прощаться со своим кавалером. Хотя мне не хочется расставаться с ним даже на минуту. Мне надо срочно придумать очередной предлог, чтобы ещё раз с ним встретиться, но не думаю, что его Барби сбежит от своего хозяина в очередной раз.

— Что, уже пора на работу? — кивает на мой мобильный Женя, и я отвечаю:

— К сожалению, мне надо бежать. Неотложные дела. Книги не ждут! — виновато улыбаюсь я.

Знал бы Евгений, какие книги мне приходится подписы-

вать в печать! Это тебе не «Алые паруса» Александра Грина. А пошлые, потные и влажные любовные романчики, которые втихаря читают под прилавком продавщицы «Ленты». Или женщины, едущие в метро с работы. Или затраханные жизнью мамочки, выкраивающие вечером для себя пять минут блаженства в мире сверкающих миллионеров, пока их заляпанные молочной смесью детишки посапывают в кроватках.

— А какую книгу вы сейчас готовите в печать? — с неподдельным интересом спрашивает этот брутальный красавец, и я, словно извиняясь, выдавливаю из себя:

— Вот сейчас как раз уходит в типографию новый бестселлер топового автора *Amazon*Саши Шу «Двести дней у мафии», — потупив глазки в свой недопитый капучино, скрепя сердце признаюсь я.

Хотя, конечно же, с большим бы удовольствием сообщила, что я выпускающий редактор Ханьи Янагихары. Или Селесты Инг. Видимо, пора уже соглашаться на Достоевского.

И тут глаза моего собеседника загораются настоящим небесным светом, и он с искренним восхищением переспрашивает:

— Самой Саши Шу? Не могу поверить! Я же читал её в оригинале и не смог оторваться! Прочитал за одну ночь! — с воодушевлением рассказывает он мне, и я с недоверием смотрю на Женю.

Про ту ли Сашу Шу он говорит?

— «Двести дней у мафии»! Да это же просто новая клас-

сика любовного романа, — продолжает мой принц, и Барби тихонько поскуливает ему в такт. — И вы будете работать с самой Сашей?! — недоверчиво смотрит он на меня, как будто я только что объявила ему, что я — высшая жрица культа Ктулху.

Загадочная и недосягаемая. Имеющая прямой доступ к божественному телу. И теперь я ловлю в его взгляде толику обожания. Она перешла и на меня.

И это мне нравится. Согревает. Возносит. Покрывает меня волшебной пыльцой феи Динь-Динь.

— А вы знали, что ходят слухи, что Саша на самом деле состояла в преступной группировке? Была её членом? И она скрывает свою личность, потому что боится быть раскрытой? Опасается, что её найдут? — переспрашивает меня Женя, а мне стыдно признаться ему, что я даже не читала её бессмертные романы.

И вообще до вчерашнего дня не подозревала, что когда-нибудь с ней буду иметь дело. Но сейчас я, приосанившись и подняв на него взгляд, твёрдо и уверено отвечаю:

— Ну конечно. И мы даже через пару дней отправляемся в небольшой рекламный тур по стране с Сашей Шу и Алекс Стар, чтобы представить читателям их новинки.

— Какая у вас интересная работа! — в восхищении взирает на меня Евгений. — Знаменитые писатели! Туры! Бестселлеры! И с самой Сашей Шу! Никто же даже не знает, как она выглядит!

Ну что же, я не хочу разочаровывать своего собеседника и высказывать ему свои предположения, что, скорее всего, она выглядит как девяносто процентов всех авторов женских романов: неприметных женщины за сорок, немного помятых и лицом, и одеждой, как правило в очках и с фиолетовыми волосами в косичках. Портрет среднестатистической современной писательницы. Правда, иногда встречаются яркие исключения, как наша Алекс Стар. И поэтому я улыбаюсь и скромно отвечаю:

— Хотите, я вас как-нибудь познакомлю? — и вижу, как разливается тёмно-синее небо в лучезарных глазах Евгения.

— Барби? — окликаю я игрушечную собачку, и она вопросительно смотрит на меня.

Узнала, сучка.

— Ты опять сбежала? Второй раз за сутки? — спрашиваю я её, словно она сейчас мне подробно объяснит, как оказалась здесь.

Сбежала, чтобы оказаться за пару километров от дома, именно в том месте, где я должна встречаться с агентом? Всё это попахивает какой-то гоголевской чертовщиной, но я покорно беру собачонку на руки, и достаю заветную визитку.

Перед этим проверяю ошейник. На всякий случай. Золотой брелок с именем на месте. Ошибки быть не может: это именно моя собачка. И что там бормотал этот Дракон? Хотя, впрочем, мне кажется, что у меня уже просто галлюцинации.

— Женя, это Инга, — начинаю объясняться я, как только

слышу чарующий низкий голос. Который переворачивает у меня всё внутри.

Это надо прекращать!

— Инга?! — радостно восклицает он в трубку, как будто он уже не ожидал меня услышать. Как будто сидел и специально ждал мой звонок. — Я как раз вам только что звонил!

— Да, извините, я была на важной встрече, — оправдываюсь я.

— Встречались с писателем? — переспрашивает красавчик.

— Почти. С литературным агентом. Но это не важно, — перебиваю я его восторженные вскрики. — Вы не представляете, кого я только что встретила сейчас на Невском, — бормочу я. — Вашу Барби!

— Барби?! Что с ней?! — мгновенно меняется его голос, словно ему сообщили, что его мама умерла, а дом сгорел.

— Не беспокойтесь, она со мной. Точнее, у меня на руках, — объясняю я ему. — Просто ума не приложу, как она здесь очутилась.

— Стойте там! — слышу я Женин голос. — Я еду, никуда не уходите! Сейчас буду! — кричит он мне. — Скажите только адрес!

Я оглядываюсь по сторонам. Такое ощущение, что я очутилась в дешёвом водевиле. Или прямо в одном из романов моей дорогой Алекс.

Как она там назывался? «Принц с собачкой»? Только там,

кажется, был как раз мастиф… Или всё-таки овчарка? Этого просто не может быть! Я сплю, мой Питер навевает на меня морок, и всё, что происходит вокруг — всего лишь плод моего больного воображения.

Точнее, больного воображения Олеси Ивановой.

— Ты не поверишь, что со мной сейчас случилось, — начинаю я надиктовывать сообщение в телегу своей лучшей подруге. У нас с ней так принято: я ей не звоню и не пишу, а просто записываю ей голосовухи, когда у меня есть минутка, а она мне отвечает, когда у неё появляется окно между её многочисленными собачьими клиентами.

Но я не успеваю даже рассказать ей и половины всего, как сзади меня раздаётся тихий гудок, и Барби у меня на руках заливается диким визгливым лаем. Поворачиваю голову: у обочины стоит какой-то умопомрачительный спорткар цвета переливающегося на солнце изумруда, и из него уже легко и непринуждённо выскакивает мой прекрасный Женя.

У меня захватывает дух от одного его вида: он выглядит так неуместно в этом сером дне, как прекрасный распустившийся бутон розы в грязном подтаявшем снеге. Высокий, цветущий и мужественный, он подходит ко мне в два шага, и Барби прыгает ему на грудь.

— Как ты снова могла сбежать? — ласково выговаривает он своей питомице. И уже обращает на меня свой пленительный взгляд, от которого у меня внутри начинают бурлить пузырьки радости. — Я в неоплатном долгу перед вами, —

начинает он. — Если бы вы только знали, что эта собачка значит для меня, — и Барби снова начинает вылизывать его лицо. — Как я могу вас отблагодарить? Только скажите! — умоляет меня Евгений.

И мне хочется сказать ему: возьми меня здесь, прямо на капоте своей великолепной голливудской тачки, разложи меня, как последнюю шлюху, задери мою юбку и трахни прямо на глазах у этой угрюмой публики! Но вместо этого, конечно же, я, просто скромно потупив глаза в пол, отвечаю:

— Ну что вы, чашки кофе будет более чем достаточно.

Ну и к тому же, я помню чёткие инструкции своей Иры Пчёлкиной: дай ему за тобой поохотиться. Женщина — всегда дичь, а мужчина — охотник.

— Да, конечно! У вас есть сейчас время? — с озабоченным видом спрашивает Евгений, и хотя у меня для него есть вся жизнь, которую я готова провести вместе с ним, валяясь в его жарких пряных объятиях, я, кинув беглый деловой взгляд на наручные часы, отвечаю:

— Пожалуй, полчаса. А потом надо снова бежать по делам.

Евгений галантно подставляет мне свой локоть, не отпуская из своих объятий розовую Барби, и я продеваю руку в его. Он идёт гордо по Невскому, и холодный ветер улиц развевает его густые каштановые волосы. Мой спутник такой неимоверно красивый в своём элегантном английском пальто и чёрных узких брюках, что чувство необъяснимой тай-

ной гордости переполняет всю мою душу.

Я не без победного удовольствия и злорадства ловлю на себе завистливые взгляды проходящих мимо женщин и мужчин, и частичка сияющей красоты прекрасного принца словно переходит и на меня: мои плечи расправляются, подбородок сам собой задирается вверх, а поступь делается увереннее и пластичнее. Ещё немного, и я сама поверю в то, что я неимоверная красавица, достойная такого мужчины.

— К Елисеевым? — спрашивает меня мой спутник, и я тут же яростно мотаю головой.

Не хватало мне ещё наткнуться там снова на этого странного Дракона. Заколдовавшего меня. Нагнавшего на меня морок старинных питерских болот…

— А давайте лучше в «Север-Метрополь»? — предлагаю я, уводя подальше Женю от моего странного нового знакомого.

Мы усаживаемся с ним в бархатные кресла, и я про себя отмечаю, что никто даже слова не посмел сказать моему статному красавцу по поводу его собачонки. Хотя с животными вход запрещён.

Но стоило ему только открыть рот: «Будьте добры, два пирожных Алые паруса и два больших капучино, пожалуйста», — и лицо продавщицы расплывается в приветливой улыбке, озаряющей все её эклеры на витрине. И только в ответ: «Присаживайтесь, сейчас всё принесём! Какой милый пёсик!», и Барби только скалит в ответ свои крошечные белоснежные

зубки.

Не удивлюсь, если он ей чистит их каждый день зубной щёткой и нитью. Какая поразительная забота!

Но факт остаётся фактом: я утопаю в бархатном золочёном кресле, пока самый красивый мужчина северной столицы угощает меня кофе с пирожными. И моё сердце в груди прыгает от одной его близости как бешеный заяц, но я стараюсь вести себя сдержанно и скромно, чтобы никто даже и не догадался, какой дремлющий вулкан вдруг проснулся во мне.

— Простите, что снова отвлекли вас от очень важных дел, — извиняется Женя, ласково поглядывая на Барби, устроившуюся на его коленях. На которых я и сама бы сейчас не отказалась посидеть. Чтобы почувствовать под тонкими слоями ткани его твёрдый стальной… — Вы, наверное, встречались с каким-нибудь известным писателем? — прерывает он мои липкие фантазии, и я пожимаю плечами, вспоминая странного Дракона.

— Да нет, с литературным агентом. Можно сказать, с клиентом, — объясняю я. — Известные авторы, особенно зарубежные, как правило имеют собственных агентов, которые и представляют все их интересы в издательствах. Своего рода прослойка. Прокладка, — мстительно добавляю я.

Потому что эта прокладка собирает слишком много денег, на сумму которых вырастает часть гонорара. С другой стороны, наша талантливая Олеся Иванова предпочитает рабо-

тать без агента, и поэтому все её причуды приходится терпеть мне. Зато никаких процентов.

Я отламываю вилкой кусочек пирожного с романтическим названием Алые парусаи чувствую на языке вкус сливочного крема и варёной сгущенки: прямо как в детстве. И лёгкая кислинка брусники с горечью миндаля. И вспоминаю странный заколдованный коктейль у Елисеевых. Наверняка этот Дракон подсунул в него что-то, надо быть с ним начеку, — проносится у меня в голове. И ещё этот официант странный, прямо как из балета «Щелкунчик»…

— Такое интересное название, — разбавляю я тишину ценным замечанием. — У пирожного. Прямо, как у книги…

— А вы любите «Алые паруса»? — спрашивает меня мой принц. Который и сам как невиданный капитан Грей, словно приплыл ко мне из волшебной страны.

— Ну, знаете ли, — мнусь я. — Конечно же, это считается бесспорной классикой. Но по сути, это вся та же сказка про Золушку, только в других декорациях, вы не находите? — отхлёбываю я свой капучино и рассматриваю прекрасное лицо, спрятавшись за молочную шапку пены.

— Ну тогда практически любую книгу можно назвать сказкой про Золушку, — со смехом отвечает Женя.

И даже смех у него такой грудной. Манящий. Призывный. И я замечаю, как несколько посетительниц оборачиваются на этот чарующий смех и застывают, не в состоянии отвести взгляда от нас. Точнее, от него.

— Возьмите любую историю, и там будет обязательно принц и простая девушка. Да хоть эти, как их, — наморщивает он свой высокий лоб, припоминая, — «Пятьдесят оттенков»! — радостно восклицает он. — И даже имя главного героя – Грей.

— Да, вы правы, — вынуждена согласиться я. — Наверное, потому что девочек с пелёнок воспитывают на этих простеньких сказках, из которых всем бы пора уже вырасти, и стоит им только хоть немного повзрослеть, они пересаживаются на какие-нибудь «Сумерки» или те же самые «Оттенки», — кривлюсь я, как от кислого лимона.

— А что в этом плохого? — вдруг задаёт резонный вопрос Евгений. — Что плохого в принцах?

Действительно, что же в них плохого? Учитывая, что сейчас один из них как раз сидит прямо напротив? Я смотрю на серый день за окном, которому осталось совсем немного, и, наконец-то, отвечаю:

— Возможно, потому что принцев катастрофически мало? Не хватает на всех? — выдаю я. Капитан Очевидность.

— Я думаю, если ты настоящая принцесса, и тебе даже горошинка — булыжник, то твой принц обязательно найдёт тебя, — глубокомысленно добавляет Женя и смотрит на меня своими сказочными синими глазами.

— А чем вы занимаетесь, Евгений? — перевожу я разговор в другое русло. А то что-то слишком много волшебства для меня на сегодня.

— А я вам не говорил? — спохватывается он. — Я адвокат. Специализируюсь на семейном и гражданском праве. Развожу людей. Делю имущество, — ухмыляется он в свой кофе.

— Как интересно, — бормочу я.

И на самом деле: всё интереснее и интереснее. Какой экземпляр. Какой самец. Так и съела бы его. Как самка богомола. Или паучиха.

Но я не подаю и вида, а словно невзначай спрашиваю:

— А ваша жена кто по профессии? — и сразу же отправляю в рот кусок шоколада. Если он скажет, что женат, то я хотя бы смягчу эту горечь.

— У меня нет жены, — отвечает он. — Развёлся.

И я с наслаждением жую свой кусочек. Никогда не ела таких вкусных десертов!

— Мне жаль, — вежливо добавляю я, опустив глаза в свою чашку, хотя мне совершенно не жаль! Я просто на седьмом небе от счастья! По крайне мере, дорога чиста.

— Ничего страшного, спасибо. Я уже пережил это, — неужели его вообще способен кто-то бросить?! — Вы знаете, я даже завёл себе хобби. Я ведь президент питерского Клуба холостяков.

— Что?! — вылетают у меня изо рта кусочек миндаля.

— Просто клуб, куда мы приглашаем всех одиноких мужчин нашего города. В этом что-то есть, согласитесь?

— Определённо, — вежливо отвечаю я. — И что в вашем

уставе, позвольте узнать? Вы не приветствуете браки? Запрещаете их? Или избегаете женщин?

— Да нет, что вы! Всё не так запущенно, — улыбается Женя. — Я просто ещё пока не встретил свою принцессу. Но первым же распущу свой клуб, если это со мной случится, — доверительно сообщает он мне, и моё сердце превращае

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.